Ю.Ю. Моргунов

Самсониев Остров

Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках

НАУКА

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Ю.Ю. Моргунов

Сампсониев Остров

Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках

МОСКВА НАУКА 2003

УДК 902/904
ББК 63.4
М79

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 03-01-00387д

Ответственный редактор
А.М. Обломский

Рецензенты:
доктор исторических наук *Л.В. Алексеев*,
кандидат исторических наук *М.Д. Полубояринова*

На переплете:
реконструкция крепости Сампсониев Остров
(рисунок Н.С. Сафроновой)

Моргунов Ю.Ю. Сампсониев Остров: Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII вв. / Ю.Ю. Моргунов; Отв. ред. А.М. Обломский; Ин-т археологии. – М.: Наука, 2003. – 187 с., 82 ил. + вклейка (16 ил.). – ISBN 5-02-008897-8 (в пер.)

Основой монографии стали итоги полевых исследований остатков древнерусского поселения на р. Суле, на берегах которой на протяжении XI–XIII вв. сформировалась одна из наиболее устойчивых оборонительных линий Южной Руси. В работе подробно анализируются материалы многолетних раскопок памятника, позволяющие проследить основные этапы развития его поселенческой структуры – от незначительного северного поселка до развитого фортификационного комплекса, возведенного на удобной речной переправе. Не оставлены без внимания и планиграфия Сампсониева Острова, особенности его домостроительства, приметы земледельческой и ремесленной культуры, а также опыт демографического анализа поселения.

Для археологов, историков.

ТП 2004-I-№ 288

ISBN 5-02-008897-8

© Ю.Ю. Моргунов, 2003
© Российская академия наук, 2003
© Издательство "Наука", художественное оформление, 2003

Археологические памятники Сенчи в составе древностей Средней Сулы

В 1990–1992 гг. в среднем течении р. Сулы, на территории Лохвицкого района Полтавской области Украины, производились раскопки небольшого древнерусского городища и селища в урочище Сампсониев Остров у с. Сенча.

На первый взгляд может показаться удивительным, что внимание археолога привлекло заурядное сельское укрепление округлой в плане формы, имеющее внутренние размеры всего 40 × 45 м. Раскопки подобных памятников уже не раз фиксировали и бедность их культурного слоя, и односторонее развитие хозяйственной жизни поселения, размещенного вдалеке от оживленных торговых путей и крупных административных центров. Для современного человека также не вполне понятен и оборонительный смысл подобных форпостов на далеком лесостепном пограничье Южной Руси. Трудно себе представить, что они могли являться серьезным препятствием на пути грозной половецкой конницы, с надеждой на легкую добычу часто вторгавшейся в славянские пределы.

Тем не менее, статистика показывает, что именно такие крохотные крепостицы были наиболее популярными в русской фортификации на протяжении всего домонгольского периода. К примеру, по наиболее полным подсчетам, принадлежавшим А.В. Кузе, они составляли 46,7% от общего количества всех известных остатков древнерусских оборонительных сооружений (1983. С. 26). Эти цифры еще более убедительны применительно к пограничному со степью Посулью: здесь наименьшие по размерам городища насчитывают почти 58% от всех возведенных в XI–XIII вв. укреплений округлой в плане формы (*Моргунов*, 1986. С. 116, рис. 4). Подобные оборонительные сооружения, в отличие от так называемых мысовых и останцовых укреплений, не связаны с рельефом окружающей местности и поэтому их можно было строить практически в любом нуждающемся в защите месте. Кроме того, округлая планировка придавала таким убежищам наилучшие тактические свойства, а сложившаяся стандартизация их конструктивных элементов не требовала значительных материальных затрат на строительство. Среди минимальных по размеру округлых

укреплений, возводившихся начиная с рубежа XI–XII вв. на Левобережье Днепра, известны укрепленные господские дворы и усадьбы-замки, сторожевые пункты для контроля над военными и торговыми путями и дозорно-сигнальные пункты, с высоты которых половецкие степи просматривались на десятки километров. Другими словами, подобные экономичные и фортификационно приспособленные к любому рельефу местности укрепления были почти универсально пригодны для решения множества локальных оборонительных задач (*Моргунов*, 1990. С. 108).

Функциональная гибкость округлой фортификации и ее независимость от рельефа местности были особо важны в условиях защиты южно-русского пограничья, поскольку распределение оборонительных узлов, бродов и удобных переходов через заболоченную пойму Сулы далеко не всегда совпадало с наличием естественных мысов или останцов, самой природой приспособленных для их укрепления.

И все же складывающиеся ныне представления о функциональной нагрузке древних укреплений в значительной мере находятся в зачаточном состоянии. В большинстве анализируемых случаев мы пока можем уловить только наиболее явные признаки, в какой-то мере способствующие распознанию характера этой нагрузки. К таким признакам можно отнести размеры укрепленных поселений и своеобразие их топографического размещения. Существует и упрощенное толкование преимущественного предназначения объектов крепостного строительства, основанное на иллюзорном реконструировании тех первостепенных оборонительных задач, которые могли быть поставлены древними заказчиками перед зодчими-фортификаторами. Поэтому наше понимание защитной роли укрепленных поселений зависит в первую очередь от характера особенностей всего комплекса полученных при их раскопках археологических материалов.

Приступая к раскопкам рядового пограничного укрепления, размещенного на удобном переходе через заболоченную пойму пограничной Сулы, автор на основе археологических материалов надеялся получить наиболее объективное представление о времени существования укрепленного пункта и его оборонительных качествах, характере культурных напластований и застроенности площадки. В итоге эта информация должна была объяснить характер взаимосвязи крепости с открытым поселением, а распределение и специфика конкретных археологических находок могли дать определение основной функциональной нагрузки защитного пункта в условиях границы со степью. Залогом успешного решения этих задач в данном случае является неперемешанность древнерусских культурных напластований городища и селища во время хозяйственного использования их территории в позднее средневековье – явление в Посулье весьма редкое.

Раскопки этого памятника могли помочь и в решении более общих вопросов, связанных с формированием отдельных защитных узлов посульской оборонительной линии. В XII в. укрепление Сампсониев Остров входило в

состав компактной группы крепостей, созданных для защиты стратегически важных бродов через Сулу и устоявшихся военно-торговых путей, ведущих в глубинные районы Переяславской земли и в направлении Киева. В состав этой группы оборонительных сооружений, кроме летописных городов Синца, Кснятина и Лохвицы, входили и менее значительные оборонительные пункты; известны в этом ареале также и укрепления-замки торческой знати, состоявшей на приграничной службе у русских князей. Все это представляет лохвицкий защитный узел в качестве одного из важнейших звеньев Посульской оборонительной линии.

В 1990–1991 гг. раскопки производились Посульской экспедицией ИА РАН под руководством автора и при деятельном участии ведущего научного сотрудника ИА НАНУ Р.В. Терпиловского, изучавшего подстилающие раннеславянские напластования памятника. В 1992 г. в связи с политическими изменениями на Украине руководство экспедицией было передано Р.В. Терпиловскому. К сожалению, в связи с этими же изменениями остеологические материалы были утрачены, но коллекция находок древнерусского времени после ее реставрации и научной обработки была в полном объеме передана в Лохвицкий краеведческий музей.

Автор искренне признателен тресту Полтавагазпром за финансирование исследований, а также представителям местной интеллигенции и страстным поклонникам изучения древнерусской истории, за помощь при проведении полевых работ. Особенно приятно назвать имена Б.П. Гоцкого, Н.П. Солонца, А.В. Луненкова, А.И. Цуркан, В.Н. Козюры, С.В. Лесика, А.А. Кочура и многих других – без их активного содействия вряд ли возможно было исследовать на городище и селище 5700 м² культурных напластований, сделать любопытные наблюдения и получить множество находок. Автор также искренне признателен И.Г. Граве, любезно выполнившей рисунки индивидуальных находок и керамики.

Подробное описание итогов изучения данного археологического памятника нуждается хотя бы в кратком обзоре той исторической обстановки, на фоне которой происходило заселение и освоение Русью степной окраины.

Непростые взаимоотношения Руси с ее кочевыми юго-восточными соседями очень рано определили характер заселения и позднейшую политическую судьбу населения восточных киевских окраин на левом берегу Днепра.

В конце X в., в связи с резким обострением печенежской внешнеполитической активности, Владимир Святославич выдвинул программу укрепления внешних пределов государства, известную нам по статье 988 г. Повести временных лет (ПСРЛ. Т. 1. С. 121). В свете осуществления этой программы в лесистом Заднепровье, недалеко от устья р. Трубеж, около 993 г. им были возведены оборонительные укрепления Переяславля. На тот период это был крайний русский форпост, который защищал основной трубежский брод, через который открывались дороги на Киев.

Поскольку р. Трубеж протекала всего в двух днях конного пути от столицы, Владимир Святославич позже провел оборонительные мероприятия и в низовьях Сулы, где безлесное черноземное плато круто обрывалось к обширной и заболоченной сульской долине с ее влажными перелесками, протоками и бродами. Отсюда вдоль низкого левого берега Днепра по незащищенной равнине на Русь следовали наиболее ранние торные кочевнические дороги из левобережных степей. Для контроля над этими путями был проведен целый комплекс оборонительных мероприятий. Здесь в защищенной деревянными стенами сульской бухте были возведены мощные укрепления летописного города Воиня, который был способен укрыть плывущие по Днепру торговые суда. Кроме того, крутые берега Нижней Сулы были опоясаны многоступенчатым эскарпом, по краям защищенным бревенчатыми оградами, а от Переяславля до Воиня протянулась длинная деревянная стена, остатки которой в народе прозваны "змиевым валом". Она не позволяла печенегам безнаказанно вторгаться на Переяславщину с правого берега через многочисленные днепровские броды.

Одной из основных оборонительных проблем того времени было практически полное отсутствие коренного славянского населения в окрестностях юго-восточнее Переяславля. Это заставило Владимира Святославича ввести практику переселения "мужей лучших" из более северных областей Руси, не затронутых печенежскими набегами, на южные окраины государства и создания разноплеменных поселений вдоль его новых границ. На Суле подобные поселения размещались под защитой змиевых валов на доминирующих высотах, напротив твердых бродов или в местах наиболее удобных подъемов от реки на высокие правобережные кручи. Таким образом, передовые русские укрепления, сложившиеся в своеобразный укрепленный район, были оттянуты на 120 км от Переяславля в глубину степей вдоль той же самой степной дороги – одного из отрогов древнего Великого шелкового пути (*Моргунов*, 1998. С. 32–40). Оборонительные акции Владимира Святославича определили главную линию заселения и территориального развития будущей Переяславской земли как оборонительного щита Южной Руси от кочевнических вторжений (рис. 1).

Созданием ранней группы укреплений на Нижней Суле было положено начало формирования на Левобережье глубоко эшелонированной оборонительной системы. Первоначально нижнесульский рубеж мог быть предназначен только для уменьшения фактора неожиданности, которым славилась кочевническая конница, для ее хотя бы временного задержания на далекой окраине, с тем чтобы княжеская власть получила время для концентрации русских войск на линии печенежского удара (в качестве положительного итога этой огромной оборонительной деятельности можно привести пример 1055 г., когда впервые объявившиеся у русских пределов для заключения мира половцы появились у Воиня).

Позже, с расселением между Сулой и Переяславлем торческих кавалерийских формирований, появилась возможность налаживания более тесной

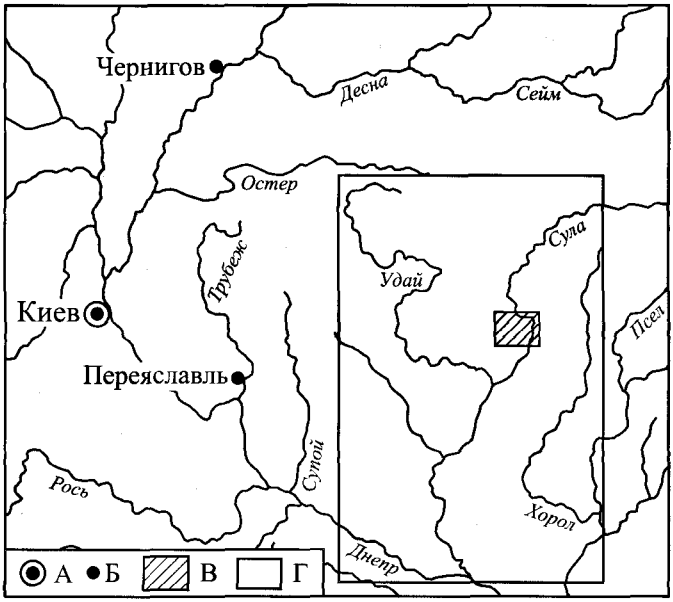


Рис. 1. Поречье Сулы на фоне днепровского Левобережья
А, Б – центры земель-княжений; В – изучаемый регион; Г – поречье Сулы

связи между нижнесульским анклавом и столицей. "Переяславские торки" смогли заполнить поселенческий вакуум, образовавшийся на широкой полосе приднепровской степи, а их легкая конница, аналогичная половецкой по степени вооруженности и тактическим приемам, значительно усилила степень безопасности внутренних районов Руси.

На протяжении второй половины XI – начала XII в. к востоку от Киева постепенно сложились и начали совершенствоваться параллельные друг другу фронтально обращенные к кочевому миру оборонительные пояса, несущие как самостоятельные, так и взаимосвязанные защитные функции.

Территориальное ядро Переяславского княжества представляло собой покрытую древними лесами меридионально ориентированную узкую полосу, ограниченную течением Днепра и Трубежа, которую источники именовали "переяславской волостью". На севере она замыкалась на Остерский Городец и придеснинские заболоченные леса, на юге основной трубежский брод контролировался Переяславлем, а днепровская артерия – летописным городом Устье. Немаловажную роль на этом участке играл летописный город Льто, защищавший идущую через дремучий лес дорогу на Киев, известную еще викингу Эрику. Археологам также известно в этой полосе более десятка менее значительных безымянных древнерусских укреплений.

В первой четверти XII в. к востоку от Трубежа как самостоятельная территориальная единица сформировался супойский район, в меридиональном

направлении насчитывавший 180 км, а в поперечнике – до 80 км. Характернейшей естественно-географической чертой этого ареала является маловодность его остепненных лугов и значительное распространение слабо засоленных черноземов. Как известно, подобные земли непригодны для экстенсивного русского земледелия, но весьма удобны для коневодства и овцеводства, – типичных отраслей кочевнического хозяйства.

Супойский район был исключительно пригоден для массового расселения "переяславских торков", недаром вплоть до XVIII в. сельскохозяйственное использование этой округи ограничивалось только выпасом лошадей для войсковой артиллерии. В северной, засоленной, части ареала наиболее вероятна и локализация торческих "городов" Баруча и Бронь Княжа, через которые проходило северное ответвление знаменитого Муравского шляха на Киев. В южной, приднепровской, полосе региона известен ряд впускных кочевнических погребений, а некоторые городища древнерусского времени снабжены эскарпами и дополнительными валами вдоль внешних склонов укреплений, свойственных степным градостроительным традициям. Через эту половину супойского района пролегал южный отрог наиболее древних дорог из степей на Киев.

С 30-х годов XII в. летописное понятие "Супой" становится в источниках устойчивым и во многом близким почти синхронно возникшему понятию "черноклобуцкое Поросье". Сюда являлись половцы для переговоров о мире, здесь формировались войсковые соединения для походов на север, сюда же приходили северные князья для осуществления своих территориальных притязаний, отсюда же они предварительно распространяли "лесть переяславцем".

Вместе с пограничной Сулой, которая к этому времени приняла на себя функции передового защитного рубежа и уже начала выдвигать вперед новые степные заставы, трубежский и супойский регионы составили триединую оборонительную структуру Переяславской земли, фронтально обращенную к кочевому миру.

Как видим, территориальная структура сопредельных южнорусских земель на обоих берегах Днепра развивалась стратегически близкими путями. Аналогом ближайшего к Киеву лесного постугненского участка является левобережный трубежский район, на переднем плане обороны располагались цепочки крепостей Роси и Сулы, а между ними, на остепненных полянах Супоя и Перепетова поля, одинаково размещались вежи и войсковые соединения оседающих на землю "своих поганых".

При этом на Левобережье, как нам кажется, первоначальный оборонительный замысел воплотился в более законченном и продуманном виде. Вероятно, это явление можно связать как с наличием более резко очерченных естественных рубежей всех трех внутренних оборонительных элементов, так и с изначально жестко ограниченными с трех сторон внешними пределами Переяславской земли. На протяжении всего домонгольского времени местные князья имели возможность расширять свои владения только в юго-

восточном, степном, направлении, и на этом пути параллельно расположенные речные артерии левых притоков Среднего Днепра придавали процессу освоения новых земель определенные элементы планомерности и поэтапности (*Моргунов*, 1998а. С. 34–39).

Несколько затянувшийся экскурс в историю формирования Переяславской земли позволил в общих чертах охарактеризовать тот интерес, какой может представить изучение древностей поречья Сулы, неоднократно упоминавшейся в летописных источниках в качестве устойчивой границы Южной Руси. На 300-километровом протяжении этого левого притока Среднего Днепра, на котором сконцентрировано большинство летописных городов Переяславской земли, было выделено три основных оборонительных узла, имевших самостоятельную оборонительную нагрузку и удачно приспособленных к местным естественно-географическим условиям (рис. 2).

Равнинное северное звено, включавшее верховья Сулы и ее правые притоки, Терн и Ромен, являлось удобным перекрестком сухопутных и водных путей. Меридиональные трассы определялись необходимостью контактов засеймской лесной зоны с посульской лесостепью. В широтном направлении между залесенными верховьями Сулы и болотами Посеймья пролегал хорошо известный по источникам путь из северных княжеств (через Курск) и степей (через реки Ворсклу и Псёл) на Киев и Переяславль. В Слове о полку Игореве эта дорога названа "полю ворота". Водные пути при помощи волоков и бифуркаций соединяли Сулу с системами Остра, Сейма и Псла.

Укрепления по р. Ромен (рис. 2, *2*) относились к восточным пределам черниговского Задесенья, а крепости по р. Терн (рис. 2, *1*) входили в состав Вырской волости, обрамлявшей узкий степной проход "полю ворот" двумя параллельными рядами крепостных сооружений. Вырская волость формировалась в составе Переяславской земли, но ее ключевое положение с конца XI в. вызывало столкновение интересов соседних княжеств и в середине XII в. она отошла к Черниговщине.

Среднесульское звено оборонительной линии (рис. 2, *3*) на севере достоверно ограничивалось переяславским летописным городом Ромеком, на юге упиралось в заболоченное течение р. Оржицы (летописная Сожица), а на западе опиралось на среднее течение р. Удай. В XII в. этот громадный пограничный участок именовался в источниках Посульем, однако вряд ли этот обширный регион представлял собой обычную волость: уже сейчас начинают выявляться его более мелкие административно-территориальные единицы. Древнерусское Посулье – самое лесистое и изборожденное овражно-балочной сетью звено оборонительной линии, судя по рельефу и частому упоминанию в летописях, – наиболее защищенный и приспособленный для проживания участок границы.

Нижнесульское звено (рис. 2, *4*) размещалось между впадением Оржицы в Сулу и днепровским течением. На этом относительно небольшом отрезке правого берега Сулы была создана максимальная плотность застройки гри-

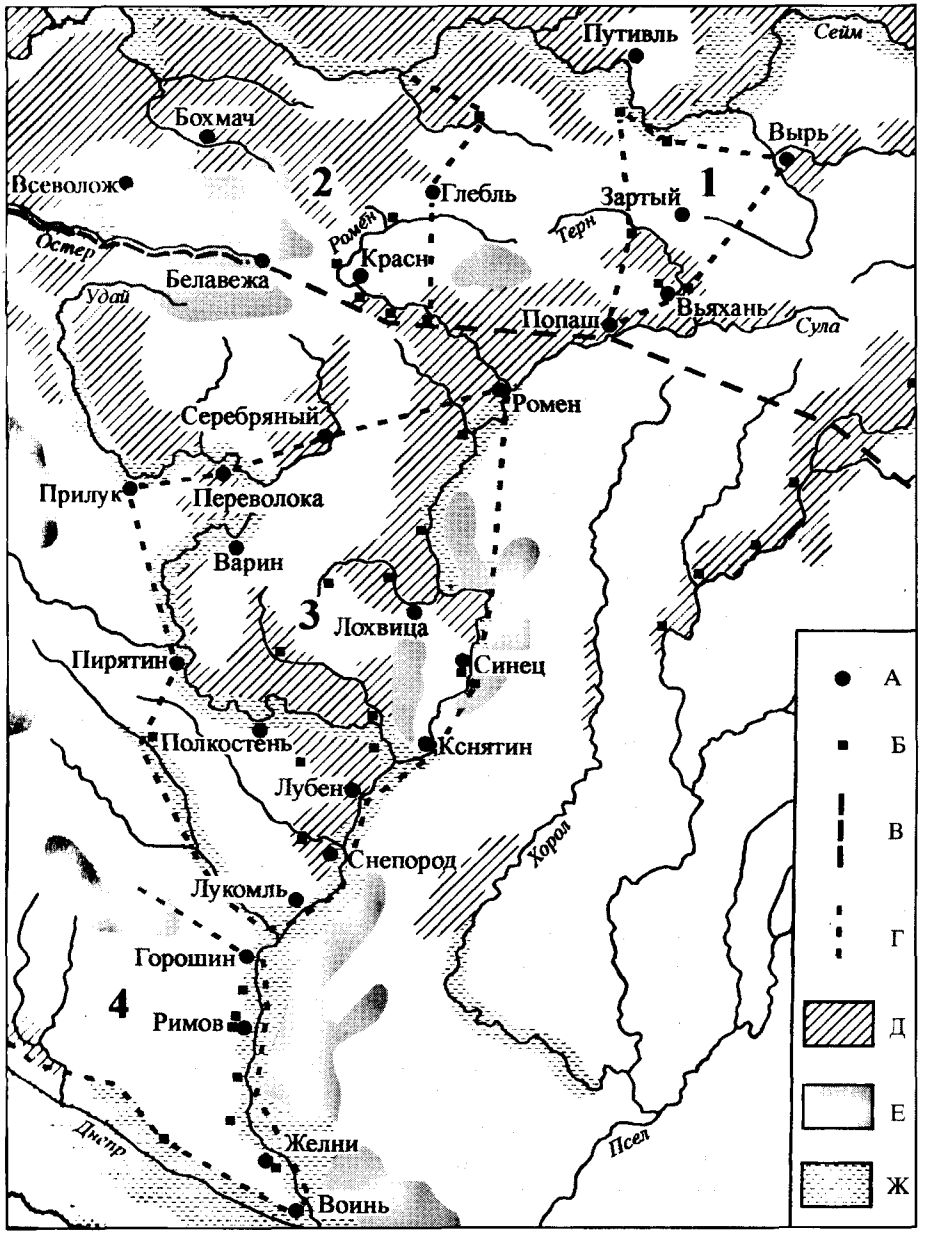


Рис. 2. Оборонительные узлы посульской границы

А – летописные города; Б – городища; Д – древние леса; Е – слабозасоленные земли; Ж – участки заболоченных пойм; В – границы княжеств; Г – пределы волостей и оборонительных узлов. 1 – Вырская волость; 2 – восточные пределы черниговского Задесенья; 3 – летописное Посулье; 4 – нижнесульский узел Посульской линии обороны

ницы крепостными сооружениями: кроме крепости-гавани Воинь, здесь располагались хорошо известные по летописным источникам Римов, Горошин, Желни, а также ряд безымянных укреплений. Ранние кочевнические пути, издревле проходившие через этот участок Посульской оборонительной линии, по мере усиления его обороноспособности переместились на среднее течение реки.

Три узловые составляющие посульского рубежа в силу различных естественно-географических, исторических и оборонительно-тактических условий развивались в различные исторические отрезки с неодинаковой интенсивностью и иногда в неодинаковом направлении (*Моргунов*, 1998. С. 22–24).

Значительной сложностью отличалась и этнокультурная история освоения Русью среднего течения реки и сложения здесь одного из наиболее ответственных оборонительных звеньев.

Как уже упоминалось выше, на рубеже X–XI вв., когда Владимир Святославич выносил на Нижнюю Сулу первые пограничные поселения, Среднее Посулье являлось территорией северянского племенного союза (археологической роменской культуры). В те времена по Верхней и Средней Суле насчитывалось всего четыре небольших поселения и несколько погребений в двух совместных могильниках, которые можно отнести к достоверным следам проникновения общерусской культуры в северянскую среду. Одно из таких поселений представлено ранним керамическим комплексом нижнего яруса культурных напластований из центра с. Сенчи (*Моргунов*, 1996. С. 70).

Дальнейшее существование северян на Средней Суле оказалось напрямую связанным с освоением Русью их племенной территории, поскольку эти земли представляли для государства дополнительный интерес как плацдарм в связи с формированием новой степной оборонительной линии. В силу плохой изученности роменских (северянских) древностей ареала, фактов, свидетельствующих о степени интенсивности государственного освоения этих земель, немного, но они дают определенные основания для формирования хотя бы первоначальных представлений об этом процессе.

Так, пожар в поудайских Хитцах, уничтоживший наиболее поздние роменские укрепления, согласно уточненным данным, датируется XI в. К этому времени полностью исчезли роменские сооружения в Мацковцах (погибли в пожаре), что также соответствует периоду уничтожения роменских крепостей междуречья Десны и Ворсклы (*Приймак*, 1997. С. 10, 11). С другой стороны, в это время северянские этноопределимые находки появились в Воине и на больших открытых поселениях Нижней Сулы, а на среднем течении реки несколько позже увеличилось количество поселений и могильников с общерусским комплексом инвентаря (Свиридовка, Лубны, Глинск, Снитин).

Уничтожение северянских крепостей и частичное отселение носителей роменской культуры на общегосударственные оборонительные рубежи было напрямую связано с активизацией включения северянских территорий в

политическую жизнь Руси. С выделением Переяславской земли в самостоятельное пограничное княжение и, видимо, с назреванием половецкой опасности процессы "огосударствления" Средней Сулы ускорились. Так, если к середине XI в. через Среднюю Сулу проходила граница древнерусского ямного погребального обряда и роменских ингумаций на горизонте, то на протяжении второй половины XI в. северяне окончательно потеряли свои племенные признаки (*Шинаков*, 1991. С. 90, 92).

Во второй половине этого столетия на их землях начинается активное общерусское оборонительное строительство, связанное с активизацией половецкой внешней политики. Нижняя Сула к этому моменту уже имела такое количество пограничных крепостей, что приблизительно после 1080 г. половецкие перемещения на Русь резко изменили маршруты, и объектами нападений степняков стали города, куда попасть можно было только через среднее течение реки. Любопытно, что на фоне удивительно быстрого роста количества пограничных крепостей в период русско-половецкого кризиса конца XI – начала XII в. на месте когда-то сожженных роменских укреплений новые оборонительные сооружения начали возводиться только около середины XII в. (*Моргунов*, 1998. С. 85–86).

На территории летописного Посулья, занимавшего среднее течение Сулы и ее междуречье с Удаем, сплошными археологическими исследованиями выявлено несколько отдельных скоплений древнерусских городищ. Большей частью эти средоточия долговременных оборонительных единиц связаны с защитой наиболее опасных участков степной границы, а их концентрация, видимо, соответствовала более дробным административно-территориальным образованиям по типу летописных волостей.

Одно из подобных скоплений известно в центральной части Посулья, примыкающей к междуречью Сухой Лохвицы и Сулицы, где и размещался интересующий нас археологический памятник, топографически связанный с комплексом древних бродов, известных у современного с. Сенча. Значительное скопление древних укреплений на этом ограниченном участке границы вызывает большой научный интерес и его изучение может способствовать поискам путей сложения отдельных звеньев южнорусских границ.

Внешний облик памятника и история его изучения

Размещение комплекса древнерусских укреплений с. Сенчи, очевидно, плотно взаимосвязано с пойменными особенностями этого участка р. Сулы, поскольку остатки древних оборонительных сооружений располагаются в непосредственной близости от наиболее удобных твердых переправ.

Сула по праву считается одной из самых заболоченных рек Левобережной Украины. Вплоть до массового осушения ее поймы, выше и ниже села по течению реки, резко расширяющиеся участки поймы были целиком заняты сильно заболоченными лугами, поросшими осокой и непроходимым тростником, перемежающимися со значительными торфяниковыми массивами (*Барсуков*, 1898. С. 102). В ближайших окрестностях села пойма сужается в среднем до 1 км., а в наиболее узких местах разветвления основного русла реки сопровождаются твердыми песчаными перекатами. Наиболее короткий и широкий брод известен в центре села: здесь ширина твердого брода достигает почти 500 м. Напротив него на пологом расширении правобережного склона до недавнего времени сохранялись остатки городища летописного города Синца (см.: "Список русских городов дальних и ближних"), который в некоторых источниках известен и как "митрополичий город Синелец" (*Тихомиров*, 1952. С. 223; *Грушевський*, 1992. С. 356, 357, 607).

Мощные культурные напластования на месте городища в небольших количествах содержали в значительной мере перемешанные материальные остатки эпохи бронзы и черняховского времени, а наибольшей полнотой представлены древнерусские отложения. Первое русское поселение появилось здесь еще на рубеже X–XI вв., но максимальное количество материалов, вероятно связанных с постройкой ключевой крепости, прослеживается с конца XI в. и бытует вплоть до середины XIII в. (*Моргунов*, 1996. С. 70).

Дальнейшая судьба этого городища печальна: оно было попорчено сначала позднесредневековой крепостью, затем в XVII–XVIII вв. культурные напластования переотлагались и дробились в процессе селитроварения. В 1969–1971 гг. подавляющее большинство древних укреплений было унич-

тожено при постройке шоссейной дороги к новому мосту через Сулу, а в самом конце 1980-х годов последние остатки культурных напластований были срезаны работниками треста Полтавагазпром для постройки грунтовой дороги в левобережной части села. Эта дорога газовщикам так и не пригодилась: местное население не позволило проводить буровые работы в живописных окрестностях села.

Размеры открытого поселения вполне соответствуют количеству населения летописного города: культурный слой селища прослеживается вдоль края третьей надпойменной террасы к северу от городища на протяжении около 1 км, а к югу – почти без перерывов на расстояние до 2 км. Столь значительная протяженность заселенных окрестностей Синца позволяла держать под контролем не только брод, но и ближайшие к нему удобные подъемы от поймы на береговые кручи.

В 1 км к юго-востоку от Синца на обширном и высоком мысу третьей надпойменной террасы размещено еще одно городище, именуемое среди местного населения Никольской Горкой. Более половины периметра его площадки защищено крутыми естественными склонами к реке и оврагам, но напольные вал и ров невелики по сравнению с размерами всего укрепления (12 га). На площадке изредка встречаются отдельные фрагменты древнерусской керамики, но выраженный культурный слой здесь не выявлен, хотя за пределами этого городища он прослеживается повсеместно. Все вышесказанное относит Никольскую Горку к кругу сельских убежищ для разросшегося к середине XII в. населения окрестностей летописного города (*Моргунов*, 1988. С. 201; 1990. С. 99, 100).

В 3,5 км к югу от летописного Синца находится менее значительное сужение поймы: вблизи него известен целый каскад песчаных бродов через русло реки, которое ныне пролегает ближе к левой надпойменной террасе. Напротив этих бродов, под самыми склонами правого берега, протянулась старица реки, обратившаяся в цепочку топких или проходимых болотин, перемежающихся небольшими, но глубокими озерами (рис. 3). Вероятно, в древности Сула протекала именно этим руслом, на что указывает трехверстная карта Генерального штаба (топосъемка ее основы по Полтавской губернии восходит к первой половине – середине XIX в.) и свидетельство первого исследователя сульских древностей – В.Г. Ляскоронского.

Широтное расстояние между бродами и старицей составляет около 2 км, но как раз в этом месте поперек заболоченного пространства поймы (по линии запад–восток) пролегло сильно вытянутое всхолмление первой надпойменной террасы, именуемое местным населением Сампсониев Остров. Длина этой гряды 1,1 км, восточной оконечностью она не доходит до русла с бродами полукилометра, и здесь пролегает подсыпанная современная грунтовая дорога, которая, извиваясь по мелким надпойменным возвышениям, ныне функционирует почти каждое лето.

Несомненно, труднее преодолеваем был брод у западной оконечности всхолмления: его ширина достигала 50–60 м, а имеющее твердую основу дно

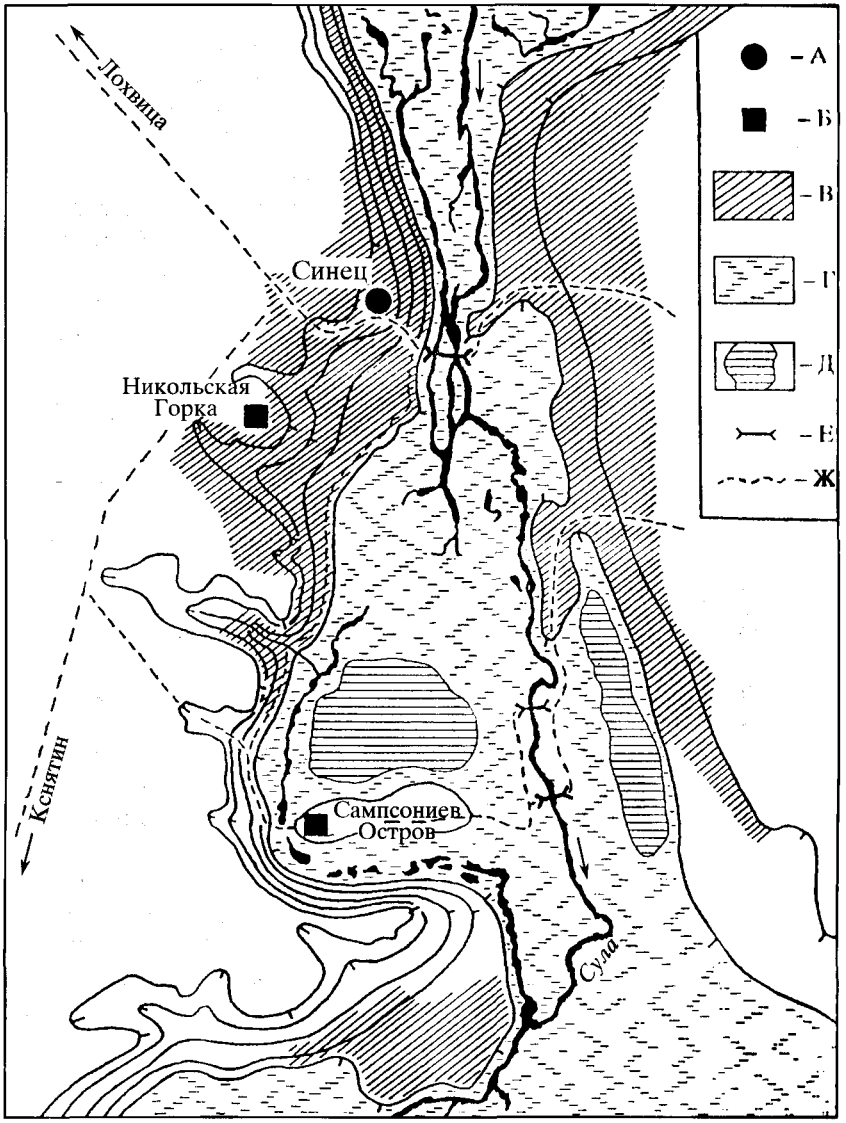


Рис. 3. Расположение памятников с. Сенчи

А – летописный город; Б – городища; В – современная застройка; Г – заболоченные участки поймы; Д – озера на месте торфоразработок; Е – современные броды; Ж – дороги и переходы через заболоченную пойму

ные сильно заилено. До постройки на месте брода современной дамбы колесным транспортом через этот брод рисковали ездить только в жаркую летнюю пору. Отсюда открывались дороги к левобережным южным выселкам Сечи, а через правобережные овражные подъемы непосредственно на Лохвицу. На особое значение этого брода указывает размещение на самом его краю небольшого древнерусского городища.

При длине 1,1 км максимальная ширина Сампсониева Острова колеблется в пределах 200–300 м (площадь около 30 га); наибольшая высота всхолмления над уровнем болота в летний период несколько более 3 м (при средней – 1–2 м), поэтому в половодье его площадь сильно сокращается. С юга и запада Сампсониев Остров ограничен заболоченной поймой и старицей Сулы, на севере простирается зеркало залитых водой заброшенных торфоразработок, а на востоке гряда посредством цепочки низких надпойменных возвышений сообщается с песчаными бродами Сулы. В настоящее время западная часть Сампсониева Острова поросла травой и до недавнего времени использовалась под покосы и выпас скота, но основная его площадь занята деревьями и кустарником.

Открытое поселение занимало западную половину луговой части всхолмления и вплотную прижималось к берегу старицы Сулы (рис. 4). Северная часть селища приблизительно вдоль горизонтали 50,5 оканчивалась понижением, поросшим влажными пойменными травами и кустарником. Приблизительно вдоль основной оси возвышения и вдоль его наиболее приподнятого южного края всхолмление опоясано дамбой современной дороги, построенной поверх старой грунтовой. К югу от дамбы пологие склоны Сампсониева Острова вплоть до болота густо поросли древесной растительностью, поэтому первоначально наибольшие сложности были связаны с поисками южных пределов открытого поселения.

К югу от дороги среди деревьев и кустарника, несмотря на шурфовку, уверенных следов культурного слоя обнаружить не удалось, следовательно, основная часть селища размещалась на луговой стороне, к северу от дамбы. После проведения топосъемки оказалось, что характер рельефа южной части надпойменного останца этому не противоречит: за дорогой уровень дневной поверхности всхолмления начинал быстро понижаться, а широко распространенная здесь древесная и кустарниковая растительность оказались типичной для влажных биогеоценозов. Таким образом, старая грунтовая дорога, поверх которой насыпана несколько спрямленная дамба современной трассы, пересекающей Сампсониев Остров, является действительной южной границей открытого древнего поселения.

Завершенные к приезду археологов газобуровые работы на восточном краю селища позволили точно определить и этот край поселения. Подробнее об этом пойдет речь ниже.

На основе сложившихся таким образом представлений о пределах поселения его максимальная протяженность вдоль оси юго-запад–северо-восток составляла 270 м, в поперечнике – от 130 до 150 м. Эти цифры включают и

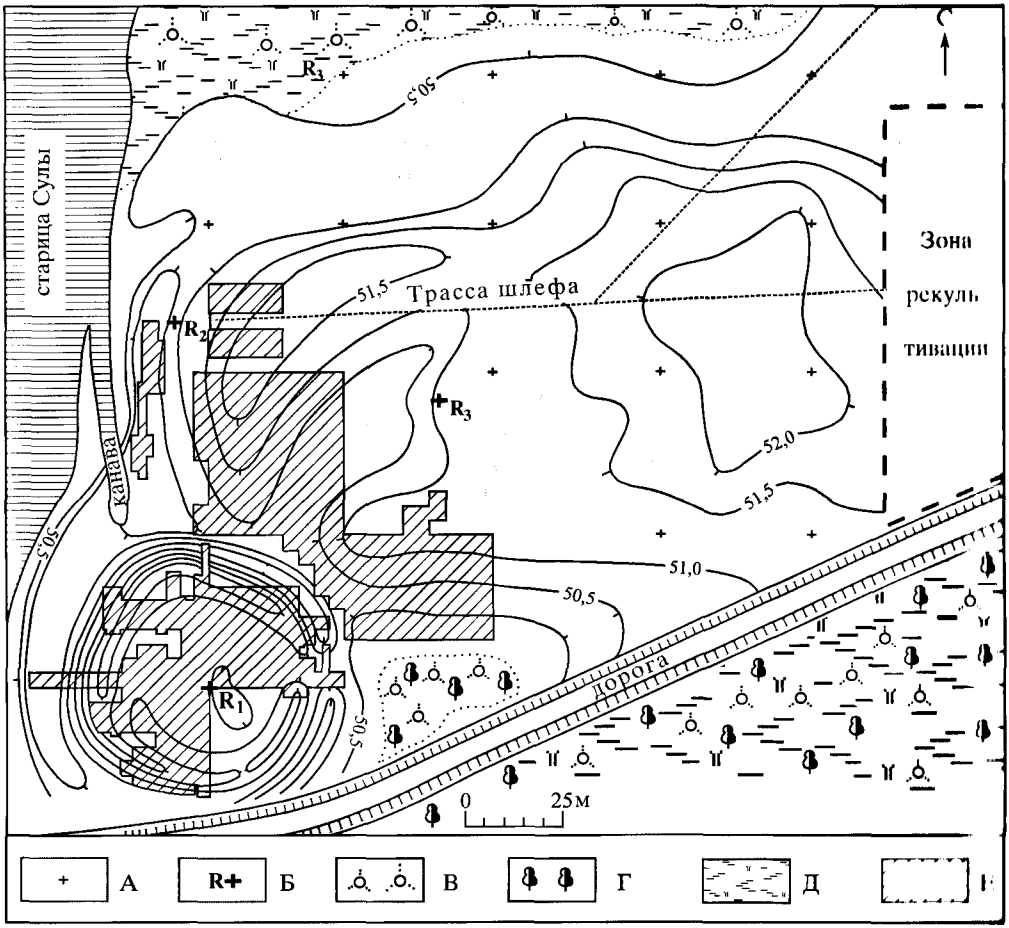


Рис. 4. Топосъемка поселенческого комплекса Сампсониев Остров и генеральный план раскопок (заштрихованы раскопы на городище и селище)

А – разметочные реперы на селище; Б – основные привязочные реперы; В – кустарник; Г – редколесье; Д – заболоченные участки; Е – раскопанные площади

площадь укреплений, на определенном этапе возведенных поверх более раннего открытого поселения. В итоге максимальные размеры селища в период его расцвета не превышали 4 га. Безусловно, эти цифры несколько обобщены, но в целом они достаточно точно отражают распространение культурного слоя. Топосъемка восточного края показала внешние пределы ненарушенной буровыми работами части памятника (рис. 4).

Поверхность поселения достаточно ровная, без резких перепадов и следов земляных работ. Когда-то она распахивалась, а также использовались для выпаса по разнотравью крупного рогатого скота, и, может быть, поэтому на поверхности не прослеживаются следы предыдущих шурфовок.

Из наиболее значительных нарушений рельефа останца на его западной оконечности хорошо заметна 30-метровая траншея, уходящая от городища непосредственно в старицу (?). Большие разрушения культурного слоя памятника произошли здесь во время проведения буровых работ вокруг села в связи с подготовкой к эксплуатации крупного газоконденсатного месторождения. Причиненный памятнику ущерб от производственной деятельности в целом заключается в трех заранее несогласованных с органами охраны памятников действиях: создании дамбы поверх старой грунтовой дороги, установке буровой вышки на территории древнего селища и устройстве на поселении сопла и шлейфов для испытаний противопожарных средств. Подробнее суть этих разрушений сводится к следующему.

На первом этапе строители на южном и юго-восточном краю селища и поверх старой грунтовой дороги насыпали мощную дамбу из культурного слоя для прокладки новой трассы. Выборка полосы культурного слоя к северу от дамбы достигает 20 м ширины и не менее полуметра глубины, т.е. почти достигает уровня материка. Кроме того, самой дамбой были перекрыты загадочные археологические объекты, о существовании которых известно из отчетов и публикации И.И. Ляпушкина.

Затем к востоку от эпицентра поселения были проведены вскрышные работы для установки буровой вышки. Как известно, перед началом бурения на выбранной местности вплоть до материка счищается в стороны (в "кулисы") огромный (около гектара) квадрат плодородного грунта и, таким образом, создается рабочая площадка. Позже на ней устанавливается буровая вышка, устраиваются подъездные пути, склады, бытовки, здесь же сливаются отходы и т.д. По окончании буровых работ на местности остается небольшой, окруженный оградой насос, который по подземным трубам подает ископаемое горючее на газоконденсатный завод.

После запуска насоса производится рекультивация рабочей площадки: весь оставшийся мусор сгребается в специально вырытые здесь же котлованы, а затем вокруг насоса вновь рассыпается и разравнивается ранее счищенный в кулисы плодородный слой. Соответственно, если изначально этот слой был культурным, то после проведения буровых работ он становится полностью перемешанным и измельченным. На восточной окраине Сампсониева Острова подобная передвижка плодородного грунта уничтожила приблизительно 20–30-метровую полосу культурного слоя. Опасность расширения рабочей площадки в хозяйственных интересах буровиков сохранялась на всем протяжении исследований, а еще более она увеличилась после окончания археологических изысканий.

В заключении, ранней весной 1991 г. (в промежутке между археологическими полевыми сезонами) около репера 2 буровиками была установлена небольшая бетонная пирамида со стальным соплом, от которой через все селище были прорыты две глубокие канавы и уложены трубы ("шлейфы") к ближайшим газоконденсатным насосам. Это было сделано с целью натурных испытаний специальных средств тушения пожаров на нефтяных про-

мыслах Кувейта. Местное население не допустило этих испытаний, но ущерб памятнику был нанесен значительный.

Городище располагается в юго-западном углу поселения: западной стороной оно почти соприкасается с берегом старицы Сулы, а южным краем касается дороги-бетонки. Площадка в плане имеет подквадратную форму с сильно скругленными углами, она ориентирована по сторонам света с небольшим сезонным отклонением.

В литературе нет единообразия в методике подсчета параметров площадки. В одних случаях за основу вычислений принимают гребень вала, в других – только ровную часть площадки. Имеющийся у автора опыт разрезов оборонительных сооружений показывает, что изнутри основа защитных стен древнерусских укреплений располагается приблизительно на уровне середины внутреннего склона вала. Расширение этого склона вызвано многолетними оплывами субструкций оборонительной стены после ее разрушения, но в древности нынешняя внутренняя половина склона эксплуатировалась так же, как и вся площадка. Во всех своих работах при подсчетах размеров площадок городищ автор руководствовался именно этими соображениями, поэтому за древние размеры площадки в данном случае принимаем 48 м по линии север – юг, а в поперечнике 44 м, что соответствует площади 0,19 га.

Площадка защищена кольцевидным валом, имеющим среднюю высоту около 1,5 м; несколько более высок и массивен он с южной стороны, обращенной к дороге. Склоны вала пологие, что может быть объяснено супесчаной основой составляющего его грунта.

С наружной стороны вал опоясан сильно оплывшим рвом шириной 6–7 м и глубиной от 1,2 до 1,5 м от уровня селища. По сторонам от въезда ров расширен до 10 м. Южная и юго-восточная стороны рва были частично засыпаны и выстланы гравием при строительстве дороги. На юго-западном отрезке рва его глубина достигает более 2 м; до постройки современной дороги по крайней мере все южное полукольцо рва в половодье заполнялось водой, которая оставалась там практически круглогодично. Таким образом, можно уверенно считать, что ров, как и вал, был наиболее мощным именно со стороны дороги, которая вела к броду.

Оборонительные сооружения городища в восточной части разорваны седловиной въезда, имеющей современную протяженность около 8 м. Напротив него через расширенный в этом месте ров находится перемычка, ориентированная перпендикулярно оси рва и имеющая длину до 10 м при ширине 2,0–2,5 м.

Поверхность площадки поросла травами, здесь растет несколько деревьев; значительно больше деревьев поверх вала и во рву. Бросающихся в глаза разрушений городища не наблюдается, как не сохранилось и следов былой шурфовки. Судя по отчетам предшественников, в прошлые времена остатки укрепления с внутренней стороны были несколько снивелированы

и огорожены по гребню вала, а затем долго использовались в качестве летнего загона для крупного рогатого скота.

Как уже упоминалось, городище размещается на восточном берегу старицы Сулы. От зеркала воды его полукольцом отделяет 10-метровая полоса ровной поверхности всхолмления. Насколько можно судить по результатам шурфовки, эта полоса в древнерусское время не заселялась.

Наиболее ранние литературные сведения о городище содержатся в материалах Центрального статистического комитета 1873 г., позже опубликованных Н.Е. Макаренко (1917. С. 28). Этот источник является слабо систематизированной сводкой письменных ответов волостных старост на знаменитую анкету Д.Я. Самоквасова о наличие и характере местных археологических памятников. На общем не очень информативном фоне лаконичные сведения об изучаемом памятнике резко отличались точностью описания укреплений. В них достоверно отражены не только основные параметры остатков оборонительного сооружения, но и приведена топонимика, а также соотношение городища с ближайшим селом. Информативная ошибка вкралась в текст только применительно к сведениям о местоположении въезда.

В конце XIX в. памятник посетил известный исследователь древних земляных сооружений Левобережья В.Г. Ляскоронский. В основе его полевых изысканий лежала идея о том, что каждой эпохе должна соответствовать узкая конструктивно-планировочная градация оборонительной фортификации. В.Г. Ляскоронский не владел достаточно известными к тому времени общими принципами датировки археологических материалов, а пытался получить представление о времени сооружения крепостей на основе изучения их планировочной структуры. Сампсониев Остров он отнес к группе "круглых болотных городищ". Описание памятника, сделанное В.Г. Ляскоронским, для своего времени очень подробно, благодаря ему мы теперь точно знаем, что в его время Сула протекала руслом нынешней старицы и напротив городища через водный поток когда-то существовал искусственный переход в виде специальной насыпи или гатей (*Ляскоронский*, 1901. С. 411, 412).

После этого в изучении памятника наступила длительная пауза. В фондах Лохвицкого краеведческого музея автору посчастливилось обнаружить немного керамики XII–XIII вв. с территории Сампсониева Острова. Коллекция относилась к 1925 г. и была собрана известным краеведом-подвижником М.Д. Ренским, которым в свое время было обследовано большинство древнерусских памятников окрестностей города Лохвица.

С именем Ф.Б. Копылова можно связать начало нового этапа в изучении посульской фортификации. На протяжении трех полевых сезонов исследователь объехал все известные на тот момент остатки древних оборонительных сооружений. В процессе этой работы заново производились обмеры памятников, по возможности собирался подъемный материал, который иногда сопровождался зачистками и редкой шурфовкой культурного слоя. Для изучаемого городища разведки Ф.Б. Копылова не принесли особо новой информации

(здесь им найден лишь фрагмент жернова), но в целом после этих работ древнерусские укрепления поречья Сулы начали правомерно рассматриваться как составляющие вполне определенной пограничной линии между оседлой Русью и кочевой степью (*Копылов*. Отчет 1945 г.; *Копилов*, 1949. С. 248).

Разведочные исследования И.И. Ляпушкина отличал неизмеримо более высокий методический и научный уровень. В 1948 г. им была произведена первая шурфовка городища и селища, а в ее результате был правильно определен культурно-хронологический облик укрепления как поселения древнерусского времени "великокняжеской эпохи". Исследователем были также высчитаны общие размеры открытого поселения и выявлена начинающаяся в 15 м от городищенского въезда цепочка оригинальных котлованов неясного назначения, которая позже была уничтожена (*Ляпушкин*. Отчет 1948 г.; 1961. С. 340, 341).

Предпринятое И.И. Ляпушкиным изучение древностей огромной территории лесостепного Левобережья оказало сильное влияние на дальнейшее развитие наших знаний о древнерусской фортификации. Так, на основании обширного фактического материала им было установлено, что подобные Сампсониеву Острову округлые в плане "болотные" укрепления не имели отношения к роменской культуре, а создавались в древнерусское время (*Ляпушкин*, 1961. С. 317). Позже эти наблюдения подтвердились как расширением ареала изучения подобных памятников, так и на основе усовершенствования методики полевых исследований оборонительных сооружений, в процессе которых разрез оборонительного вала позволяет более точно расчленить культурные напластования разных эпох.

В 1971 г. памятник был вновь обследован М.П. Кучерой и О.В. Сухобоковым (Отчет 1971 г.), ими был снят новый глазомерный план и сделано подробное описание внешнего облика памятника. Насколько можно понять из полевого отчета, шурфовка культурного слоя на этот раз не производилась. Это сказалось на объеме и качестве полученного материала, представленного небольшим количеством керамики роменской культуры, но в подавляющем большинстве отражающей древнерусский период существования поселения (Фонды ИА НАНУ. Кол. № 660).

Отчетные материалы исследователей внесли некоторые изменения в сложившиеся представления о внешнем облике городища. Так, ими было отмечено наличие современных подрезок оборонительного вала при устройстве здесь летнего загона для скота, что визуально в наибольшей степени прослеживается вокруг въезда, а археологически подтвердилось в процессе раскопок валов.

Кроме того, в отчете о разведках 1971 г. зафиксировано существование в южной части площадки округлой ямы значительных размеров ("в этом году засыпанной"). В утверждении содержится какая-то ошибка: если глазомерный план М.П. Кучеры и О.В. Сухобокова точен, то котлован этой ямы неминуемо должен был оказаться в пределах нашего раскопа 1990 г., но этого не произошло.

Указанная яма не бросилась в глаза не только В.Г. Ляскоронскому и Ф.Б. Копылову, но и И.И. Ляпушкину; не помнили ее и местные пастухи, которых мы расспрашивали на протяжении трех раскопочных сезонов. Возможно, это сооружение попало на план городища благодаря неточно понятым рассказам сенчан, которые имели в виду яму И.И. Ляпушкина, располагавшуюся на селище в 15 м от въезда (согласно опросам, она была засыпана именно в начале 1970-х годов).

Е.А. Горюнов на основе изучения полученной на Сампсониевом Острове коллекции И.И. Ляпушкина из всей неорнаментированной лепной керамики выделил раннеславянский материал середины I тысячелетия н.э., что послужило основанием для проведения небольших раскопок в 1972 г. В процессе этих работ было установлено, что городище датируется древнерусским временем, а сопутствовавшее ему поселение существовало в конце XI – начале XIII в.

Роменские материалы, которые в незначительных количествах присутствовали в подъемных сборах почти всех предшествующих исследователей, в процессе этих раскопок не встречались. Вероятно, это связано с тем обстоятельством, что основной раскоп был заложен на месте древнерусской постройки. Исследованиями 1972 г. впервые были установлены общие хронологические пределы древнерусского заселения Сампсониева Острова и подтверждена справедливость мнения И.И. Ляпушкина относительно времени создания укрепления (*Горюнов*. Отчет 1972 г.; *Пескова*, 1978).

Тем не менее, в 1975 г. городище было отнесено О.В. Сухобоковым к кругу типичных роменских памятников (1975. С. 14, табл. 3; С. 20, прим. 1; С. 58; С. 60, рис. 30). В публикации 1984 г. этот автор тактично не высказался о времени возведения укрепления на Сампсониевом Острове, зато раскопки Е.А. Горюнова были ошибочно отнесены им к 1977 году и "перенесены" в центр с. Сенчи, на городище летописного Синца (*Сухобоков*, 1984. С. 146).

Памятник учтен в своде А.В. Кузы, оконченном еще в 1981 г. (1996. С. 188, № 1107) и Справочнике об археологических памятниках Полтавской области (Довідник, 1982. С. 66). В публикации Ю.Ю. Моргунова (1988. С. 201), посвященной городищам окрестностей летописной Лохвицы, им была принята датировка А.А. Песковой, а в его же более позднем своде древнерусских укреплений поречья Сулы дана уже уточненная на основе раскопок дата возникновения оборонительных сооружений Сампсониева Острова (1996. С. 73).

В 1990–1992 гг. за счет средств Полтавского газопромыслового Управления (ныне – АО "Полтавагазпром") Ю.Ю. Моргуновым и Р.В. Терпиловским проводились стационарные раскопки городища и селища Сампсониев Остров. В работе руководимой ими Посульской экспедиции принимал участие студент Киевского государственного университета им. Т.Г. Шевченко – Д.И. Левченко. Параллельно с проведением раскопок ответственным секретарем Полтавской областной организации Общества охраны памятников

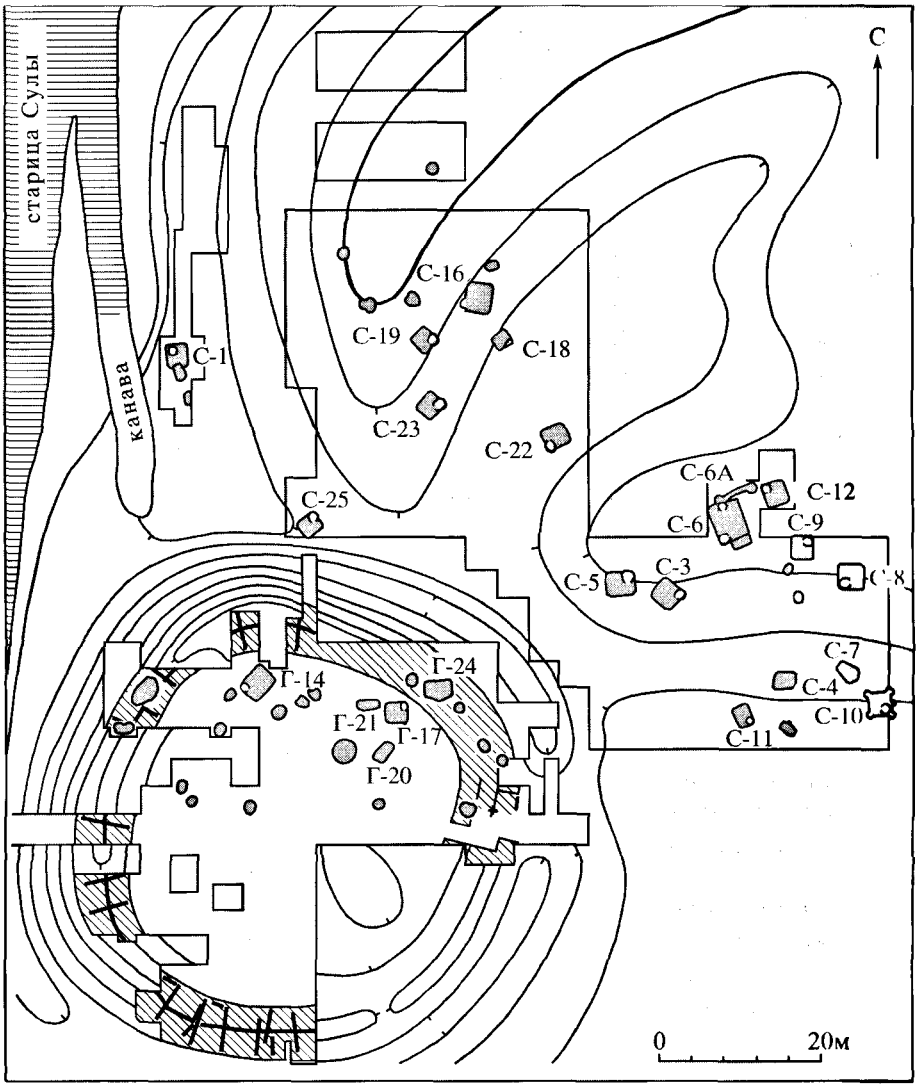


Рис. 5. Генеральный план древнерусских объектов на городище и селище

истории и культуры Украины И.Н. Гавриленко по заданию экспедиции осуществлялись обширные разведочные изыскания окрестностей городища. Пойма и прилегающие террасы Сулы были обследованы им на расстояние 8 км к северу от Сампсониева Острова и на 12 км к югу; на этом протяжении было выявлено 24 ранее неизвестных археологических памятника различных эпох. Среди них древнерусские напластования XI–XIII вв. имело только одно многослойное поселение Хитцы-1 (урочище Остров), располо-

женное в 6 км к югу от городища и так же, как последнее, надежно укрытое от кочевников среди левобережной поймы реки.

К сожалению, могильник, относящийся к поселению Сампсониев Остров, не был выявлен. Так же не было точно идентифицировано и место, где когда-то В.Г. Ляскоронский обнаружил близ спуска от правобережного плато к реке скопление древней керамики. Вероятно, это было не отдельное, случайное местонахождение, а южная часть огромного предместья летописного Синца.

В процессе раскопок на городище и селище было вскрыто 5700 м² культурного слоя. Многослойный памятник в незначительной степени включал отложения эпохи бронзы и позднескифского времени, но основной материал относился к раннеславянским древностям, роменской культуре и Древней Руси. Последний культурно-хронологический пласт был представлен остатками 24 древнерусских жилых и хозяйственных построек (одно жилище было вскрыто Е.А. Горюновым) (рис. 5).

Краткая информация о предварительных результатах исследований уже встречалась в археологической литературе (*Моргунов, Терпиловский и др.*, 1991; *Моргунов*, 1996. С. 73); более подробно освещались найденные в раскопках раннеславянские материалы (*Терпиловський, Левченко*, 1994), но древнерусские напластования до сих пор были не изданы и содержались только в полевых отчетах, хранящихся в научных архивах ИА РАН и ИА НАНУ (*Моргунов, Терпиловский, Левченко, Гавриленко*. Отчет 1990 г; *Моргунов, Терпиловский, Гавриленко*. Отчет 1991 г.; *Терпиловский*. Отчет 1992 г.).

Методика раскопок и стратиграфические особенности памятника

Работы на городище большей частью производились вручную с послойной выборкой материала и его инструментальной фиксацией в квадратах размером 4 × 4 м. Для этого еще перед началом раскопок, на этапе производства топографической съемки памятника, в геометрическом центре площадки был забит основной репер (R1), а три окружающих его квадрата не копались, чтобы сохранить незыблемость этой точки, на которую далее опиралась вся глубинная и координатная фиксация объектов и находок. От этой же точки при помощи теодолита сразу были вынесены и отнивелированы два постоянных репера на селище.

Далее на площадке по сторонам света от репера были построены две цепочки из аналогичных квадратов, которые по совокупности получившихся ячеек составили две крестообразно размещенные траншеи, разделившие площадку на 4 сектора (рис. 6). Как в траншеях, так и в секторах разделявшие квадраты стратиграфические бровки сохранялись вплоть до полного изучения конкретных объектов и затем, после вычерчивания их профилей, они снимались горизонтальными зачистками по шнуру: таким образом, найденные в них материалы неизбежно попадали в соответствующий им квадрат.

Траншея 1, ориентированная вдоль оси запад–восток, западной оконечностью пересекала оборонительный вал со рвом и двумя крайними квадратами (№ 1 и 2) выходила к берегу старицы Сулы. Восточная оконечность этой траншеи на месте входного проема на городище завершилась раскопом 1, заложенным для изучения конструкции въезда.

Траншея 2, ориентированная вдоль оси север–юг, на южном конце квадратом № 0 упиралась в засыпанный при строительстве дороги ров, а на северном пересекала вал и выходила на противоположный край рва. К сожалению, из-за скопления деревьев первые и последние квадраты этой траншеи пришлось несколько сузить.

Таким образом, разделенная траншеями площадка образовала 4 сектора: юго-западный – сектор 1, северо-западный – сектор 2, а северо-восточный – сектор 3; юго-восточный сектор, имевший площадь около 400 м², ос-

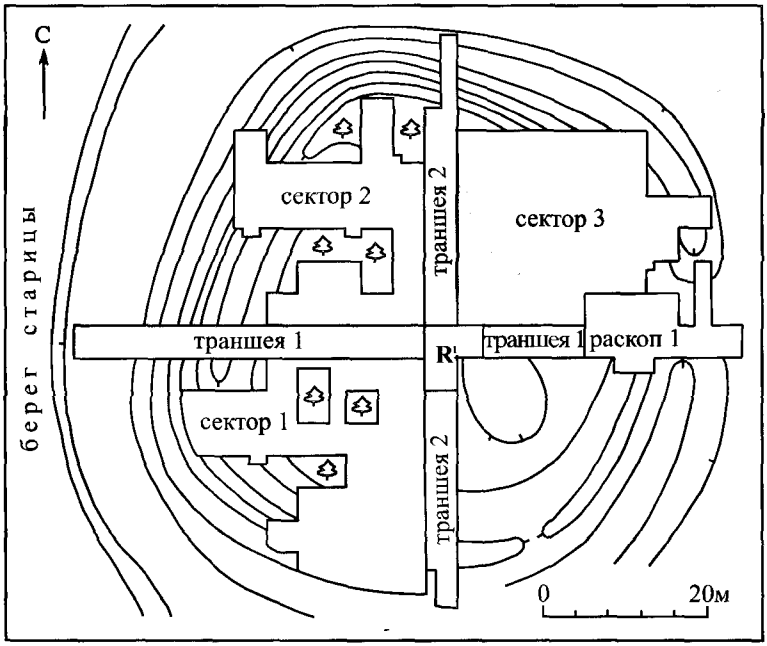


Рис. 6. Разметка площадки городища

тался нераскопанным. В результате было изучено три четверти общей площади городища, включая сюда и доступные для раскопок отрезки валов, что составило 2144 м² культурного слоя.

Раскопочные работы на открытом поселении в основном были сосредоточены в непосредственной близости от городища.

Еще в процессе топосъемки памятника селище получило два репера для привязки ближайших к городищу раскопов: репер 2 (R^2) был забит в 50 м к северу от основного городищенского репера, а репер 3 (R^3) – на таком же расстоянии, но в северо-восточном направлении (рис. 7). Вслед за тем, на непредвиденный случай, вся непотревоженная газопромысловыми работами площадь открытого поселения была обустроена сетью дополнительных реперов, составлявших жесткую сетку квадратов со стороной 40 м (рис. 4). В подавляющем большинстве эта сетка сохранилась, и поныне она пригодна для продолжения исследований памятника. Исключение составляет репер 2: на его месте буровики установили уже упоминавшееся выше сопло с отводным шлейфом, ведущим к ближайшей действующей скважине.

Всего на поверхности селища было заложено 7 раскопов, которые вместе с приразками составили общую площадь 3556 м². Небольшие раскопки проводились также на уничтоженной буровыми работами восточной части селища, где в процессе рекультивации обнаружились сильно попорченные технологическими мероприятиями остатки постройки 2 и ямы 6 (этот уча-

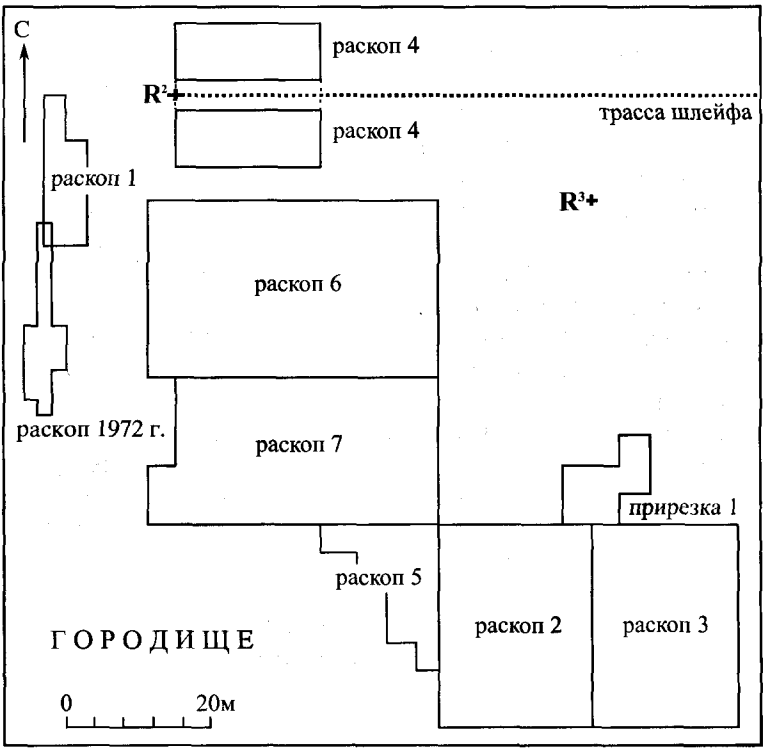


Рис. 7. Размещение объектов на открытом поселении

сток не попал на генплан пригодной для изучения поверхности поселения). Таким образом, на этой площади были изучены остатки 19 древнерусских построек (включая и вскрытую экспедицией Е.А. Горюнова). Из числа изученных нами 97 хозяйственных ям подавляющее большинство оказалось или раннеславянскими, или безынвентарными.

В нижеследующем тексте полностью сохранена полевая нумерация вскрытых сооружений, поэтому отсутствие среди построек четкого цифрового порядка означает, что "недостающие" в описаниях номера сооружений принадлежали раннеславянским постройкам.

Стратиграфия напластований городища и селища имела существенные различия, но их индивидуальные особенности все же позволяли применить схожую методику полевых работ.

Культурный слой площадки городища представляет достаточно стабильную стратиграфическую картину: его верхние 20 см представлены дерново-гумусным горизонтом без находок, ниже, приблизительно на такую же глубину, простирается прослойка спрессованного и высохшего навоза, обра-

ховавшаяся в результате многолетнего существования на этом месте коровника. Собственно культурный слой – гумусированная черноземовидная супесь от серо-коричневого до почти черного цвета – залегает на глубине от 0,4 до 0,6 м. На глубине 0,7–0,8 м между культурным слоем и желтой супесью материка размещается слабоокрашенный диффузионный предматериковый слой.

В массе археологический материал стратиграфически распределяется следующим образом. В дерне и навозном слое встречено несколько фрагментов керамики XVIII–XIX вв., в верхней части черноземовидного культурного слоя обнаружено большинство древнерусских находок. Материалы роменской культуры и раннеславянского времени в основном залегали в нижней части культурного слоя, а немногочисленные культурные остатки скифского времени и эпохи бронзы большей частью размещались в верхней части предматерика. Естественно, определенный процент древних изделий находился в нижних разделах напластований и в переотложенном состоянии.

Первоначально нами применялась традиционная методика стационарных исследований с послойной выборкой грунта вручную. Однако после того, как раскопки оборонительных сооружений, въезда и всей площади сектора 1 подтвердили полное стратиграфическое единообразие слоя, методика была приведена в соответствие с особенностями залегания древних культурных напластований.

Для этого на территории сектора 2 сначала были вручную выбраны квадраты на размещенных между деревьями южном и северном участках, а также на доступном для изучения отрезке оборонительного вала. Затем, ориентируясь по уровню сложившихся таким образом котлованов, верхние 40 см балластного грунта площадки (дерн и слой навоза) снимались с помощью бульдозера. Вскрышные работы контролировались нивелировочными наблюдениями. В процессе работы каждый прогон бульдозера и его отвалы проверялись при помощи армейского металлоискателя, но эта мера оказалась излишней: ни металла, ни керамики эпохи бронзы, которую обычно улавливал этот прибор, в верхних балластных 40 см грунта не было. Ниже этого уровня на расчищенной площади заново размечались стратиграфические бровки и раскопки продолжались ручным способом. Схожим образом раскапывалась и площадь сектора 3. Здесь отличие заключалось лишь в том, что из-за его большей площади после снятия вала мы дополнительно выбрали два контрольных стратиграфических шурфа и только после этого решились применить технику.

Культурный слой селища, при всей его схожести с городищенским, имеет определенные особенности. Одна из них связана с наполнением верхних разделов грунтовых наслоений. Дерновый массив толщиной более 20 см здесь несравненно более гумусированный и сильно насыщен корневищами травянистой растительности. Непосредственно под ним залегала 20–30-сантиметровая прослойка слоистого сильно запесоченного чернозема, сцемен-

тированного тонкими лентами мелкофракционной глины. Обе прослойки не содержали никаких культурных остатков.

На такую особенность данного памятника в свое время обратил внимание Ф.Б. Копылов, отметив, что на его поверхности отсутствует подъемный материал (*Копылов*. Отчет 1945 г. С. 10). Позже, уже перед началом наших раскопок, отсутствие находок в верхней части культурного слоя было зафиксировано и А.В. Чубенко, проводившим здесь частичное магнитометрическое обследование.

Реальное понимание сути этого феномена было объяснено главным геологом треста "Полтавагазпром" Б.П. Гоцким в результате изучения вертикальных бровок раскопов. Он счел верхние слоистые напластования свидетельством того, что в течение значительного хронологического отрезка эта часть надпойменного всхолмления во время весенних половодий покрывалась водой. Действительно, схожие слоистые отложения наблюдались и на дне оборонительных рвов городища.

Подобное толкование грунтовых особенностей надпойменного возвышения может быть подтверждено результатами палеоклиматологических наблюдений. В недавней геологической истории, в XVI–XVIII вв., имела место климатическая регрессия (или "малый ледниковый период"), сопровождавшаяся резким увлажнением (*Шнитников*, 1957. С. 138, 157, 182; *Раунер*, 1985. С. 163). Применительно для этого периода письменные источники зафиксировали резкие климатические изменения и пик наводнений, сопровождаемых повышением ординарного уровня речного водостока (*Дулов*, 1983. С. 15–27). Не исключено, что в эпоху этого более обводненного, чем древнерусский "климатический оптимум", гидрологического режима поверхность низко расположенного над поймой селища была перекрыта запесоченными слоистыми отложениями. На площадке же несколько выше размещенного укрепления подобных следов нет, и, видимо, поэтому здесь изредка встречались фрагменты керамики, синхронные этому особо влажному периоду.

Возвращаясь к особенностям стратиграфии поселения, отметим, что древние остатки залегали исключительно в нижнем 10–15-сантиметровом культурном слое и близ верхней кромки предматерика – прослойках, аналогичных прослеженным на территории укрепления.

Своеобразным характером отличалась и подстилающая материковая порода. Ближайшие к поверхности отложения здесь насчитывали три различные прослойки, из них первые 15–20 см представлены светлым, почти белым песком. Ниже следовали 30–40 см более плотного желтовато-коричневого суглинка, под которым открывался глубокий массив желтоватой супеси с обильными железистыми разводами.

Как и на городище, на открытом поселении методика исследований также постепенно изменялась по мере освоения культурных напластований.

Небольшой раскоп 1 был заложен к северу от места закладки котлована Е.А. Горюновым таким образом, чтобы получить общий стратиграфиче-

ский стык. Он выбирался вручную квадратами 2 × 2 м. Раскопы 2, 3 и 5 на большей площади также копались вручную, но уже квадратами 4 × 4 м. По мере продвижения этих работ формировалось все более прочное убеждение в том, что ручной труд здесь нецелесообразен, поэтому на южных окончаниях раскопов 2 и 3 была начата отработка новой методики с применением техники. Этот вопрос окончательно решился благодаря своевременной консультации геолога Б.П. Гоцкого, и на раскопах 4, 6 и 7 работы производились на основе комбинированной методики. Она состояла в том, что сначала по сторонам и в центре отнивелированного нового раскопа закладывались стратиграфические шурфы размером 2 × 2 м, по которым производились замеры глубин залегания культурного слоя (наиболее обширный раскоп 6 потребовал закладки 12 таких шурфов). Затем бульдозер 4-метровыми траншеями и в соответствии с нивелировочными замерами снимал верхний балласт, не доходя 5–10 см до нетронутого культурного слоя. По этому новому уровню и с учетом оставленных через 4 м полнопрофильных бровок затем производилась разбивка квадратов, которые далее раскапывались вручную. Как и на городище, бульдозерные ходки контролировались металлоискателем, каждый раз подтверждавшим представление о верхнем слое как о балласте.

Заселенность останца до возведения крепости

Выше уже упоминалось о том, что наиболее ранние культурные напластования как на территории городища, так и на открытом поселении представлены отдельными находками керамики среднего бронзового века и позднескифской культуры. Керамика встречается в переотложенном состоянии, нигде не образует компактных скоплений. Следов жилых или хозяйственных построек этих исторических эпох не выявлено.

К более позднему культурному горизонту заселения Сампсониева Острова относятся древности начального этапа сложения раннеславянской культуры Днепровского Левобережья. На всей раскопанной площади они не составляют сколько-нибудь сохранившихся в нетронутом виде напластований, поскольку также были перемешаны в процессе более поздней хозяйственной эксплуатации этого надпойменного всхолмления. От раннеславянского поселения в нетронутом виде до нас дошли только котлованы нескольких построек и большое количество хозяйственных ям. Найденный в них обширный материал показывает, что этот этап заселенности датируется рубежом IV–V вв. и, вероятно, первой половиной V в. В целом полученные материалы характеризуются сочетанием признаков как предшествующей киевской, так и формирующихся колочинской и пеньковской культур (*Терпиловський, Левченко,* 1994).

Вся последующая история заселения невысокого надпойменного останца отражена в наслоениях, связанных с древнерусским культурно-историческим кругом. Разделить этот обширный хронологический массив на более мелкие периоды позволяет условный стратиграфический репер, за который принят момент возведения оборонительных сооружений. Этот переломный момент, очевидно, имел важное значение в жизни поселения, поскольку с постройкой защитных стен Сампсониев Остров приобретал статус пограничной крепости – одного из непременных элементов Посульской оборонительной системы. Исходя из этого, материалы и сооружения, стратиграфически предшествовавшие этому моменту, условно могут быть выделены в "ранний" массив или, другими словами, в начальный этап существования

древнерусского поселения. В свою очередь, залегавшие под насыпью вала культурные напластования представляют собой следы существования двух эпох. Из них более ранняя – роменская культура, которую современные исследователи считают археологическим выражением древностей летописных северян. Другая, более поздняя эпоха, – это наследие открытого поселения периода существования Древнерусского государства, когда северяне уже утратили свои племенные этноопределяющие особенности.

Поселение летописных северян

Как известно, наиболее определимым индикатором роменской культуры является характерная лепная керамика с бугристой поверхностью и крупными примесями дресвы и шамота в тесте: обычно этот материал уверенно идентифицируется даже по небольшим обломкам. На Сампсониевом Острове фрагменты северянских сосудов встречались Ф.Б. Копылову, И.И. Ляпушкину, а также М.П. Кучере с О.В. Сухобоковым (*Копылов*, 1949. С. 248; *Ляпушкин*, 1961. С. 340; *Кучера, Сухобоков*. Отчет 1971 г. С. 33; *Сухобоков*, 1984. С. 146).

Обломки подобной керамики в переотложенном виде встречались и в процессе наших раскопок городища и селища. В количественном отношении ее было найдено очень немного, она отличалась механической измельченностью и сильным расслоением черепка. Очевидно, последнему обстоятельству особенно способствовали влажностно-грунтовые условия этого памятника, неоднократно подвергавшегося затоплению весенними паводками.

С другой стороны, количественная характеристика северянских артефактов может быть и надежным критерием небольшой величины поселения. В этом отношении показательно, что из наших раскопок можно оперировать единственным (!) обломком позднероменского венчика с зигзагообразным оттиском веревочного штампа, происходящим из переотложенной части заполнения постройки С-23 с территории селища (рис. 8, *1*). Другие фрагменты роменских сосудов были или не орнаментированы, или содержали маловыразительные следы косых оттисков веревочного штампа по краям венчиков и на тулове сосудов.

Несмотря на крайнюю немногочисленность этого материала, такое представление о единообразии орнаментации позволяет наметить основные временные пределы существования северянского поселения. Основанием для этого служат результаты изучения керамического комплекса такого памятника как Горналь, раскрывшие общие закономерности динамического развития орнаментации роменской посуды. Эти исследования показывают, что к концу X в. в гончарном деле северянского Левобережья завершилось применение пальцевых орнаментов, а доминирующее использование линей-

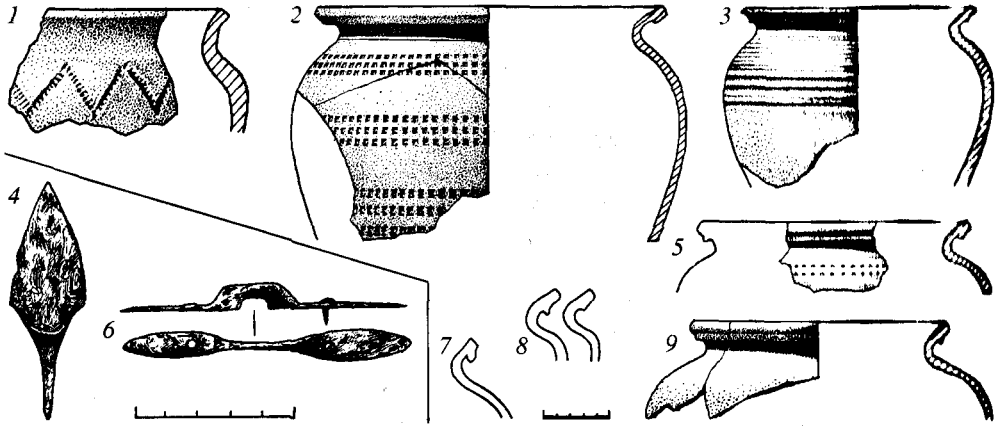


Рис. 8. Ранняя керамика и железные изделия с городища и селища

1 – из постройки 23 с селища (С-23); *3, 4* – из постройки 6А с селища (С-6А); *5, 7* – из ямы 150; *6* – из ямы 197; *8* – наконечник стрелы; *9* – петля от колчана. *1, 3, 4, 6* – переотложенные находки; *2, 8, 9* – находки из культурного слоя селища

ных оттисков (в том числе в виде сплошной ломаной линии по тулову и наклонных отпечатков по краям венчиков) связывается с финальным этапом существования культуры (*Узянов*, 1982. С. 127–129).

Другие особенности керамического производства роменской культуры позволяет несколько уточнить время существования поселения на Сампсониевом Острове. Так, для финального этапа северянского расселения характерно вытеснение лепной посуды гончарными сосудами хорошей выделки с манжетовидными венчиками. В целом эта тенденция характерна для памятников всего Левобережья: к рубежу X–XI вв. – первой четверти XI в. на одних поселениях доля круговых сосудов едва доходит до половины всего объема потребности в керамической посуде, в других случаях она достигает и 70% (*Узянов*, 1990. С. 88; *Григорьев*, 1990. С. 170). Таким образом, уточняющим хронологическим индикатором существования роменского поселения для нас может служить наличие типологически единообразного замкнутого массива ранней гончарной керамики, синхронного лепной посуде, но имеющего значительно лучшую сохранность.

Пристальный интерес к достаточно узким датировочным возможностям кругового керамического комплекса появился в литературе только в последние десятилетия, когда выяснилось, что хронологические различия в наибольшей степени отражались в элементах оформления верхних разделов сосудов. Не менее важно и наблюдение о том, что рамки бытования отдельных типообразующих форм венчиков по времени применения очень близки для многих прилегающих к Среднему Поднепровью регионов Южной Руси (*Кучера*, 1984. С. 9).

В свое время типологизации подвергалась и гончарная керамика пограничного посульского региона (*Моргунов*, 1996. С. 10–27). Она основывалась на материалах раскопок хорошо стратифицированного разреза оборонительного вала летописного города Снепорода, где каждый строительный период возведения и реконструкции оборонительных стен сопровождался перемещением культурных напластований с площадки городища для забутовки вновь возводимых деревянных срубов. К анализу привлекались и наблюдения, полученные при изучении множества иных городищ поречья Сулы.

Применительно для Сампсониева Острова особняком выделяется компактный массив наиболее ранней тонкостенной гончарной керамики, которая формовалась из хорошо отмученной глины. Плечики подобных сосудов имели крутую равномерную выпуклость, венчики резко отогнуты наружу. Эта посуда отличается манжетовидным, подрезанным снизу, "воротничком" по внешнему краю венчика и скупой моделировкой наружного наплыва мелкими горизонтальными бороздками.

Верхнее завершение венчиков также различается по способу его формовки, и более ранними считаются самые упрощенные модели. По сравнению с другими южнорусскими памятниками (*Кучера*, 1986. С. 449) на посульских поселениях явно доминировали перпендикулярно срезанные варианты, а стреловидные завершения венчиков встречены лишь в качестве исключений (рис. 8, *2, 3, 5, 7–9*; 9, *2–5*; 10, *3*). Такую керамику в целом принято датировать концом X – первой половиной XI в. На этом фоне отличие местного типологического ассортимента посуды заключается в полном отсутствии клювовидных и вычурных вариантов оформления наружных утолщений, характерных для второй трети – середины XI в. В силу этих причин по общей совокупности признаков ранняя гончарная керамика укладывается в хронологические рамки, ограниченные концом X в. – рубежом X–XI вв., и не выходящие за пределы первой четверти XI в. (*Моргунов*, 1996. С. 13–15).

Этот массив гончарной посуды в керамическом комплексе данного памятника занимает обособленную нишу, не имеющую здесь ни генетических корней, ни следов его дальнейшего развития. В количественном плане в связи с прослеженным расслоением остатков лепных форм точно подсчитать процентное соотношение между лепной и гончарной керамикой затруднительно, но похоже, что сосуды, изготовленные по последней технологии все же количественно преобладали. Таким образом, гончарная керамика, синхронная финальному этапу роменской культуры и занявшая преобладающие позиции в ее хозяйственном обороте, позволяет с большой долей вероятности определить хронологические рамки существования этого северянского поселения концом X – первой четвертью XI в.

К таким же временным рамкам наиболее раннего этапа древнерусского расселения нас склоняет и стратиграфия котлованов сооружений, в которых в непереотложенном состоянии содержалась вышеописанная лепная и гончарная керамика: подавляющее большинство таких котлованов сохранилось под насыпью оборонительного вала. Таких сооружений встречено немного, наиболее представительный материал был получен только из двух объектов.

Постройка Г-24 (рис. 9) расчищена в северо-восточном секторе 3. Ее котлован имеет подпрямоугольные в плане очертания с сильно скругленными углами; ориентация широтная с небольшим сезонным отклонением. Размеры котлована по его верхней кромке 3,9 × 2,8 м (площадь 8,6 м²), стенки вертикальные. На глубине 0,4 м вдоль всего периметра котлована оставлена ступенька в виде заплечиков шириной от 0,35 до 0,70 м, затем яма была углублена на 0,35 м до слегка вогнутого к центру дна.

Заполнение котлована по грунтовым характеристикам неоднородно. Его нижняя часть отличается сильной золистостью запесоченного гумусированного чернозема. Здесь найдено несколько мелких обломков лепной роменской керамики и два фрагмента ритуальных лепешек-хлебцев. Тем не менее, количественно преобладали обломки круговых сосудов с вышеописанными манжетовидными венчиками.

Приблизительно над серединой заполнения хорошо прослеживалась прогнутая книзу линза из коричневатого суглинка и обширного массива раскрошившейся печины. Линза представляет собой остатки плохо сохранившегося потолочного перекрытия нижнего этажа (или подклета) постройки, на ней лежат остатки разрушившейся при падении со второго этажа глинобитной печи.

Верхняя часть заполнения аналогична окружающему сооружение культурному слою, и здесь встречены материалы, характерные для другого культурного массива из числа прослеженных под насыпью вала. К ним относятся фрагменты гончарной посуды первой половины XII в. и цилиндрическое шиферное пряслице вишневого цвета с сильно скругленными ребрами. Диаметр его отверстия 8,5 см. На Руси производство подобных изделий типично для второй половины XI – первой половины XII в., а на киевском Подоле они встречались в отложениях первой половины XII в. (*Рольфельдт*, 1964. С. 223; *Сагайдак*, 1991. С. 114).

Яма 173 была расчищена под насыпью вала в северо-западном секторе 2 (рис. 10, *1–4*). В плане она имеет эллипсоидные очертания, размеры на уровне материка 3,7 (ЮЗ–СВ) × 2,4 м. Глубина ямы 0,9 м, стенки полого сходятся к горизонтальному и ровному дну, придавая сечению ямы трапециевидные очертания.

Нижние 15–20 сантиметров заполнения ямы заняты прогнутой книзу углистой линзой, выше залегала 30-сантиметровая прослойка коричневатого суглинка. В этих субструкциях обнаружен фрагмент манжетовидного кругового венчика рубежа X–XI вв. (рис. 10, *3*) в сопровождении множества ра-

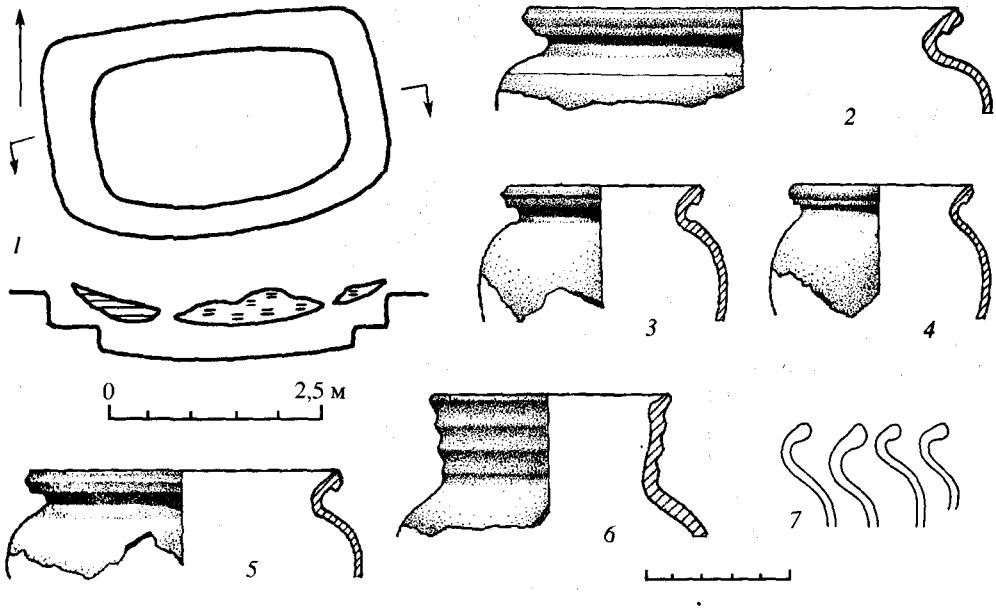


Рис. 9. Постройка 24 на городище (Г-24)

1 – план сооружения; *2–6* – керамика из нижней части заполнения котлована; 7 – керамика из верхней части заполнения котлована

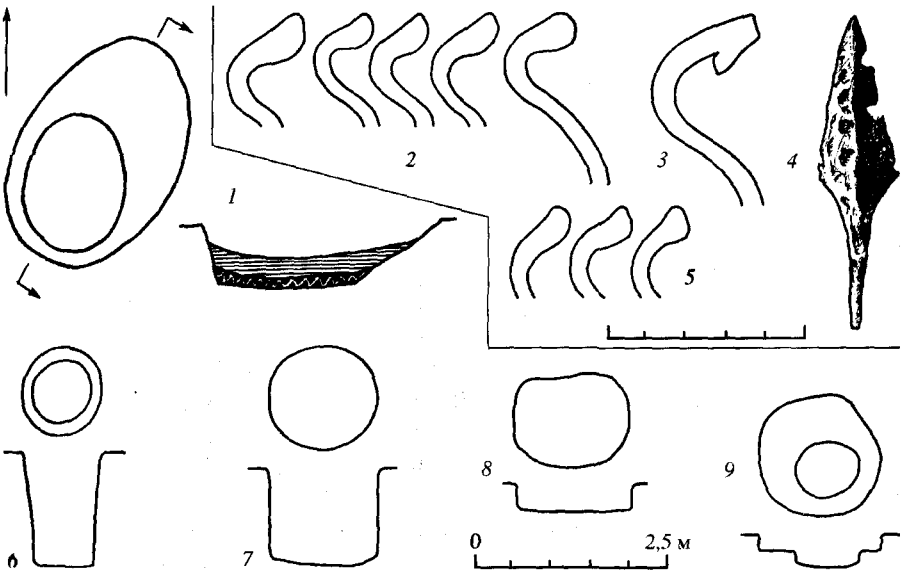


Рис. 10. Ранние хозяйственные ямы на городище

1 – яма 173; *2–4* – находки из заполнения ямы 173; *5* – керамика из верхней части заполнения ямы 110; *6* – яма 229; *7* – яма 216; *8* – яма 177; *9* – яма 110

Таблица 1

Характеристика ранних материковых хозяйственных ям, обнаруженных под валом и на площадке городища

№	Глубина, м	Размеры в плане, м	Форма в плане	Сечение
110	0,4	1,7 × 1,8	Округлая	Прямоугольное
150	0,3	1,3 × 1,2	Неправильная	Трапециевидное
177	0,4	1,8 × 1,4	–"–	Прямоугольное
201	1,6	0,7 × 0,8	Округлая	Трапециевидное
216	1,3	1,3 × 1,4	–"–	Прямоугольное
229	1,7	1,2 × 1,3	–"–	Трапециевидное
231	1,4	0,7 × 0,8	–"–	–"–

слоившихся обломков роменской керамики, крупное 4-гранное зубило с расплющенным бойком, обломок костяной пластинки с двумя отверстиями и железный наконечник стрелы. Наконечник имеет прямые стороны и вогнутые плечики, пропорции пера 1 : 3, свойственные для типа 44 подобных изделий. Такие наконечники широко применялись с IX по XIV в., но типологически наиболее близкие аналогии известны из Новотроицкого городища (IX в.), Веселовского могильника (XI в.) и новгородских слоев X в. (*Медведев*, 1966. С. 67).

В верхней части заполнения, аналогичного окружающему яму культурному слою, встречено немного керамики, относящейся к первой половине XII в. (рис. 10, *2*).

Всего на городище было расчищено 9 котлованов этого времени, где в нижних разделах их заполнения встречено небольшое количество раннего древнерусского материала. В подавляющем большинстве это округлые хозяйственные ямы средних размеров с вертикальными или покатыми к горизонтальному дну стенками (табл. 1).

В противовес городищенским материалам, на территории открытого поселения сооружений раннего периода встречено не было. Это также может свидетельствовать о том, что поселение не отличалось ни большими размерами, ни интенсивной хозяйственной жизнью.

В своем большинстве ранние материалы селища или встречены в переотложенном состоянии в составе заполнения более поздних построек, или залегали в культурном слое. Но и последние примеры не дают основания считать, что ранние напластования где-то на селище сохранились в ненарушенном виде. Скорее всего, они были полностью перемешаны в процессе последующей жизнедеятельности (рис. 8, *1–3, 5, 7–9*).

Среди всего достаточно монолитного массива ранней посуды резко выделяется найденный в единственном числе обломок раннегончарного сосуда

середины – второй половины X в., относящийся к кругу керамики "курганных типов" (рис. 8, *1*). Во всем посульском регионе подобные образцы не просто единичны, а встречаются как крайне редкое исключение, что было хорошо прослежено еще на примере раскопок летописного Снепорода (*Моргунов*, 1996. С. 11–13).

Сильная перемешанность ранних напластований не позволяет достоверно отнести к северянскому поселению большое количество артефактов из культурного слоя селища, имеющих слишком широкие даты их использования. И только три из них с большей степенью вероятности могут быть связанными с данным поселением. Так, кроме керамики, к наиболее ранним находкам этого времени можно отнести железную петлю от колчана, снабженную двумя заклепками (рис. 8, *6*). Такие изделия бытовали в VIII–IX вв. (*Медведев*, 1966. С. 20). Эта находка единична, но не исключено, что она может свидетельствовать о вероятности существования и самого раннего этапа жизни поселения, поскольку она укладывается в общие хронологические рамки роменской культуры. К этому же кругу древностей относится и ромбовидный железный наконечник стрелы "новгородского" типа (рис. 8, *4*). Абсолютное большинство подобных изделий датируется IX–XI вв. (там же. С. 67, 68, тип 46). Кроме того, с территории открытого поселения происходит и низкое округлобокое шиферное пряслице с широким отверстием. Считается, что на Руси они использовались в конце X – первой половине XI в., но применительно для киевского Подола их датировка ограничивается второй четвертью XI в. (*Розенфельдт*, 1964. С. 223; *Сагайдак*, 1991. С. 102).

В целом, степень заселенности исследованной части Сампсониева Острова в северянское время может быть отражена при помощи картограммы всего материального комплекса, полученного в результате раскопок. На эту карту нанесены все датированные котлованы жилых и хозяйственных сооружений, а также те немногочисленные индивидуальные находки, которые сопоставимы с рассматриваемой эпохой. Наиболее массовая датировочная категория здесь представлена обломками лепной и гончарной керамики этого периода: каждый такой предмет обозначен залитым кружком, нанесенным на карту в том квадрате, где он был найден (рис. 11).

Картосхема показывает, что интенсивность заселения надпойменного останца в роменское время была относительно невелика. Скопление остатков жилых и хозяйственных построек размещались только в непосредственной близости от древнего брода, на расстоянии 100–120 м от него. От этого условного эпицентра интенсивность хозяйственного использования территории резко падала в направлении самого брода и резко расширялась к центральной части останца, которая не была исследована.

Как уже отмечалось выше, культурные остатки, отложившиеся под насыпью оборонительного вала, являются закрытым археологическим комплексом, представленным двумя стратифицированными хронологическими пластами. Нижний пласт древностей выражен через характерное сочетание

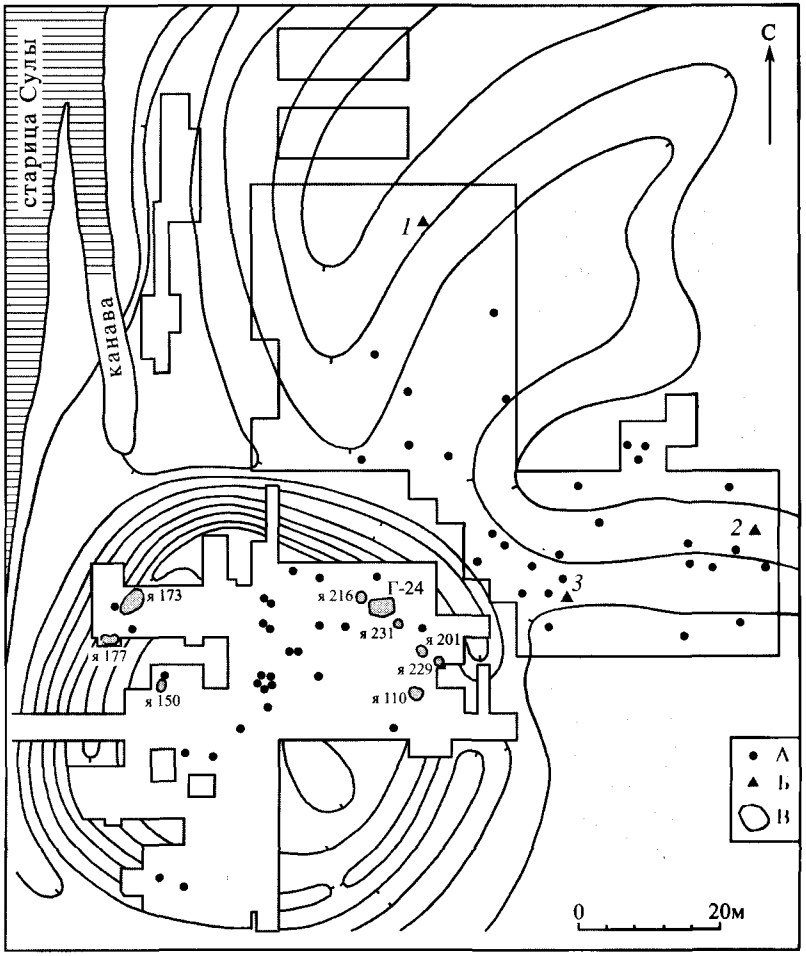


Рис. 11. Картограмма распределения материальных остатков северянского расселения на исследованной части Сампсониева Острова

А – фрагменты лепной и гончарной посуды; Б – индивидуальные находки (*1* – петля от кольчуги; *2* – наконечник стрелы; *3* – шиферное пряслице); В – котлованы жилых и хозяйственных сооружений

лепной и гончарной посуды, в нем отразились особенности материальной культуры летописных северян. Поверх него находится хронологически пласт с более развитой керамикой принципиально иных типов. Такова стратиграфия заполнения постройки Г-24 и ямы 173 (рис. 9, 10). Между этими двумя стратифицированными пластами полностью отсутствуют следы керамического комплекса с промежуточными типологическими формами. Один из этих доминирующих форм второй четверти XI в. отличалась особо пышными видами манжетов, а другая характеризовалась тенденцией к их постепенному сглаживанию, проявившейся на протяжении всей второй поло-

вины этого века (*Моргунов*, 1996. С. 15–17). Показательно, что следов промежуточного керамического комплекса не найдено и в других исследованных частях поселения.

Таким образом, на территории данного памятника ранний комплекс гончарной посуды, которую северяне широко использовали на заключительном этапе развития культуры, представлен замкнутым массивом, не имеющим здесь дальнейшего развития, что может указывать на прекращение существования поселения. Это подтверждают и следы пожара, прослеженные в котлованах жилых и хозяйственных построек. Итак, не позже конца первой четверти XI в. северянское поселение прекратило свое существование и жизнь на Сампсониевом Острове не возобновлялась на протяжении всего XI в. Наличие столь длительного промежутка в заселенности надпойменного всхолмления в определенной мере сужает и уточняет хронологию бытования здесь датирующих находок, сближая их с данными керамической шкалы.

Открытое поселение эпохи сложения пограничной линии

Под насыпью оборонительного вала городища был прослежен и более поздний хронологический пласт, перекрывавший следы небольшого северянского поселка.

Этот пласт в первую очередь характеризуется содержанием единообразного массива датирующей гончарной керамики, которая представляет собой тип развитой кухонной посуды с плавным изгибом шейки. С наружной стороны венчиков в качестве реликта раннего манжета сохранился едва различимый валик без резкой нижней подрезки. Округлый или слегка заостренный край венчика в это время только начинал загибаться вверх, создавая с его внутренней стороны слабо различимое углубление, которое позже модифицируется в устойчивую и ярко выраженную ложбинку. Описанный тип глиняной посуды встречается повсеместно и является одной из наиболее продуктивных моделей дальнейшего развития формовки верхней части сосудов, а в силу своей характерности он хорошо определим даже по небольшим фрагментам венчиков. На памятниках поречья Сулы подобная керамика датируется началом XII в. (*Моргунов*, 1996. С. 20–22).

Как уже упоминалось, на городище подобные материалы размещались в пластах, перекрывающих заполнения котлованов роменского времени в постройке Г-24, в ямах 110 и 173. Вне сооружений такая керамика встречена при раскопках всех трех секторов как под насыпью вала, так и в переотложенных напластованиях площадки (рис. 12, *1–3*). Поселенческий культурный слой с такой же керамикой, вместе с вынутым из рва материковым грунтом, использовался и для забутовки наружного сруба первого строительного периода оборонительных стен. Иными словами, на многих объектах памятника этот тип посуды стратиграфически маркировал время суще-

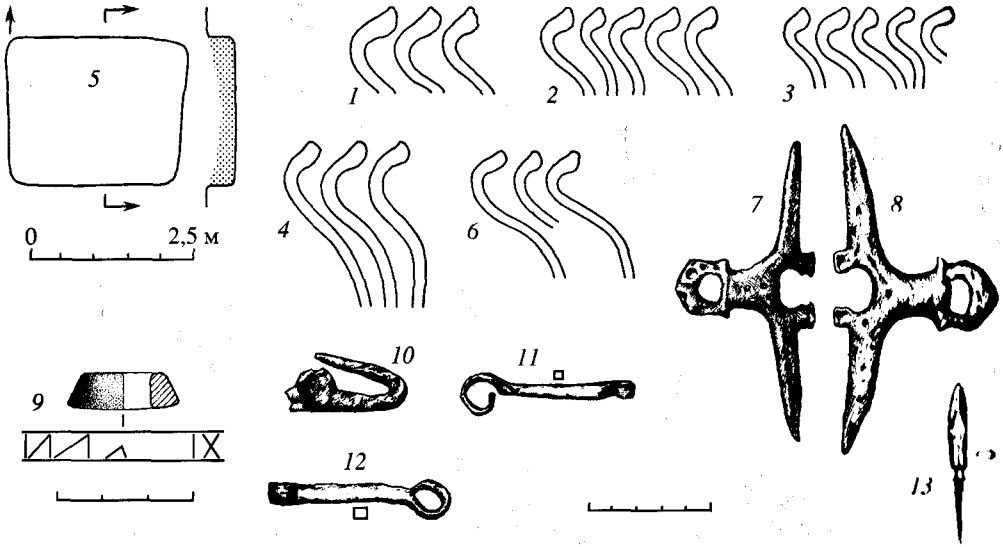


Рис. 12. Материалы первой половины XII в.

Находки на городище: 1 – в секторе 1; *2* – в секторе 2; *3* – в секторе 3. Находки на открытом поселении: *4* – из потолочной засыпки постройки С-7; *5–6* – планиграфия постройки С-4 и находки из ее заполнения. Внекомплексные находки на открытом поселении: *7, 8* – железные псалии; *9* – шиферное пряслице; *10* – обломок кресала; *11, 12* – железные удила; *13* – железный наконечник стрелы

ствования открытого поселения непосредственно перед возведением на его площади небольшой крепости.

На прилегающей к городищу территории открытого поселения этот этап жизни также был отражен единым и достаточно представительным массивом материала. Кроме внекомплексных керамических остатков и отдельных находок, остатки подобной посуды были встречены в составе потолочной засыпки постройки С-7 (рис. 12, *4*) и в заполнении хозяйственной постройки С-4.

Постройка С-4 (рис. 12, *5, 6*) была расчищена на границе раскопов 2 и 3 (рис. 13). Ее прямоугольный в плане котлован с вертикальными стенками и горизонтальным полом был опущен в плотный суглинистый материк на прослеженную глубину 0,4 м. Размеры котлована, ориентированного по сторонам света, 2,7 (З–В) × 2,2 м, т.е. его площадь равна 6 м^2.

В нижней части черноземовидное заполнение обильно насыщено светлой супесью с мелкими угольками. Здесь также найдены остатки тонкого обруча от деревянного ведра, немного керамики первой половины XII в. и кости крупного рогатого скота. Маленькая площадь этого сооружения и отсутствие в нем следов отопительного устройства позволяют интерпретировать его как постройку хозяйственного назначения.

Достоверно к поселению этого времени относилось и несколько древних изделий, обнаруженных на городище в верхней части культурного слоя [illegible]

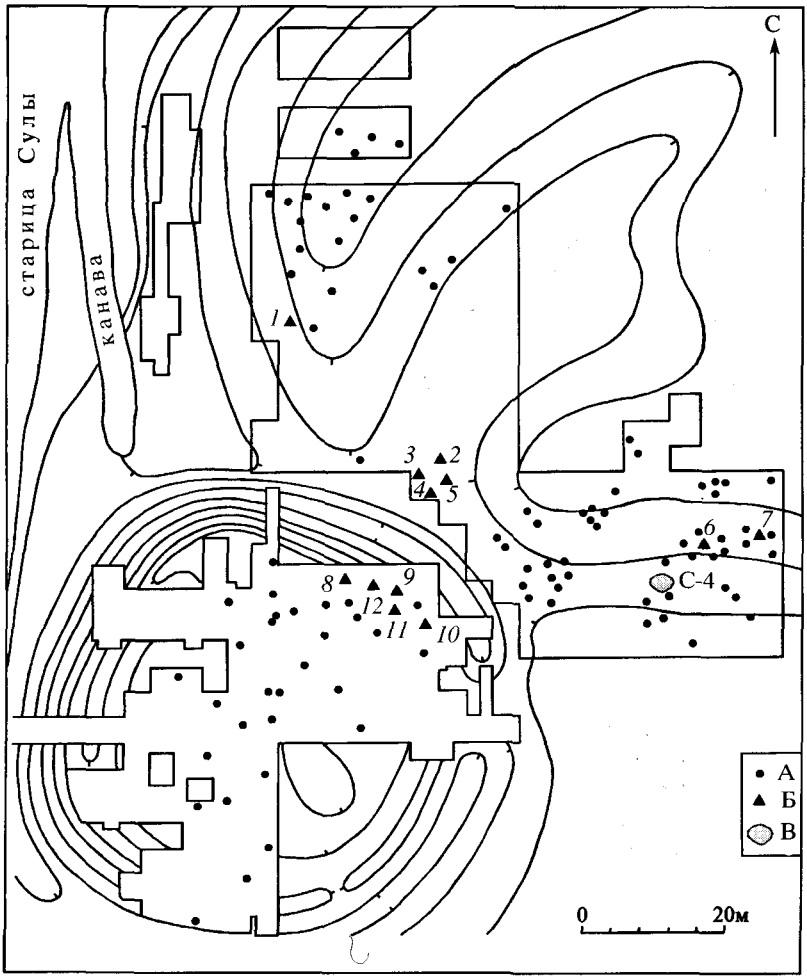


Рис. 13. Картограмма находок первой половины XII в.

А – керамика; Б – индивидуальные находки; В – котлован постройки. *1, 2* – звенья удил; *3* – пара псалиев; *4, 5* – шиферные пряслица; *6* – наконечник стрелы; *7* – фрагмент кресала; *8–10* – обломки жерновов; *11* – подпружное кольцо; *12* – фрагмент дужки от ведра

тор 3), перекрытого насыпью оборонительного вала. Это обломки трех жерновов, железное подпружное кольцо и фрагмент дужки от ведра, к сожалению, не обладающие датировочными свойствами.

Значительное количество внекомплексных индивидуальных находок было получено и на территории открытого поселения, но значительный процент этих артефактов не пригоден для серьезных хронологических построений в силу их слишком широких датировок.

Для определения более целостной картины заселенности исследованной площади поселения в первой половине XII в. разберем картограмму распределения относящихся к этому времени находок в соответствии с их фиксацией в конкретном квадрате (*рис.* 13).

Распространение на картограмме наиболее массового керамического материала не оставляет ощутимого впечатления о резком увеличении интенсивности жизни на поселении по сравнению с северянским этапом его существования, но, несомненно, фиксирует значительное расширение ареала заселенности. Сложившаяся картина в целом отражает существование трех достаточно определенных скоплений древних культурных остатков, вероятно соответствующих определенным жилым зонам.

Одна из таких зон, южная, размещается на территории нынешнего городища. Как и в предыдущий период, она стреловидно ориентирована в направлении речного брода.

С другой, восточной, зоной связаны остатки хозяйственной постройки 4; здесь был найден железный наконечник стрелы и обломок калачевидного кресала. Рис. 12, *10, 13*. Наконечник относится к бронебойным изделиям типа 97, он имеет вид кинжальчика ромбического сечения с перехватом. К нему наиболее близки наконечники, сплющенные у черешка и с перехватом квадратного сечения. Аналогичное же оружие было наиболее характерно для второй половины XI в., когда Сампсониев Остров вообще не был заселен, и для XII в., т.е. время максимального использования такого оружия падало на рассматриваемый период (*Медведев*, 1996. С. 85). С известными оговорками к слою этого периода можно отнести и обломок калачевидного кресала с язычком. Судя по новгородским аналогиям, они бытовали с X–XI вв. до 70-х годов XII в. (*Колчин*, 1958. С. 99; 1982. С. 164). Находки этой зоны имеют плотную концентрацию, что подтверждает активную жизнедеятельность на данной территории, в результате которой могли быть уничтожены следы жилых или хозяйственных сооружений позднероменского периода.

Третья, жилая зона, расположенная севернее предыдущих, аналогий в предшествующем времени не имеет. Здесь угадывается лишь стремление поселенцев занять более возвышенный участок надпойменного всхолмления. Кроме керамики, в южной части этой зоны найдено звено массивных конских удил типа III, квадратного сечения и с петлями грызла, развернутыми в перпендикулярных плоскостях (*Кирпичников*, 1973. С. 12, 16). Рис. 12, *11*.

Несколько не сопровождавшихся керамикой находок было обнаружено между восточными и северной зонами, на прилегающей ко рву пониженной части надпойменного всхолмления. Это пара прямых "крылатых" псалий, которые, судя по размерам и орнаментации, происходили из различных гарнитуров (рис. 12, *7, 8*). Более крупное изделие украшено только насечками по внешнему краю, а на другом орнаментация дополнена цепочкой углублений, чеканенных круглым пуансоном. Подобные псалии в сочетании с уди-

лами типа III в русских землях наиболее типичны для XI и, отчасти, XII в.; весьма схожие формы известны и среди древностей печенегов и торков (*Кирпичников*, 1973. С. 12, 13, 16).

В пределах этого скопления найдено еще одно звено удил типа III (рис. 12, *12*), а также два пряслица розового шифера с отверстиями диаметром 8,5 и 9,2 см. Подобные утяжелители веретен в большинстве районов Руси производились во второй половине XI – первой половине XII в. (*Розенфельдт*, 1964. С. 223; *Сагайдак*, 1991. С. 114). Одно из пряслиц округлобокое, другое – бипирамидальное. Последнее изделие расслоилось по ребру еще в древности, а затем место скола было подточено и заглажено вручную, на его боковую плоскость нанесены бессистемные прямые черточки и косой крестик (рис. 12, *9*).

Несмотря на сложность, при определенных условиях ряд находок все же можно связать с этим этапом жизни поселения. И одним из таких условий является прослеженное выше отсутствие заселенности надпойменного останца на протяжении трех последних четвертей XI в. Это наблюдение, несомненно, сужает общепринятые датировки находок до реальных пределов их отложения в культурном слое Сампсониева Острова.

Защитные сооружения городища

Оборонительная система исследуемой крепости была представлена стандартным набором защитных элементов, присущих любому укрепленному объекту подобного типа, занимавшему свою устойчивую нишу среди древнерусских фортификационных сооружений. Крепость была возведена на ровной поверхности надпойменного всхолмления вне связи с защитными свойствами окружающей местности. Может вызвать удивление, например, хотя бы тот факт, что строители не воспользовались даже близко расположенным берегом заболоченной старицы, который мог бы в безморозный период обеспечить прочную безопасность западной части пограничного форпоста. Тем не менее, таково было влияние фортификационных традиций того времени и укрепление на Самсониевом Острове ничем не отличалось от сотен схожих небольших крепостей округлой в плане формы.

В современном состоянии площадка городища со всех сторон окружена невысоким кольцевидным валом, опоясанным неглубоким рвом. Дань местной оборонительной необходимости прослеживается только в заметном расширении вала и аномальной углубленности рва в южной части укреплений, где крепость вплотную примыкала к древнему броду. В современном состоянии с трех напольных сторон он имел вид плавного линзовидного прогиба глубиной 1,2–1,5 м. В то же время напротив подъездной дороги к броду форма профиля рва изменилась: здесь контур его сечения приближался к перевернутому треугольнику с крутыми склонами и притупленным дном, а глубина превышала 2 м.

Это указывает на направление доминирующей опасности и характеризует защитную роль крепости, очевидно созданной для контроля за вооруженными формированиями, стремившимися к удобной переправе через пограничную реку.

К ряду крепостных защитных элементов относился и въездной комплекс. Он всегда являлся самым уязвимым звеном в оборонительной системе, поскольку конструктивно был предназначен обеспечить как надежную защиту от врага, так и коммуникационное удобство его использования мест-

ным населением. Эта задача на данном памятнике решалась при помощи устройства въезда с более безопасной восточной стороны, прилегавшей к открытому поселению. Еще до начала стационарных исследований, несмотря на значительные современные разрушения, на местности визуально хорошо распознавалось при въезде значительное расширение вала и рва.

Исследование защитных элементов даже типичных укреплений всегда дает обильные материалы для изучения их конструкции, тем более, что в литературе недостаточно примеров качественно изученных и подробно опубликованных объектов подобного рода. Для специалистов такие раскопки имеют и другую важную самостоятельную цель: только они позволяют стратифицировать весь объем культурных напластований археологического памятника на два важнейших этапа в жизни поселения и выяснить время наступления решающей фазы в его существовании. Переломный момент определяется временем, когда сельское поселение по мере обретения защитного ограждения получает городской статус или, как это было в нашем случае, когда небольшой поселок становится пограничным форпостом или крепостью. Думается, нет нужды объяснять, что это новое качество, соответствовавшее коренным интересам государства, неизбежно вносило изменения и в хозяйственную структуру поселения.

Исследование конструкции земляных валов

Как показано выше, оборонительные сооружения городища были возведены непосредственно поверх культурных отложений первой половины XII в. Следующий этап работы – уточнение времени этих градостроительных мероприятий и изучение конструктивных особенностей сооружений. Методически эта задача решалась в два последовательных этапа. Сначала общая картина проходила апробацию на вертикальных разрезах стратиграфических траншей, а затем проводилось полное вскрытие всех доступных для изучения отрезков валов, которые не были перемешаны корневой системой деревьев.

Вертикальные разрезы оборонительных сооружений соответствовали расположению траншей, состоявших из квадратов размерами 4 × 4 м (рис. 6). Здесь имелась возможность индивидуальной фиксации датирующих фрагментов керамики с целью их привязки к стратиграфическим профилям.

Наименее удачными оказались раскопки в северной части траншеи 2, где стратиграфия была сильно искажена обширной поздней ямой, опущенной от гребня вала почти до материка, а площадь вскрытия рва пришлось сузить из-за растущих вокруг деревьев. В результате на этом участке удалось убедиться, что конструкция оборонительных стен здесь в общих чертах не отличалась своеобразием, а для более подробного изучения оказались пригодными только ранние слои догородищенского периода и плохо подкрепленная вещевыми находками стратиграфия заплывания рва.

Западный участок траншеи 1 отличался лучшей сохранностью стратиграфической колонки, но здесь деревянная основа укреплений не имела следов значительных пожаров. В условиях песчанистого характера забутовочных субструкций это привело к трудностям в изучении планиграфии разреза: даже насыщенные древесным тленом отрезки срубов в песке отражались всего лишь как неровные полосы с расплывчатыми границами и неразличимыми деталями.

Наиболее результативными были раскопки южного участка траншеи 2, где качество стратиграфии было обеспечено следами обширного пожарища, занимавшими весь юго-западный сектор 1. Таким образом, за основу изучения вертикальной стратиграфии остатков оборонительных стен нами были приняты близкие по конфигурации профили двух последних участков (рис. 14).

Эти разрезы показывают, что в южной, наиболее значимой части защитной преграды, укрепления возводились поверх предматерикового слоя, причем перед началом строительства культурные напластования здесь предварительно были расчищены. Поскольку культурный слой всегда наименее плотен, то не исключено, что это делалось для наибольшей устойчивости укреплений. На участках, обращенных к старице и к поселению, такая работа не производилась, и там под насыпью вала прослежен ранний культурный слой толщной до 0,1–0,15 м.

На первом этапе создания оборонительной системы поверх культурного слоя (или предматерика) была уложена грунтовая подушка толщиной от 0,25 до 0,5 м. В ее основании размещались перемешанные остатки раннего культурного слоя (черноземовидной супеси), а выше эта субструкция состояла из вынутых из рва материковых отложений разного состава.

Подушка почти посередине была разделена ориентированной вдоль оси вала сгоревшей деревянной стенкой, разделявшей конструкцию на два сруба – внутренний и наружный, где наружный заполнялся плотной земляной забутовкой. В современной литературе внешние забутованные срубы принято называть летописным термином "городни", а внутренние пустотелые помещения именуются "клетями": в их составе прослеживались культурные отложения, синхронные времени их хозяйственной эксплуатации.

Разделяющая внутренний и наружный срубы общая стенка в качестве основной конструктивной доминанты сохранила свою почти правильную геометрическую вертикаль едва ли не на всю высоту вала. Нижняя часть стенки состояла из древесного тлена, а выше бревна сруба испытали воздействие огня, поэтому имеют вид углистого массива, содержащего и крупные обломки бревен.

С наружной стороны остатков городней на всех бровках прослеживается несколько горизонтальных подрезок всех предыдущих напластований до уровня материка. Таким образом строителями создавались бермы шириной 0,4–0,6 м, предохранявшие срубные стены от опасности их сползания в ров.

Последующий строительный горизонт представлен нивелировочной подсыпкой при помощи двух линз (из суглинка и строительного мусора), и

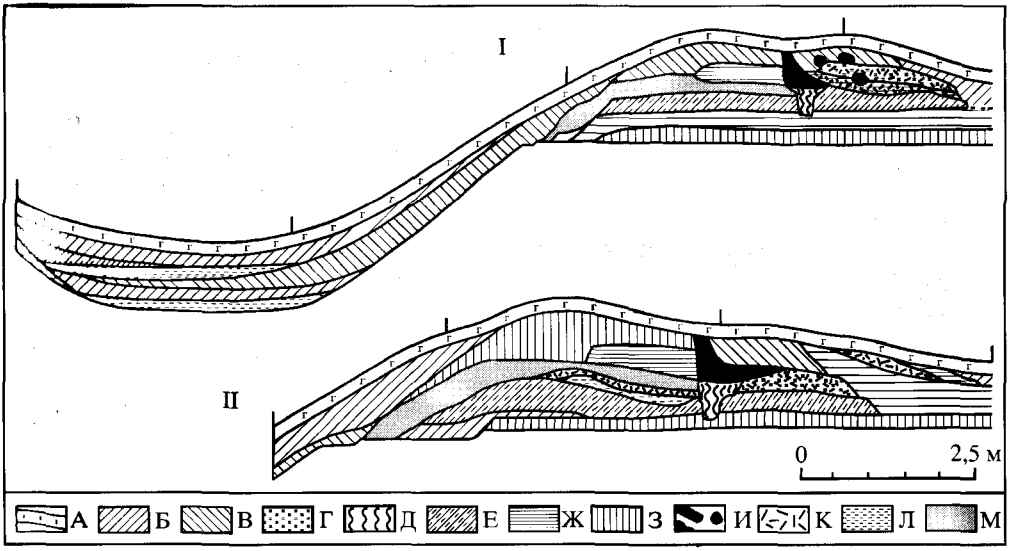


Рис. 14. Профилировка разрезов вала (I – северный профиль на западном участке траншеи 1; II – западный профиль южного участка траншеи 2)

А – дерн; Б – черноземовидная супесь; В – желтый комковатый суглинок; Г – обожженный суглинок; Д – древесный тлен; Е – черноземовидная супесь с примесью материка; Ж – коричневый суглинок; З – предматерик; И – угли; К – строительный мусор; Л – слоистые осадочные отложения; М – светлая супесь

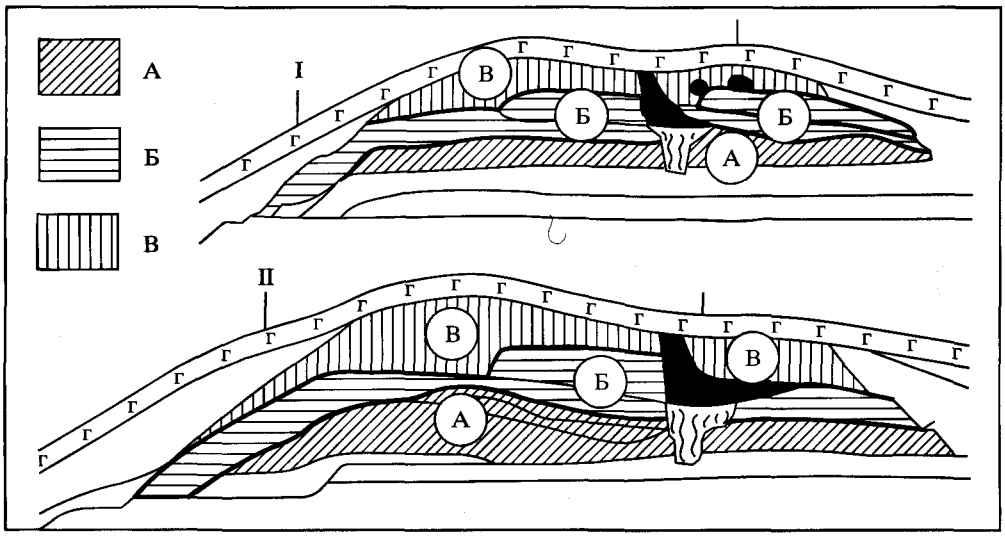


Рис. 15. Строительные периоды возведения оборонительных стен (I – западный участок траншеи 1, II – южный участок траншеи 2)

А – развал первоначальных стен; Б – второй строительный период; В – следы наиболее поздних укреплений

затем поверх старой грунтовой подушки наружный сруб был досыпан пластами светлой супеси и коричневого суглинка. Судя по найденному здесь материалу, значительная часть необходимого для этих субструкций грунта была взята с площадки.

Синхронная внутренняя клеть имела более пестрое грунтовое наполнение: кроме включений того же суглинка, прослойки включали наросший здесь культурный слой, обожженную глину и строительный мусор. Эта клеть в древности была пустотелой: на одном профиле на нее частично завалилась разделяющая клети внутренняя стенка, на другом – сохранились фрагменты перекрывающих ее отдельных обгорелых бревен.

Суммарная толщина вышеописанных пластов не превышает 0,5 м. С наружной стороны стены, на верхней части склона в ров, и на этот раз была сделана горизонтальная подрезка предшествующих осыпей в виде неширокой бермы.

На заключительном этапе строительства наиболее мощная по высоте забутовочная засыпка срубов (ее толщина достигает 0,7 м) была сложена из комковатого желтого суглинка с примесью черноземовидной супеси. Конструкция вновь сохранила двухсрубное членение, а на склоне в ров появилась еще одна ступенька бермы. После разрушения гребня вала грунтовая основа этой подсыпки частично оплыла в сторону площадки, но в основном рухнула в направлении рва.

Как уже отмечалось выше, ров, судя по современному состоянию его поверхности, имел неодинаковое поперечное сечение. На исследованных напольных участках он имел корытообразный профиль с шириной почти плоского дна до 3,5 м. Его глубина от дна до культурных напластований площадки приближалась к 3 м, поскольку городище занимало естественное краевое возвышение надпойменного останца. Местами на дне рва сохранились невычищенные илистые отложения, перемежавшиеся с также длительное время невычищавшимися затеками культурного слоя с открытого поселения. Выше во рву зафиксированы и следы упавших сюда развалов оборонительных сооружений. Поверх этих остатков хорошо прослеживались ленточные черноземовидно-илистые отложения, очевидно имевшие более позднее паводковое происхождение, когда вся территория селища периодически покрывалась вешними водами.

Находок во рву очень немного: кроме мелких обломков керамики, здесь найдена половинка пряслица из стенки гончарного сосуда и массивный клиновидный рабочий топор типа VIII-А, относящийся к XII – первой половине XIII в. (*Кирпичников*, 1966б. С. 40) (рис. 29, *6*).

Представленная выше профилировка разрезов валов и характер залегания находок допускают возможность в общих чертах проследить этапы и хронологию возведения оборонительных стен. Разнообразие в размерах и заполнении срубов, а также троекратная передвижка узкой полоски бермы позволяют судить о трех разновременных строительных периодах создания и реконструкции крепостных сооружений (рис. 15).

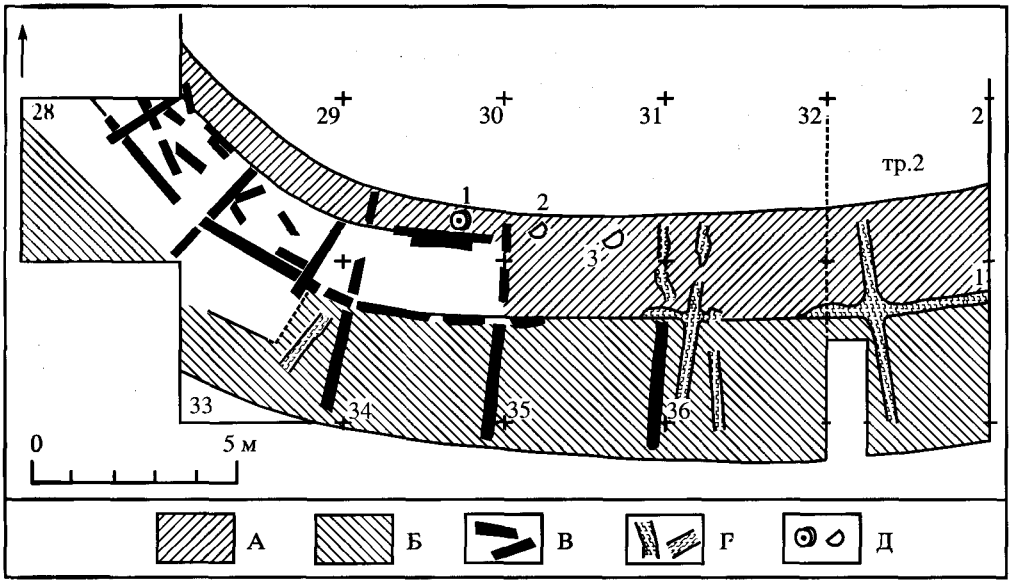


Рис. 16. Планиграфия оборонительных сооружений в южной части городища
А – внутренние клети; Б – наружные клети; В – обгоревшие бревна; Г – древесный тлен; Д – жернова и их обломки

Значительную помощь в технической детализации этих процессов может оказать планиграфическое изучение остатков оборонительных сооружений, которое удалось провести в юго-западном секторе 1, где обнаружились обильные следы локального пожара. Здесь укрепления вплотную прилегали к дороге, упиравшейся в речной брод, и этот пожар, очевидно, является немым свидетельством одного из военных эпизодов, связанных с приграничными оборонительными буднями. Остатки укреплений были изучены на протяжении 24 м их первоначальной длины. На восьми метрах восточной половины участка от деревянных конструкций сохранились только расплывчатые полосы древесного тлена, а наибольшей детализации картина оборонительного строительства поддавалась на его западной половине (рис. 16).

Параллельно с анализом методов древнего оборонительного строительства на памятнике, было бы интересно сопоставить современные метрические характеристики раскопанных объектов с древнерусской системой мер длины. В свое время Б.А. Рыбаковым было убедительно показано, что на Руси с XI по XVII в. в строительстве активно использовалось семь основных видов саженей (*Рыбаков*, 1949; 1957). Реликтово отдельные неметрические меры использовались в жилищном строительстве вплоть до XX в., и до сих пор мы нередко пользуемся многими древними стандартами, "пересчитанными" на основе саженей. Ниже мы попробуем сравнительно сопоставить с

Таблица 2

Древнейшие виды неметрических мер длины, см

Сажень	1 сажень	2 сажени	3 сажени
Прямая (простая)	152,7	305,5	458
Мерная (маховая)	176	352,8	529
"Морская"	184	368	552
"Трубная"	187	374	561
"Без чети"	197	394	591,6
Косая (казенная)	216	432	648
Великая	249	498,9	748

нашими полевыми замерами некоторые из древнейших видов саженей, сведения о которых, согласно исследованию Б.А. Рыбакова, отражены в наиболее ранних источниках (табл. 2). В литературе подобные сопоставления уже применялись и показались нам очень интересными (*Никольская*, 1987, С. 30, 49, 55, 56; *Даркевич, Борисевич*, 1995. С. 175).

На протяжении своего существования укрепления состояли из двух взаимосвязанных линий деревянных срубов. При этом центральная ось, связующая обе линии срубов, все время располагалась на одном месте. Эта ось диктовала неизменную планиметрическую форму кольцевидного защитного комплекса в условиях его жесткого ограничения заданными размерами внутренней площадки и взаимосвязи с основной осью рва.

На первом этапе на краю открытого поселения, существовавшего с начала XII в., была построена двухсрубная деревянная стена, для прочности забутованная предшествующим строительству культурным слоем и грунтом, вынутым из опоясывающего эти стены рва. Поскольку хронологически предваряющая строительство гончарная керамика в неперемешанном виде сохранилась только под валом, стратиграфически возведение стен устанавливается временем после первой половины XII в.

По всей площади раскопа остатки укреплений первого строительного периода прослежены в виде полос древесного тлена (рис. 16). В целом виде прослежено четыре комплекта взаимосвязанных бревенчатых срубов. В каждом таком комплекте наружные и внутренние срубы не были равновеликими; внутренняя линия стены состояла из срубов шириной (поперек оси вала) 2,5 м, что было близко к древнерусской великой сажени. Ширину срубов наружной линии точно указать труднее из-за близости стены к склону рва и сильной песчанистых субструкций. В современном состоянии она приблизительно равна 3,5 м, это почти соответствует двум мерным (маховым) саженям.

Длина всех клетей (вдоль оси вала) на ровных участках стены составляет около 4 м, что эквивалентно двум древнерусским "саженям без чети". Таким образом, если наши подсчеты верны, то площадь внутренних клетей насчитывала около 9,75 м², а наружных – 13,75 м².

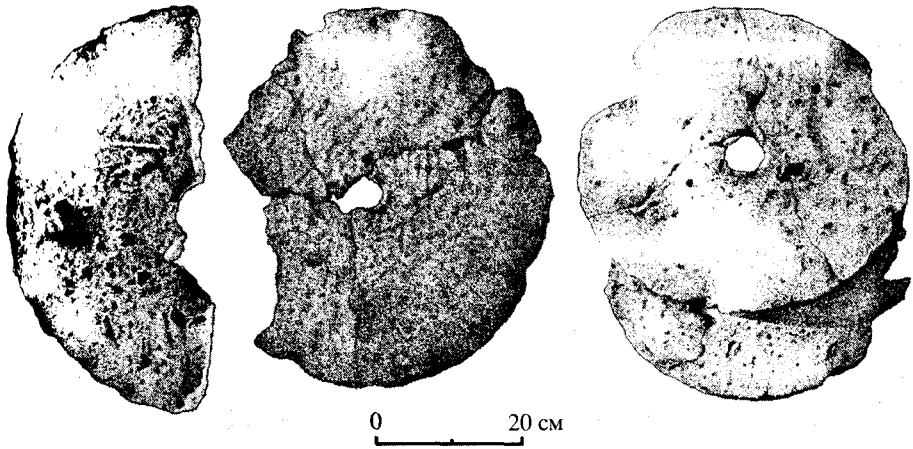


Рис. 17. Жернова из заполнения внутренних клетей защитных стен

На переломных изгибах направления стены (рис. 16, кв. 32 и 36) соседние срубные пары не имели общих смежных стенок, как это делалось на ровных участках. В таких случаях соседние венчатые звенья приставлялись рядом под углом, необходимым для соблюдения в этом месте изгиба, но детализация их конструктивной взаимной увязки осталась невыясненной. При этом внутренние размеры каждой соседней срубной пары оставались неизменными.

Заполнение внешней цепочки срубов более светлое. Как видно по вертикальным разрезам, оно состояло из культурного слоя предшествующего времени, перекрытого материковым грунтом. Во внутренней линии отдельные срубы содержали значительно более темное заполнение, по составу приближающееся к культурному слою площадки. Это хорошо известные по литературе хозяйственные клети, входившие в состав оборонительных стен: на их полу отложился культурный слой с обломками керамики середины XII в. Кроме того, на утрамбованном полу одной из клетей (кв. 31) были найдены два крупных обломка жерновов, а в другой (кв. 30) – целый мельничный постав (рис. 17). Его нижний диск, диметром около полуметра, более массивен, имеет выпуклую рабочую поверхность и отверстие размером около 3 см. Верхний жернов – чуть меньших размеров и толщины, на его отколотом краю частично сохранились следы сверленого полукружия для установки деревянной ручки. О хозяйственном предназначении этих клетей свидетельствует и то обстоятельство, что ни в одном аналогичном сооружении этого городища не было прослежено даже следов отопительных устройств.

Оборонительные приспособления первого строительного периода не подвергались воздействию огня, поэтому необходимость в их реконструкции скорее всего диктовалась требованиями модернизации защитной систе-

мы. Впрочем, похоже, что таковая модернизация не носила кардинального характера: планиграфически она, видимо, последовательно наложилась на предыдущую конструкцию.

Следы второго этапа строительства на плане сектора 1 достоверно распознаются в виде остатков только двух обгоревших бревен наружного сруба в кв. 34 и 35 (рис. 16). Несколько лучшие результаты дают разрезы, здесь остатки продольной осевой линии были подвержены воздействию огня.

Но наилучшим индикатором реконструктивных мероприятий остается керамический материал. Он показывает, что для забутовки наружной цепочки срубов теперь был использован культурный слой площадки с отложившимися к этому времени фрагментами посуды середины XII в. Таким образом, абсолютная дата возведения новых стен отодвигается во вторую половину XII в. В пользу последней даты свидетельствует и небольшое количество обломков сосудов этого времени, которое было найдено в основании завала строительного мусора, маркирующего остатки внутренних клетей второго строительного периода.

Определенный интерес представляют наблюдения за характером заполнения рва. Как уже упоминалось, его первоначальная глубина определяется перепадом высот между дном и основанием стены первого строительного периода. На исследованных участках она близка к 3 м, и это сопоставимо с двумя прямыми саженям. Какое-то время ров сохранял свои заданные параметры, а на его дне скопились илистые донные отложения, характерные для аналогичных защитных сооружений, постоянно заполненных водой. Такая картина вполне соответствует небольшой высоте надпойменного всхолмления, на поверхности которого возводилась эта крепость. Но позже по неясным причинам (возможно, климатического характера) вода перестала поступать в ров и он постепенно стал заполняться грунтовыми затеками.

В итоге на всех исследованных участках глубина котлована постепенно уменьшилась на 50–60 см. Это не противоречит сложившемуся в литературе представлению о развитии древнерусской фортификации: оно шло по пути увеличения мощности оборонительных стен, а глубине рвов со временем придавалось все меньшее значение (*Раппопорт*, 1956. С. 68). В последние годы схожая картина подтвердилась и по материалам массового изучения городищ на территории Украины (*Кучера*, 1999. С. 84).

К третьему строительному периоду планиграфически относится слой пожарища, частично расчищенный в секторе 1 в квадратах 28–30 и 33–34. Стратиграфически он занимает промежуточное место между временем второй реконструкции и дерновым слоем. Характерно, что массовых следов подобного пожара по всему периметру укреплений не было, следовательно он носил исключительно локальный характер и был приурочен к самой опасной стороне укреплений, прилегавшей к речному броду. Время возведения последних оборонительных сооружений определяется по наиболее ранней керамике, отложившейся на протяжении эксплуатации вну-

тренних хозяйственных клетей. Она датируется рубежом XII–XIII вв., возможно, началом XIII в.

Основная центральная ось новой оборонительной стены сохранила свое расположение и ориентацию. Любопытно, что в это время на трассе изгиба стены срубы ставились вплотную друг к другу, разделенные общей стенкой, как это раньше делалось на прямых участках стены. Примененный теперь способ – более экономичный, но срубы от этого приобрели в плане трапециевидные очертания. К сожалению, подобные срубы не встретились на прямом отрезке стен, поэтому приводимые ниже подсчеты могут отличаться некоторой неточностью.

Тем не менее, повсеместно прослеживается заметное уменьшение размеров деревянных срубов. Так, ширина каркасов внутренних клетей (поперек оси вала) стала насчитывать около 1,5 м, что соответствует величине простой сажени. По длине (вдоль оси вала) их размеры колеблются от 2,5 м на периферийной, обращенной к площадке, стороне (великая сажень), до 3 м по гребню вала (2 простые сажени). Таким образом, площадь внутренних клетей не могла превышать 4,5 м^2. Слабые следы наружной линии срубов сохранились плохо, информация о них исчерпывается представлением о также меньших, чем ранее, размерах.

Вместе с тем, на профилях разрезов прослеживается резкое увеличение высоты забутовочных субструкций, что объясняется тем обстоятельством, что перед нами следы последнего строительного периода, не подвергавшегося древней планировке или выравниванию. К сожалению, ничего не известно об истинных высотных параметрах этих забутовок, поскольку верхушки валов были срезаны нашими современниками.

Проблема сохранности археологических объектов, и в особенности в условиях песчанистого грунта, не позволила продолжить столь же подробное изучение оборонительных сооружений. Этому помешало отсутствие сгоревших участков защитных стен: на всей западной половине городища, на свободных от деревьев прогалинах, были зафиксированы лишь слабые следы осевой линии укреплений и отрезки радиальных перемычек между срубами. Они имели вид неровных полос древесного тлена, сохранивших общие очертания двухсрубных сооружений, по форме и размерам напоминавших очертания сооружений первого строительного периода.

Еще более скудной сохранностью строительных остатков отличалась северо-восточная часть площадки, сектор 3, где в результате многочисленных усилий с трудом удалось определить лишь внешние контуры оборонительных сооружений (рис. 18). Несколько лучше прослеживались конструктивные остатки въезда, который отчасти подвергся воздействию огня, но таких весомых стратиграфических наблюдений, как в секторе 1, здесь также получить не удалось.

В то же время, если взглянуть на проблему сохранности органических остатков несколько шире, можно извлечь пользу и из описанной выше картины. Ранее уже говорилось о том, что плохая сохранность органики на уча-

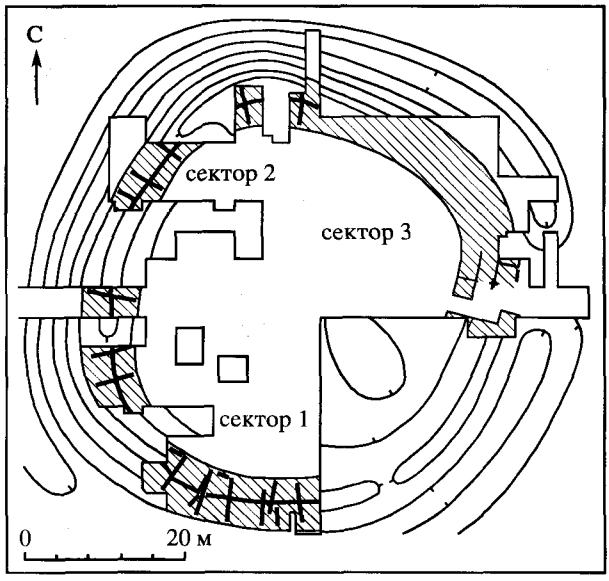


Рис. 18. Генеральный план оборонительных сооружений городища

стках, не подвергавшихся воздействию огня, на этом памятнике связана с супесчанистой основой местных грунтов, которые хорошо пропускают атмосферную влагу. Отталкиваясь от этого, можно показать, как неодинаковая сохранность дерева на разных участках городища может отразить и хронологические этапы развития воззрений археологов на конструктивную сущность древнерусских оборонительных сооружений.

Так, в 50-е годы минувшего столетия широко бытовало представление о существовании оборонительных валов, издревле не имевших внутреннего деревянного каркаса (*Раппопорт*, 1956. С. 69–72; 1961. С. 99–105; 1967. С. 114–124). На Сампсониевом Острове эта идея могла бы найти блестящее подтверждение по итогам изучения вала в секторе 3. Теоретически с такой ситуацией мог столкнуться любой исследователь, ограничивший свою задачу единственным разрезом в этой части городища, хотя и на уровне бытовой логики ясно, что песчанистый вал без внутреннего каркаса не мог играть роль достойного оборонительного препятствия и неминуемо должен был вскоре оплыть под влиянием атмосферных осадков.

Через 30 лет украинский исследователь М.П. Кучера допускал только частичное существование исключительно земляных валов, но полевая практика убедила его в том, что подобные отрезки укреплений встречаются только на менее значимых участках обороны (*Кучера*, 1986а. С. 101). Применительно к нашему случаю сектор 3 представлял собой как раз периферию оборонительной системы, менее всего подвергавшуюся внешней опасности.

В ином случае выборочные раскопки вала, проведенные в секторе 2, могли бы столь же убедительно проиллюстрировать более высокую степень развития местной оборонительной системы. В этом примере неровные полосы слабоокрашенного гумусом песка показали бы существование двухсрубного защитного устройства, представленного единственным строительным периодом. Отсутствие здесь конструктивных деталей могло сильно затруднить "привязку" к ним керамических остатков и других находок, поэтому вопросы хронологии возникновения укрепления могли получить иную интерпретацию. Очевидно, схожий комплекс обстоятельств и наблюдений заставил М.П. Кучеру позже отказаться от идеи П.А. Раппопорта о широком распространении валов, не содержавших деревянной основы (*Кучера*, 1999. С. 76).

И, наконец, только по результатам раскопок в секторе 1, благодаря консервирующему воздействию огня, удалось изучить деревянные конструкции защитных стен, трижды реконструировавшихся на протяжении столетия. Сампсониев Остров – не единственный пример ошибочных представлений о защитной роли земляных валов в древнерусском оборонительном комплексе. Так, в свое время П.А. Раппопорт причислил и городище летописного Снепорода к укреплениям, защищенным бескаркасными валами (1956. С. 70, 71), но более широкие исследования показали ошибочность таковых представлений (*Моргунов*, 1996. С. 13–26).

Какова же действительная оборонительная роль деревянных сооружений, которые мы находим внутри земляных валов?

В археологической литературе их принято ассоциировать с каркасами, возведенными для укрепления земляных насыпей, хотя сама защитная сущность крепостных валов в полной мене далеко не однозначна. Давно обращалось внимание на то обстоятельство, что на ранних этапах летописания термин "вал" использовался для идентификации значительно более древних "змиевых" валов, а под "греблей" в древнерусских источниках одинаково распознавались то ров, то вал. Применительно к событиям XII в. для обозначения земляных насыпей в источниках начали использоваться термины "соп" и "приспа": на них строились защитные стены или их сравнивали с землей для полного уничтожения разграбленных городов (*Раппопорт*, 1956. С. 114, 115).

Удивительно и то, что в русских письменных источниках, повествовавших о домонгольском периоде, нет неоспоримых сведений о намеренном возведении земляных насыпей или об использовании валов в качестве защитных преград. Кроме редко встречаемого определения "большой" или "малый", мы не встретим в летописях никаких лексических оборотов, применяемых для оценки качественных сторон этих сооружений или их технических элементов.

На фоне такой оборонительной обезличенности земляных насыпей, которые в современной литературе причисляются к крепостными сооружениям, летописные определения постройки оборонительных сооружений обыч-

но характеризуются устойчивым оборотом "срубить город". В остальном обширная номенклатура связанной с фортификацией конструктивно-технической лексики показывает длительное и непосредственное знакомство современников с деревянными стенами. Эта лексика разнообразна и хорошо разработана: в источниках неоднократно упоминаются стеновые срубы городни, на стенах размещали надстройки-заборола с бойницами-скважнями; неприятель разрушал стены при помощи пороков или забирался на них по лестницам (*Поппэ*, 1962. С. 10, 11, 20, 21, 35, 62). Кроме мощных городских стен летописцам были известны и защитные преграды меньшей оборонительной значимости: столпья, оплоты и тыны (там же. С. 46, 74, 80). Видимо, неслучайно массовое появление в источниках сведений о намеренном возведении защитных валов по времени совпадает только с началом употребления огнестрельного оружия (НПЛ. Под 1387 г. С. 381; Под 1392 г. С. 385 и т.д.). К этому же времени относится и использование в письменных источниках термина "вал" в качестве действующего оборонительного сооружения (*Раппопорт*, 1956. С. 115).

Вопрос о древней сущности деревянных внутривальных конструкций, безусловно, во многом требует дальнейшей глубокой разработки. Сейчас же, рассматривая под таким углом защитный комплекс городища Сампсониев Остров, можно убедиться, что первоначально площадка была окружена двухсрубной деревянной стеной с внутренней грунтовой забутовкой, обеспечивавшей деревянному каркасу наибольшую прочность.

Вероятно, о схожих с Сампсониевым Островом укреплениях в свое время писал арабский автор середины X в. Ибн-Якуб: "И таким образом строят славяне большую часть своих крепостей: они направляются к лугам, обильным водами и камышом. И обозначают там место круглое или четырехугольное, смотря по форме, которую желают придать крепости и по величине ее. И выкапывают вокруг него ров и выкопанную землю сваливают в вал, укрепивши его досками и сваями наподобие битой земли, покуда стена не дойдет до желанной высоты..." (*Розен*, 1878. С. 48).

После разрушения первоначальной стены Сампсониева Острова на ее месте образовалась длинная земляная гряда: мы ее называем валом, а в русских источниках она подразумевалась под терминами "приспа", "сол", "насол". Примеров возведения деревянных или каменных стен поверх таких осыпей в источниках достаточно много. Подобно этому и на Сампсониевом Острове укрепления второго и третьего строительных периодов, очевидно, строились поверх выровненных развалов старых стен: это хорошо видно на вертикальных разрезах. На данном памятнике, кроме центральной осевой линии, конечно, нет очевидных следов вертикальных оборонительных конструкций в силу грунтовых особенностей городища, но в иных хорошо известных случаях остатки стеновых срубов нередко сохраняются на значительную высоту.

На основании изучения объема грунтовых осыпей в ряде случаев можно гипотетически определить и высоту древних стен. Залогом успешного про-

ведения этой работы является требование высокой степени стратифицированности изучаемых объектов. Существует несколько способов проведения таких реконструкций, каждый из которых имеет свою специфику и свои сложности, поэтому не всякий метод применим для вычислений параметров стен конкретного памятника.

Для оборонительных сооружений Самсониева Острова наиболее точным является метод сопоставления ширины основания стен и поперечного сечения прилежащего участка рва. Раньше таким способом пользовались для реконструкции объектов, представленных единственным строительным периодом (*Кучера*, 1987. С. 116), но в данном случае его применимость, очевидно, можно несколько расширить и вычислить высоту защитной конструкции первого строительного периода.

Такое представление основано на том обстоятельстве, что обычно на первом этапе возведения укреплений строители для забутовки стеновых каркасов ограничивались только грунтом, изъятым из рвов. Поэтому забутовка первоначальных стен всегда сложена из материкового грунта. Таким образом, первоначальное ложе рвов своим поперечным сечением на каждом погонном метре реально показывало объем зе́мли, уложенной в каркас наиболее ранней защитной стены. Эта картина типична и для нашего укрепления. На более поздних этапах строительства из рва грунтовые наплывы не вычищали, поэтому каждый погонный метр заполнения рва в значительной степени мог соответствовать противолежащему погонному метру первоначальной стеновой забутовки. В таких случаях принято сравнивать площади поперечных сечений соответствующих объектов.

Здесь верхний обрез первоначального рва, условной линией соединяющий его городищенский склон с уровнем нижней кромки напластований середины XII в. на селище, составлял чуть больше 8 м. Геометрически эта линия представляется перевернутым кверху основанием трапеции. Глубина корытообразного рва 2,1 м, ширина – 3,5 м, следовательно, площадь поперечного сечения рва незначительно превышает 12 м^2.

Первоначальная стеновая конструкция здесь имела двухсрубный характер, где внутренняя клеть, оставаясь пустотелой, служила в качестве резерва хозяйственных помещений, а внешняя, городня, была забутована грунтом из рва. Внутрисрубное пространство этой городни имело ширину (поперек вала) 3,5 м. Отсюда значение высоты забутованной городни определяется делением площади поперечного сечения рва (12 м^2) на ширину сруба и равняется 3,4 м. За вычетом технических потерь грунтового заполнения, неизбежно рассыпавшегося при перемещении его в срубы, высота этой стены в действительности могла быть не ниже 3 м над уровнем бермы (рис. 19).

С наружной стороны крепостной стены по ее верху (боевому ходу) обычно надстраивались дощатые или бревенчатые заборола. Они создавались как вертикальное продолжение внешней стороны сруба, но в летописях есть примеры и их консольного выноса немного вперед, что давало возможность вести вертикальную стрельбу вниз, через специальные "скваж-

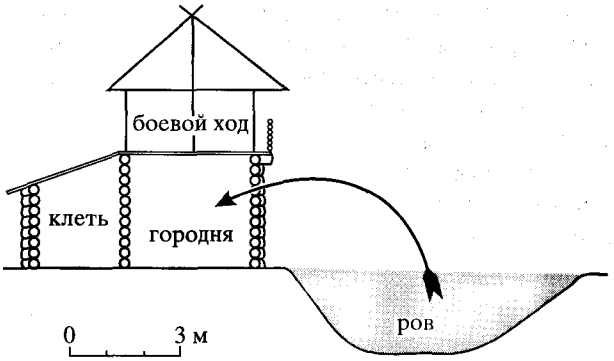


Рис. 19. Гипотетическая реконструкция звена защитной стены первого строительного периода

ни". Заборола имели различную высоту; более высокие снабжались бойницами, а самые низкие – их высота могла не превышать одного метра - служили укрытиями; спрятавшись за ними, можно было вести поверх такого парапета стрельбу из лука. Таким образом, с учетом наличия заборол общая вертикальная мощность защитных стен Сампсониева Острова, вероятно, достигала высоты не менее 4 м. Естественно, невозможно учесть значения множества иных технических факторов, поэтому все вышеприведенные вычисления носят приблизительный характер.

Чтобы повысить оборонительные качества защитных стен, в древности пользовались несколькими методами предохранения дерева от воздействия огня. В литературе встречаются сведения о специальном противопожарном обмазывании глиной внешних сторон стеновых срубов. В отдельных случаях следы такой обмазки имеют вид пластов толщиной до 20 см (*Рожко*, 1990, С. 190). Встречаемость подобных остатков оставляет впечатление, что такая методика чаще практиковался на юго-западе Руси, а на укреплениях Буковины остатки обмазки более свойственны для городищ VIII–X вв. (*Тимощук*, 1982. С. 42, 82, 101, 114, 128, 155, 163, 173). Эта строительная традиция была типична и для фортификации Московского государства (*Косточкин*, 1962. С. 202, 203), а также широко применялась при строительстве поздних литовских пограничных замков (*Клепатский*, 1912. С. 130).

Порой глиняной обмазке стен древнерусских городов в литературе придается всеобщий характер (*Логвин*, 1987. С. 163), но на практике такие представления массово не подтверждаются, поскольку в процессе раскопок оборонительных стен завалы обгоревшей глиняной обмазки прослеживаются нечасто. По нашим наблюдениям, на Сампсониевом Острове среди лицевой части развалов городищенских стен значительно чаще можно наблюдать скопления тонких белесых известковых прослоек, по внешнему виду несколько отличающихся от солевых разводов. Кроме того, грунтовой состав внешних склонов валов включал и компактные линзы, состоящие из множества из-

вестковых чешуек, толщиной достигавших половины сантиметра. Наиболее вероятно идентифицировать их как остатки побелки (известкования) стен, проводившейся для предохранения дерева от воздействия зажигательных стрел, а также от преждевременного ее гниения и порчи насекомыми. Это очень доступный и дешевый способ обработки древесины, единственный его недостаток – нестойкость покрытия: оно быстро смывается под воздействием атмосферных осадков. Может быть, именно поэтому исследователи до сих пор не останавливали внимания на следах известкования внешних поверхностей стен.

Раскопки напольного въезда

Въездное защитное устройство является комплексным сооружением, состоящим из проезда, встроенного в промежуток между защитными стенами, собственно воротного приспособления и моста, по которому колесный транспорт с наименьшими трудностями пересекал глубокий ров. Столь сложная инженерная конструкция была самой уязвимой точкой в оборонительной системе каждой крепости, поскольку одновременно удовлетворяла таким трудно сопоставимым условиям, как удобство ее использования в мирное время и неприступность в случае осады. Такая двойственность нагрузки этого элемента крепостной оборонительной системы требовала от его строителей не только большого фортификационного опыта или мастерства в использовании особенностей окружающей местности в интересах безопасности обитателей крепости, но и хорошего знания военной тактики, которая в разных регионах отличалась определенной спецификой. Очевидно, с этим и связано многообразие устройств различных въездных приспособлений (рис. 20).

В настоящее время следы городищенских въездов имеют вид заметно пониженных седловин, прерывающих общую линию земляных валов. Напротив седловин земляные рвы обычно снабжены ведущей к въезду узкой перемычкой. Для небольших укреплений округлой в плане формы, а Сампсониев Остров принадлежит именно к такому типу защитных сооружений, по современным внешним признакам наиболее типичными представляются одиночные воротные устройства фронтального вида. Это означает, что их основная въездная ось, проходящая через перемычку рва к воротам, была перпендикулярна генеральной линии укреплений в этой точке. Такие конструкции наиболее просты и экономичны для воплощения. Тем не менее, на округлых городищах, не связанных с рельефом окружающей местности, близ точки проезда нередко визуально прослеживается заметное расширение рва и увеличение мощности вала, что может отражать определенное стремление их создателей к усложнению предвъездного защитного комплекса.

В связи с недавним многолетним хозяйственным использованием территории изучаемого городища остатки оборонительной системы крепости

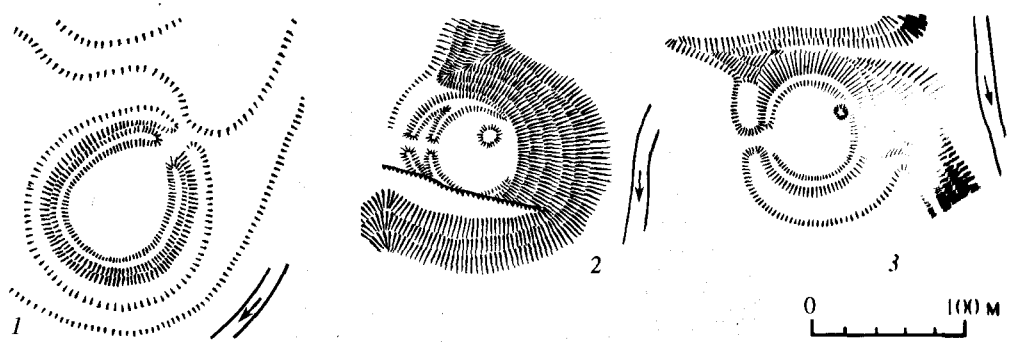


Рис. 20. Примеры фронтального размещения въездов на круглых городищах поречья Сулы
1 – Великий Самбор; *2* – Клещинцы; *3* – Чутовка

были сильно деформированы, а особенно ощутимой подрезке подверглось въездное устройство. Тем не менее, инструментальная съемка памятника и здесь показала несколько увеличенную ширину остатков вала при въезде, а существенное расширение рва хорошо распознавалось и невооруженным глазом. Это расширение пересекалось земляной перемычкой, имевшей ширину не более 2,0–2,5 м и заметно возвышавшейся над придонным уровнем рва. Существенно, что аналогичные грунтовые аномалии встречаются и на памятниках, которые никогда не подвергались более поздней переделке или хозяйственной эксплуатации. Это дает основание считать, что подобные перемычки являлись достаточно древними сооружениями, созданными в пору функционирования укреплений. Так в литературе сложилось представление, что подобные полоски земли в свое время служили простейшей составной частью въездного сооружения, соединявшей ворота с окружающей крепость территорией (*Pannonopт*, 1967. С. 153).

В нашем случае перемычка перпендикулярна (визуально это хорошо различимо) земляному валу, это свидетельствует, что укрепление вписывается в круг аналогичных сооружений подобного размера и способа размещения на местности. Определеное отличие заметно только в ориентации въездного устройства. По отношению к защищаемой крепостью территории ворота были устроены с тыловой стороны укрепления и были обращены к обширному открытому поселению.

Значительная поврежденность въездной части укреплений заставила провести исследование в несколько приемов: после завершения основного цикла работ приходилось неоднократно возвращаться к доследованию хуже сохранившихся элементов конструкции. Тем не менее, в итоге сущность и основные параметры этой конструкции удалось изучить достаточно подробно.

Для изучения конструкции древнего въезда поперек его современных рельефных следов был заложен компактный раскоп из шести обычных квадратов размерами 4 × 4 м (с двумя прирезками к северу и югу). Еще один

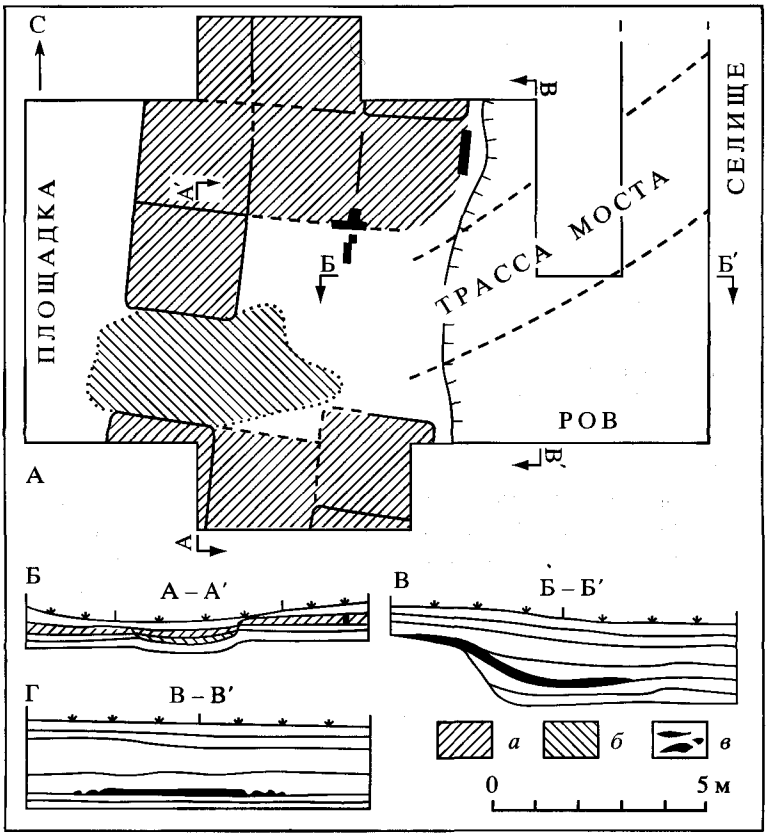


Рис. 21. Конструкция въездного сооружения

А – план раскопа; Б, В, Г – основные профилировочные разрезы. *а* – забутованные грунтом деревянные срубы; *б* – укатанный слой воротного проезда; *в* – углистые остатки срубов и моста, рухнувшего в ров

квадрат был выдвинут к востоку и наложился на северную половину перемычки (расширению раскопа к югу мешали деревья). Со временем от восточного квадрата на север была прирезана узкая цепочка полуквадратов (4 × 2 м) для продольного изучения особенностей придонного заполнения рва (рис. 21).

Выше было сказано, что крепостные стены Сампсониева Острова на всем их протяжении состояли из двух сопряженных линий дубовых срубов. Внешняя цепочка оборонительной системы состояла из венцов, забутованных песчанистым грунтом, это – хорошо известные "городни". Взаимосвязанная с ней внутренняя цепочка выстраивалась в ряд пустотелых клетей, на случай осады служивших резервом сооружений, используемых для бытовых и хозяйственных нужд. В процессе раскопок въезда предварительные визуальные наблюдения подтвердились: вблизи проезда конструкция оборони-

тельных стен действительно была более мощной. Ширина стены здесь достигала 7,5 м вместо обычных 6,0 м. Конструктивно она слагалась из трех взаимосвязанных линий равновеликих срубов размерами 2,5 × 2,5 м, забутованных утрамбованным грунтом.

Протяженность каждой стороны соответствует древнерусской великой (косой) сажени. Деревянные обводы срубов практически полностью истлели, но местами сохранили следы воздействия огня. Их забутовка сохранилась на высоту не более 0,15 м; только в южной части раскопа, в приреке, где въездная конструкция примыкает к лучше сохранившемуся участку вала, высота срубов местами прослеживается на высоту до 0,5 м.

В целом заполнение срубов близко к прослеженному в секторе I, но здесь среди грунтовых составляющих зафиксированы следы перемещенного в их бутовку интенсивного пожарища. Это может свидетельствовать о том, что роменское или предшествующее возведению крепости русское поселение (и, может, и оба), культурный слой которого счищался для забутовки срубов, погибло в огне. Вокруг срубов и в их заполнении также было найдено несколько обломков обожженной глиняной обмазки, но их количества недостаточно для того, чтобы счесть их следами противопожарных мероприятий.

Воротный проем прослеживается недостаточно подробно, но основные его планиметрические контуры фиксируются вполне однозначно. Он имеет вид коридора, образованного поперечным разрывом между всеми тремя линиями срубов. Любопытно, что строители намеренно сместили направление прохода. Он не перпендикулярен линии стен. Для этого ближайшие к воротному проему северные срубы наружного и среднего рядов были несколько уменьшены, а симметрия их расположения была нарушена таким образом, что образовавшийся между ними промежуток располагался по отношению к внутренней линии срубов диагонально, под углом 60°. Полученный таким образом въездной коридор имел не прямые, а несколько зигзагообразные стены, а его ширина колебалась в пределах 2,5–2,6 м, при длине (вдоль оси ЮЗ–СВ) 12,0–12,5 м.

Почти такая же ширина проезда (2,6 м) была зафиксирована на городище летописного Воиня (*Юра, Кучера*, 1986. С. 331), в Райках она равнялась 3,0 м (*Гончаров*, 1950. С. 25), а на небольшом буковинском укреплении Червона Диброва даже несколько превышала последнее значение (*Тимощук*, 1989. С. 16). В древнерусской фортификации широко использовались и въездные коридоры: в Заречье подобное устройство имело длину 15 м при ширине 2,4 м (*Рыбаков*, 1965. С. 127), Любеч был оборудован проездом длиной 6,0 м и шириной 3,5 м (*Рыбаков*, 1960. С. 31; 1964. С. 22), а в Судовой Вишне ширина тринадцатиметрового коридора колебалась от 2,6 до 4,0 м (*Ратич*, 1964. С. 124, 126). Как видно, размеры воротных проемов и въездных коридоров достаточно разнообразны, и их параметры, очевидно, не имели прямой зависимости от военной значимости крепостей.

Внутри воротного проема Сампсониева Острова были зафиксированы следы еще одного типичного признака атрибута въездных устройств рус-

ских древо-земляных крепостей. Поверх песчанистого предматерика на грунтовом основании проезда была расчищена оригинальная 5-сантиметровая прослойка из очень плотного, как будто специально утрамбованного, серого суглинка. Изогнутая полоса этой подсыпки занимала промежуток между внутренней и средней цепочками стеновых срубов. В плане ее контуры в общих чертах маркировали трассу воротного проема, а в разрезе эта линза была настолько сильно впрессована в поверхность предматерикового слоя, что даже под ним, в поверхности материка прослеживался хорошо заметный прогиб. Такая стратиграфическая картина могла сложиться вследствие намеренного укрепления внутриворотного дорожного полотна при помощи перемещенного сюда суглинистого массива. Вероятно, за время интенсивной эксплуатации проезда эта насыпь настолько плотно спрессовалась, что подвергла деформации и нижележащие слои.

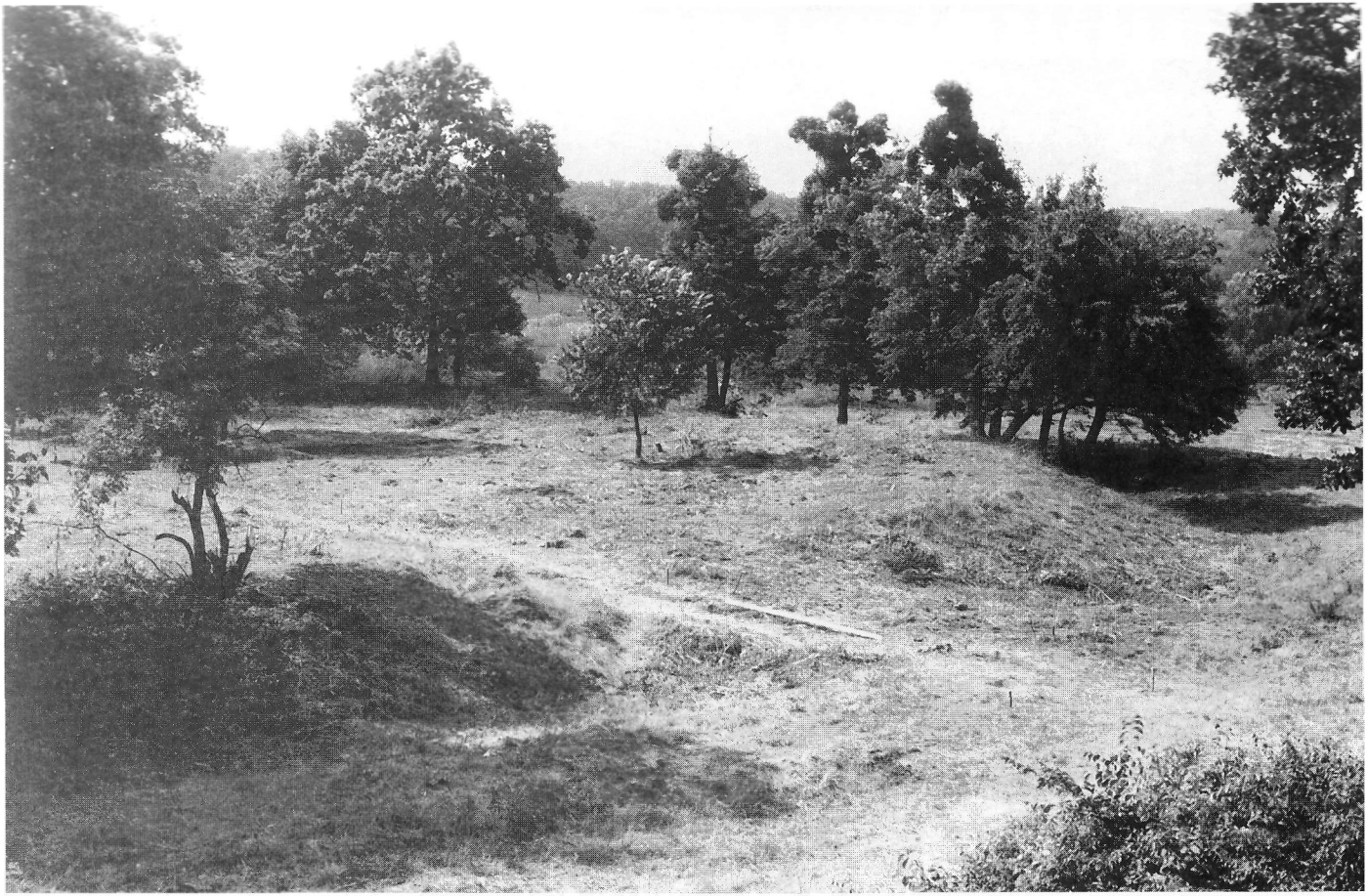
Улучшение качества дорожного покрытия, прилегающего к въездам, ранее фиксировалось как замощение деревом. В Воине такая трасса имела длину 8,0 м, ширину 2,6 м; она была выстлана положенными поперек дороги деревянными плахами, закрепленными на трех рядах продольных лаг. Ниже прослеживались следы еще более ранней мостовой, лежавшей поверх вымостки из костей животных (*Довженок и др.*, 1966. С. 36). По-видимому, устройство подобных мостовых было общерусским явлением, поскольку их следы были встречены в разных частях государства – в Киеве, Любече, Слободке, Ярополче Залесском, Минске, Владимире и на других памятниках (*Килиевич*, 1982. С. 51; *Сагайдак*, 1984. С. 111; *Рыбаков*, 1960. С. 31; *Никольская*, 1981. С. 180; *Седова*, 1978. С. 15; *Загорульский*, 1982. С. 167; *Воронин*, 1949. С. 207). Прослеженное нами уплотнение дорожного полотна на небольшой пограничной крепости при помощи суглинистой подушки, кажется, встречается впервые.

Заканчивая описание воротного устройства, необходимо отметить, что за неимением летописных примеров в литературе сложилось представление, что городские проходы снабжались воротными полотнищами по типу обычных хозяйственных, а разница между ними могла заключаться лишь в их большей прочности (*Раппопорт*, 1956. С. 133; 1961. С. 149, 152; *Кучера*, 1999. С. 86). В количественном плане также обычно считается, что у большинства укреплений были одни ворота. На таком общем фоне Б.А. Рыбакову посчастливилось установить наличие в Любече трех таких "заслонов" (1964. С. 22), а Б.А. Тимощук обнаружил на городище VIII–IX вв. Червона Дуброва следы двойных ворот (1989. С. 16).

Воротный пролет, как и вся оборонительная стена, очевидно, в свое время перекрывался для устройства здесь боевого хода с заборолами. В случае осады это позволяло реализовать тактическую выгоду, которую предоставлял узкий и длинный въездной коридор: пока нападавшие преодолевали его небольшими группами, они подвергались кинжальному обстрелу со стен.

За пределами защитных стен трасса проезда была зафиксирована как тонкая углистая прослойка-лента, которая западной стороной лежала

Внешний вид городища со стороны въезда (с восточной стороны)



Въезд на городище (вид с юго-восточной стороны)

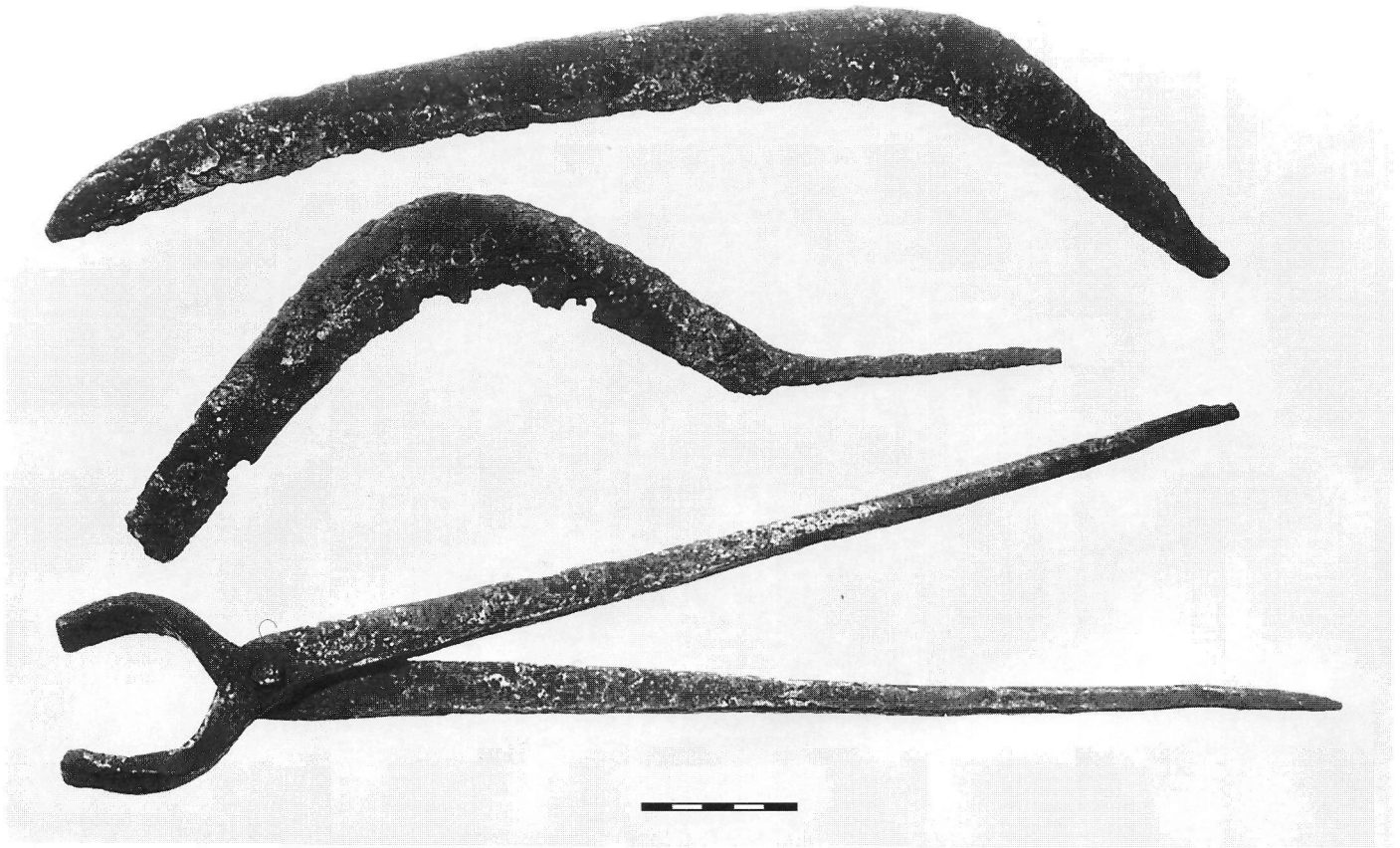
Въезд на городище (вид с северной стороны)

Профиль разреза южной части вала

Сенча. Котлован постройки С-8

Гончарная посуда

Гончарная посуда



Коса, серп, кузнечные клещи

поверх внутреннего края рва, а ее восточное продолжение спускалось в его котлован, где размещалось несколько выше заполнения его придонной части. Эта лента имела толщину от 9 до 15 см, ширина ее более или менее монолитной части составляла около 3,0 м, а по обеим сторонам она оконтуривалась каймой из рассыпавшихся угольков.

В плане ось этой ленты сначала продолжала намеченную в воротах диагональную линию проезда, а над рвом дополнительно загибалась таким образом, что ее угол по отношению к лицевой стороне стен уменьшился до 40–45°. Несомненно, углистая лента является следом сгоревшего мостового перекрытия, горение которого началось со стороны ворот и поэтому оно завалилось с небольшим сдвигом в сторону крепости.

В целом виде эта въездная конструкция относится к первому строительному периоду создания оборонительных сооружений – середине XII в. От более поздних конструкций хорошо различимых следов не сохранилось.

Подъездные крепостные мосты известны по письменным источникам. Как и в нашем случае, по тактическим соображениям их строили очень узкими, что неоднократно приводило к катастрофам. В Повесть временных лет под 977 г. было помещено такое описание последствий осады Вручия: "бяше черес гроблю мост ко вратом градным; теснячеся друг друга пихаху в гроблю, и спехнуша Ольга с мосту в дебрь" (ПСРЛ. Т. 1. С. 74). В своем трагизме не менее живописна и картина осады татарами польского города Судомира: "людье же видивше татары в городе, оустремишася побегноути до детиньца, и не можахоу оуместитись во ворота, зане мост бяше оузок воротом, и подавишася сами. А дроузии падахоу с мостка в ров, акы сноповье; рови же бяхоу видением, глоубоце вельми и исполнишася мертвыми и бысть лзе ходити по троупью, акы по мосту" (под 1261 г.; см.: ПСРЛ. Т. 2. С. 853).

По археологическим данным въездные мостовые полотнища опирались на вкопанные в ров столбы: такая конструкция изучена на многих памятниках, в частности на Райковецком городище и Судовой Вишне (*Гончаров*, 1950. С. 25; *Ратич*, 1964. С. 126). На Сампсониевом Острове опорные столбы не были обнаружены, поскольку площадь рва была вскрыта не полностью, да и сохранность древесных остатков в песке очень плохая.

На практике изученный въездной комплекс оказался диагональным. Такой строй издревле практиковался в фортификации многих народов, поскольку он наилучшим образом соответствовал решению основной оборонительной задачи. Как писал еще римский военный теоретик Витрувий, при устройстве въездов "надо изловчиться так, чтобы дорога к воротам шла не прямо к ним, а с левой стороны, ибо раз это будет достигнуто, тогда правый бок у наступающих, т.е. именно который не будет прикрыт щитом, окажется в непосредственной близости к стене" (*Витрувий*, 1936. С. 35). В соответствии с такими представлениями, на русских мысовых укреплениях XI–XIII вв. хорошо заметные проемы в валах зачастую прослеживаются именно на тех краях оборонительной системы, которые отвечали наилучшим оборонительным требованиям.

В процессе проведенных исследований удалось установить причину сложения современной картины, в результате которой въездной комплекс приобрел черты фронтального строя. Оказалось, что сгоревшие остатки моста сначала были перекрыты сильно потревоженной прослойкой, состоящей из остатков упавших сюда защитных конструкций и илистых донных отложений, прослеженных во всех отрезках рва и относящихся к эпохе климатической регрессии, "малому ледниковому периоду". Еще выше в разрезах размещалась мощная, толщиной до 0,8 м, навозная засыпка, следов которой не было на других участках рва. Зато состав этой засыпки аналогичен самым верхним напластованиям площадки городища, сложившимся за время его использования в качестве коровника. Таким образом, этот мощный пласт гумуса образовался во рву вследствие периодического выгребания органических отбросов за пределы памятника при помощи тракторной техники. Очевидно, такая форма хозяйственной эксплуатации археологического памятника со временем и исказила древний рельеф остатков въездного комплекса.

Последние наблюдения показывают, что визуальная идентификация въездов фронтального вида на местности не всегда соответствует истинной картине древней фортификации, поэтому делать выводы в данном случае необходимо с особой осторожностью.

Археологические объекты периода существования крепости

Сначала предполагалось раздельно описать результаты исследований на городище и селище: такое построение работы для автора обычно выглядит наиболее простым и удобным. Определенной данью этой идее является содержание предыдущих разделов, посвященных оборонительным конструкциям городища. С другой стороны, такой подход сулит неизбежные повторы хронологической интерпретации близких по характеру объектов. Кроме того, перед читателем возникают вполне понятные трудности при ознакомлении с такой работой, поскольку нарушается принцип синхронизации однотипных сооружений, размещенных в разных концах памятника.

Поэтому при описании защитных сооружениях пришлось намеренно отказаться от подробной хронологизации строительных этапов: ниже эта сторона исследования будет рассматриваться на основании привлечения всех найденных материалов. Думается, что при таком подходе сложится более цельная картина развития жизни во всех частях пограничного поселения.

Начало сложения пограничного поселения

Имеется ряд объективных трудностей, которые усложняют достоверное выделение круга древностей, синхронных времени возведения крепостных оборонительных сооружений. В первую очередь это особенно ощутимый недостаток узко датирующихся индивидуальных находок, принадлежащих первоначальному этапу сложения поселенческого комплекса на этом краю оседлой ойкумены. Может быть, именно этим обстоятельством объясняется та незначительная роль, которая прежде отводилась полевым исследованиям небогатых пограничных укреплений.

В отличие от хронологических особенностей материала предшествующего времени, для датировки древностей середины XII в. не всегда в полном объеме применимы и остатки древней гончарной посуды, которыми зачастую ограничивается исследовательский багаж. И все же исследования пос-

ледних лет, в результате которых были намечены основные закономерности видоизменения керамических форм, позволяют хотя бы в общих чертах обозначить пределы внутреннего хронологического членения древней посуды.

Дело в том, что в первой половине этого столетия прервалась широко распространенная традиция одномодельной формовки венчиков круговых сосудов, в той или иной степени характеризовавшаяся сохранением реликтовых элементов манжетовидных утолщений по внешнему краю венчиков. С середины XII в. в практике гончарного дела более важную роль стало играть сочетание целого ряда новых типообразующих тенденций. Причины этого явления изучены недостаточно, но не исключено, что среди них не последнюю роль сыграли феодальные войны этого времени, приводившие к перемещению значительных групп населения разных регионов Руси.

Среди новых типообразующих тенденций общим датировочным признаком стало сочетание нескольких элементов оформления верха сосудов: наиболее продуктивное развитие получили формы, отклоненные к середине керамической емкости, наметилось сложение его подквадратного абриса, появилось заметное утолщение шеек сосудов. В таком сочетании основных элементов керамический комплекс существовал приблизительно до конца XII в. – рубежа XII–XIII вв. (*Моргунов*, 1996. С. 23–26).

На этом фоне к середине столетия (т.е. к началу сложения нового комплекса признаков) могут относиться варианты венчиков с "пограничными" признаками их оформления, а именно такие в небольшом количестве были найдены в составе заполнения пустотелых стеновых клетей первого строительного периода. Новые черты формовки этих венчиков едва намечены, но старые исчезли почти полностью. Эти керамические формы отразили состав культурного слоя, отложившегося за время эксплуатации хозяйственных помещений. Но такого материала очень мало. Мы располагаем всего несколькими определимыми венчиками из пяти клетей, в двух из них найдены жернова. Это может говорить как о неполной используемости хозяйственных помещений, так и о кратковременности их эксплуатации. Других следов заселенности площадки городища этого времени нет.

На прилегающей к укреплению части селища имеются остатки единственного жилища С-3, которое, судя по найденному в его котловане материалу, существовало одновременно с первоначальными оборонительными стенами. Керамический комплекс заполнения котлована постройки поражает своей эклектичностью: здесь в различных пропорциях содержались типологические образцы керамики разных периодов существования поселения. В основном столь перемешанная керамика относилась к верхней трети заполнения: она могла попасть в котлован с затеками окружающего культурного слоя уже после гибели жилого сооружения. В данном случае оказалось невозможным убедиться в целостности и нижней половины заполнения, поэтому ее нельзя признать закрытым комплексом.

И все же среди остатков жилища содержался закрытый комплекс материалов. Он представлен значительными фрагментами сосудов, которые бы-

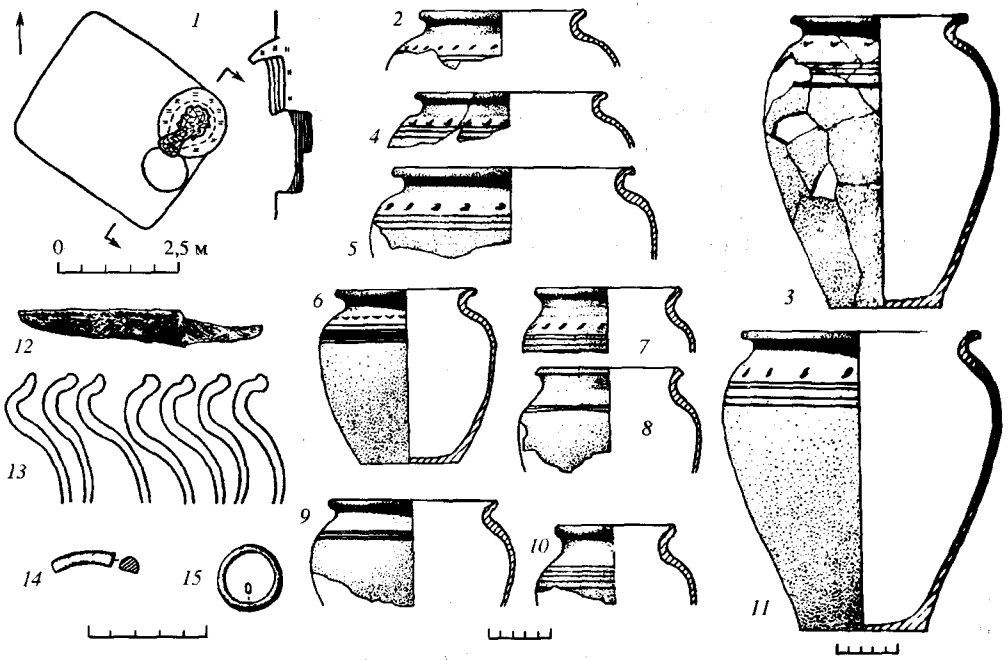


Рис. 22. Постройка С-3

1 – план; *2–6* – керамика из подов печи; *7–11*, *13* – керамика из заполнения котлована; *12* – железный нож; *14* – обломок стеклянного браслета; *15* – медное кольцо

ли вмазаны в три синхронных пода печи (рис. 22, *2–6*). Из этих обломков удалось восстановить два археологически целых сосуда. Они имели наибольшее сходство с материалами, отложившимися на полу первоначальных стеновых клетей городища, а также обладали и "пограничными" типологическими признаками гончарного производства середины XII в. Керамика из закрытого "печного" комплекса очень близок и развал еще одного круглодонного сосуда, рассыпавшийся по полу котлована (рис. 22, *11*).

Постройка С-3 (рис. 22) имела котлован прямоугольной в плане формы, ориентированный углами по сторонам света. Его размеры 3,7 (СЗ–ЮВ) × × 3,2 м (площадь 11,2 м²), глубина от уровня предматерика 0,5 м. Остатки полусферической глинобитной печи, врезанной в угол котлована, устьем были обращены к юго-западу. Ее овальный в плане под диаметром около 1,2 м содержал три подмазки общей толщиной 0,24 м. Очевидно, эти подмазки не являются следами разновременных ремонтов отопительного устройства, поскольку в их поверхность для прочности были вдавлены обломки одних и тех же сосудов. Наружный уровень пода горизонтальный, с небольшим наклоном к югу; устье печи несколько выступало за ее пределы. Непосредственно перед устьем и вплотную к юго-восточной стенке постройки размещалась безынвентарная предпечная яма диаметром около 1,0 м и глубиной 0,2 м.

Нижняя часть котлована отличалась черноземовидно-суглинистым заполнением с примесью угольков и значительным количеством фрагментов керамики. Сбоку от печи на полу постройки был расчищен развал гончарного сосуда. Верхняя часть заполнения по грунтовому составу сходна с окружающим жилище культурным слоем.

На северо-западном краю котлована найден невыразительный обломок железного сошника, а на дне заполнения – фрагменты жернова и оселка, два железных ножа, медное кольцо овального сечения и фрагмент плоско-выпуклого стеклянного браслета оливкового цвета. Стеклянные браслеты появились в Новгороде в первой половине XII в. (*Колчин*, 1958. С. 109; *Полуэктова*, 1963. С. 170), в Киеве их изготавливали начиная со второй четверти XII в. (*Щапова*, 1997. С. 87). Как видно из сказанного, достаточного количества индивидуальных находок, которые могли бы подтвердить датировку найденной здесь керамики, среди остатков постройки не найдено, хотя имеющиеся и не противоречат этой датировке.

Итак первоначально площадка пограничной крепости не была заселена. Более того, из всех построенных вместе со стенами хозяйственных клетей использовались только пять, и то не интенсивно. Это может свидетельствовать как о непродолжительности существования ранних укреплений, так и об относительно мирном течении жизни, когда местное население не испытывало внешнего военного давления и поэтому не нуждалось в активном использовании имеющейся защитной фортификации. Для этого периода не фиксируются и следы интенсивной заселенности открытого поселения в ближайших окрестностях крепости. Вероятно, это можно объяснить тем обстоятельством, что избыточное количество ближайших к новостройке жилых построек могло мешать строительству. Может быть, именно поэтому вблизи крепости нет и следов временного жилья, необходимого для обустройства значительных контингентов землекопов и плотников, необходимых для быстрого возведения укреплений.

Сампсониев Остров второй половины XII в. – рубежа XII–XIII вв.

Во второй половине XII в. на смену былому единообразию в профилировке венчиков гончарных сосудов пришло сразу нескольких линий, а также их взаимосочетание в моделировании верхних частей сосудов.

Из них наиболее продуктивными оказались два основных пути в формовке сосудов. В соответствии с одним из них переход от плечика сосуда к его шейке становился более плавным, а укороченный венчик начал подниматься кверху, и весь завершающий контур сосуда получил заметный наклон к его середине (рис. 23, *1–3, 5*). Следуя другому направлению, гончары несколько спрямляли шейки, приближая их к цилиндрическому абрису.

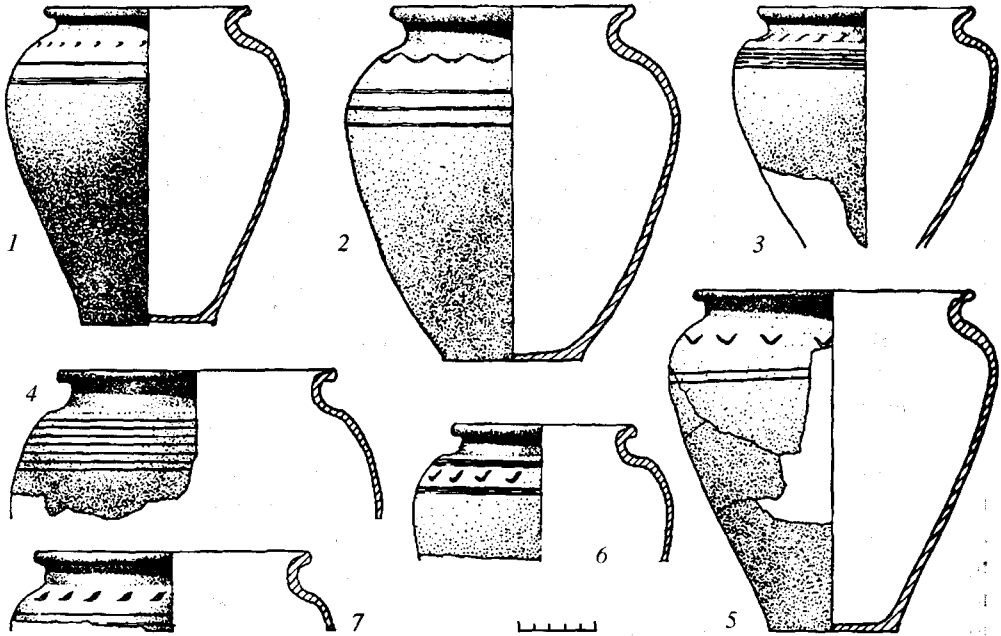


Рис. 23. Керамика второй половины XII в.

1 – С-12 (развал 2); *2* – С-6 (под печи); *3* – С-6 (низ заполнения); *4* – С-19 (под печи); *5* – С-6 (низ заполнения); *6* – С-11 (под печи); *7* – С-19 (под печи)

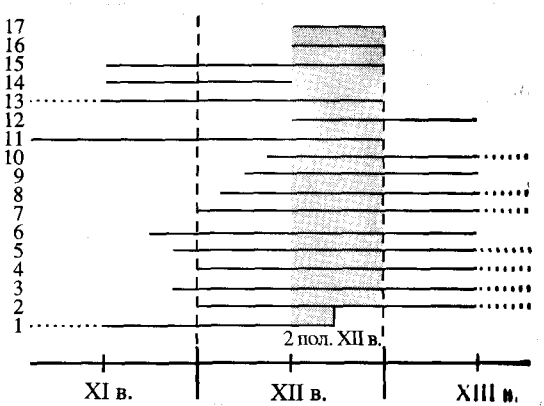


Рис. 24. Взаимовстречаемость индивидуальных находок, происходящих из 13 построек городища и селища. (Заштрихован диапазон взаимовстречаемости находок)

1 – кистень, Г-20; *2* – удила, С-23; *3* – наконечник стрелы, Г-20; *4* – стремя, С-19; *5* – перстень, С-6; *6* – наконечник стрелы, С-6; *7* – наконечник стрелы, С-6; *8* – ключ, С-6; 9 – обломок стеклянного браслета, С-3; *10* – ключ, С-7; *11* – крестик, С-6; *12* – наконечник стрелы, С-7; *13* – костяной гребень, С-6; *14*, *15* – два наконечника стрел, С-6; *16*, *17* – два шиферных пряслица, С-6.

В результате сечение плечиков приобретало форму почти прямоугольного перелома. Схожие изменения происходили и в формовке венчиков: они постепенно опускались до горизонтальной оси и как бы нависали над вертикальной шейкой. Таким образом, постепенно складывалось подквадратное сечение всей верхней части сосуда (рис. 23, *4*, *6*, *7*). Естественно, что возникали как варианты обеих тенденций, так и их сочетания.

К концу столетия постепенно стали появляться и иные, поначалу малозаметные моделировочные новации, которые к рубежу XII–XIII вв. получили широкое распространение. В итоге это привело к заметным типологическим изменения в формовке керамики (*Моргунов*, 1996. С. 23–26).

На основании этих наблюдений над развитием доминирующих типообразующих тенденций в домонгольском гончарном деле из общего числа изученных построек выделено 13 жилых и хозяйственных сооружений (С-6, С-6А, С-7, С-11, С-12, Г-14, С-17, С-18, С-19, Г-20, Г-21, С-22, С-23). Эти постройки могут служить отражением уровня заселенности поселения во второй половине XII в. – на рубеже XII–XIII вв.

Кроме керамики котлованы построек также содержали значительное количество разнообразных индивидуальных находок, подавляющее большинство которых, к сожалению, имеет слишком широкие датировки. Тем не менее, диаграмма взаимовстречаемости небольшой части более узко датированных артефактов указывает на реальную возможность их сосуществования только на протяжении узкого временного промежутка второй половины XII в. (рис. 24). Во избежание повтора подробнее о датировках этих предметов речь пойдет при описании сооружений (их сопоставить позволят подробные подписи к рисункам). Сейчас же наибольший интерес представляет тот факт, что диаграмма подтверждает наши датировки керамики и справедливость выделения указанной хронологической группы построек.

Заселенность крепостной площадки

Рассмотрение жилых и хозяйственных построек этого периода удобнее начинать с заселенности площадки городища. Ее культурный слой не отличается особой насыщенностью. Для большей наглядности на план всех изученных котлованов пришлось наложить и сведения о встречаемости в культурном слое датирующих обломков керамики (рис. 25). Оказалось, что керамика этого времени встречена далеко не на каждом раскопанном квадрате. Она распределилась в виде замкнутых зон наибольшей концентрации, окружавших компактные группы жилых построек и хозяйственных ям. Затем подобному картографированию подверглись и более насыщенные скопления найденной вне сооружений керамики. Такие скопления также почти полностью вошли в состав замкнутых зон, очевидно, это были жилые зоны, где происходила основная жизнедеятельность обитателей укрепления.

Одна из таких локальных жилых зон размещалась в северной части площадки, в секторе 2, непосредственно около оборонительного вала: здесь вокруг постройки Г-14 концентрировался внекомплексный материал, а также было расчищено 6 хозяйственных ям.

Постройка Г-14 (рис. 26) в плане представляла собой прямоугольник, ориентированный углами по сторонам света, его размеры 4,4 (ЮЗ–СВ) ×

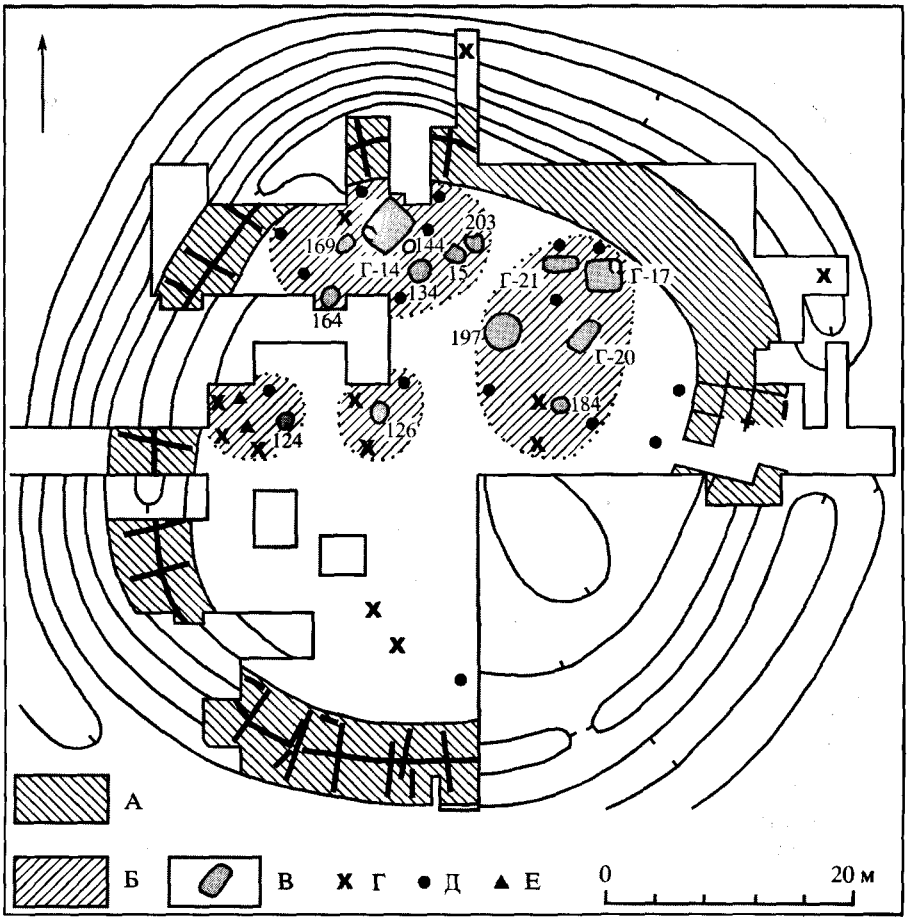


Рис. 25. Сооружения и жилые зоны на площадке городища

А – остатки оборонительных стен; Б – очертания жилых зон; В – котлованы сооружений, ям; Г – индивидуальные находки; Д – местонахождению трех гончарных венчиков на квадрат; Е – местонахождение пяти гончарных венчиков на квадрат

× 3,5 м (площадь 14,9 м²), глубина 0,2 м. Стенки котлована отвесные, дно горизонтальное, ровное. В западный угол котлована была врезана полусферическая глинобитная печь, устьем обращенная к юго-востоку. Она имела овальную в плане форму; ее наружные размеры 1,8 × 1,45 м. Под имел размеры 1,3 × 1,0 м и состоял из двух слоев. Свод и устье печи сохранились плохо. На дне постройки, между устьем печи и противолежащей стенкой котлована, размещалась округлая в плане ямка диаметром чуть более полуметра и такой же глубины. В заполнении постройки были найдены обломки жерновов, гвоздь, железная подковка и небольшое количество венчиков гончарных сосудов.

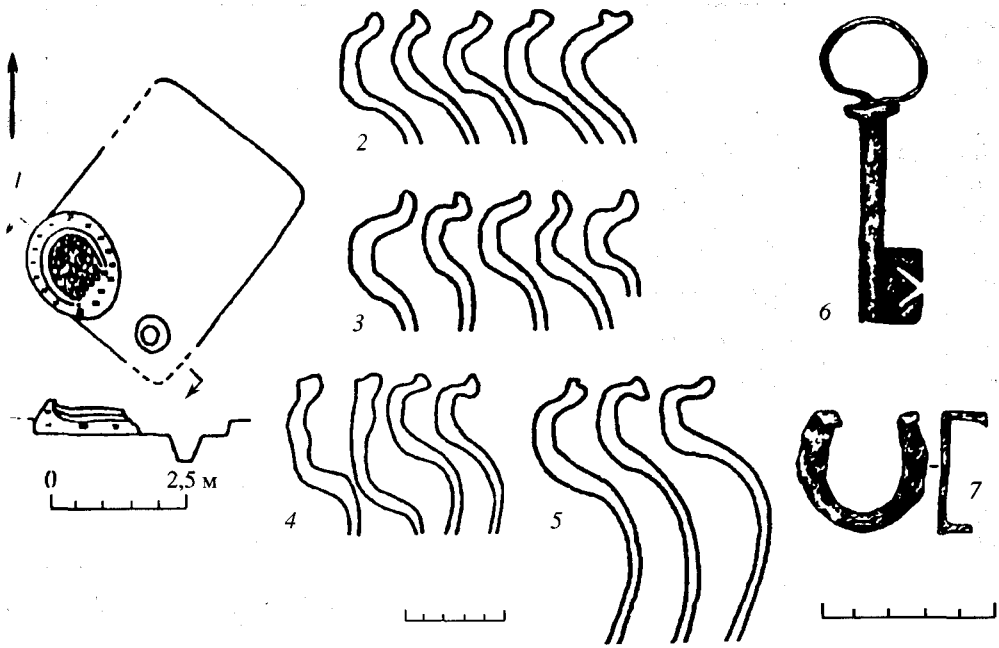


Рис. 26. Постройка Г-14 и материалы ее жилой зоны

1 – план жилища; *2, 7* – керамика и железная подковка из заполнения жилища; *3* – керамика из ямы 134; *4–6* – керамика и железный ключ из жилой зоны

В ближайшем соседстве с постройкой расчищено 6 хозяйственных ям округлых и округло-подтреугольных очертаний, в основном прямоугольного поперечного сечения (табл. 3). Материала из них получено мало; только в яме 134 было найдено несколько большее количество гончарной керамики и невыразительный обломок лезвия железного серпа.

Внутри данной зоны в свое время Е.А. Горюновым в шурфе 5 были найдены железные долото и нож (*Горюнов*. Отчет 1972 г. С. 21; *Пескова*, 1978. С. 91). В этом же ареале, рядом с постройкой Г-14, нами был обна-

Таблица 3

Хозяйственные ямы близ постройки Г-14

№	Размеры, м	Глубина, м	Форма в плане	Поперечное сечение
15	2,1 × 1,8	0,45	Подтреугольная	Прямоугольное
134	D = 2,25	0,25	Округлая	"
144	D = 0,6	0,24	"	"
164	D = 1,5	0,35	"	Трапециевидное
169	1,4 × 0,9	0,75	Подтреугольная	Со ступенькой
203	2,6 × 1,8	0,3	"	Прямоугольное

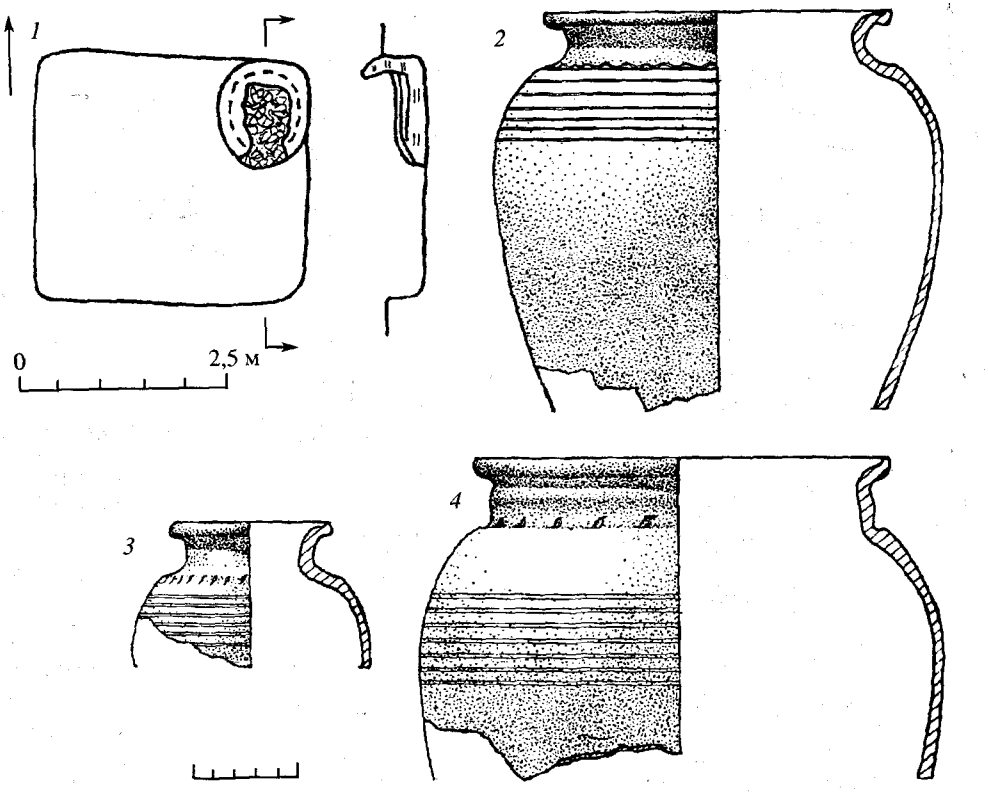


Рис. 27. Постройка Г-17
1 – план; *2–4* – керамика из пода печи

ружен втульчатый железный ключ с фигурной бородкой и сохранившимися следами омеднения (рис. 26, *б*). Подобные ключи конструктивно соответствовали комбинированным замкам с деревянным засовом и металлическим механизмом (вариант 1), которые, судя по новгородским материалам, применялись с конца X до середины XIII в. (*Колчин*, 1982, С. 161).

Другая, северо-восточная жилая зона прослеживается в секторе 3, где сооружения и находки сконцентрированы вокруг жилой постройки 17.

Постройка Г-17 (рис. 27) представлена почти квадратным котлованом, ориентированным по сторонам света. Его размеры 3,2 × 2,9 м (площадь 9,2 м^2), глубина 0,5 м; стенки отвесные, дно ровное, горизонтальное.

Остатки глинобитной полусферической печи были врезаны в северо-восточный угол котлована и устьем обращены к югу. Внешние размеры овального в плане отопительного сооружения 1,25 × 1,1 м, двухслойный под имеет размеры 1,0 × 0,75 м. Печь сооружена на специально вылепленной

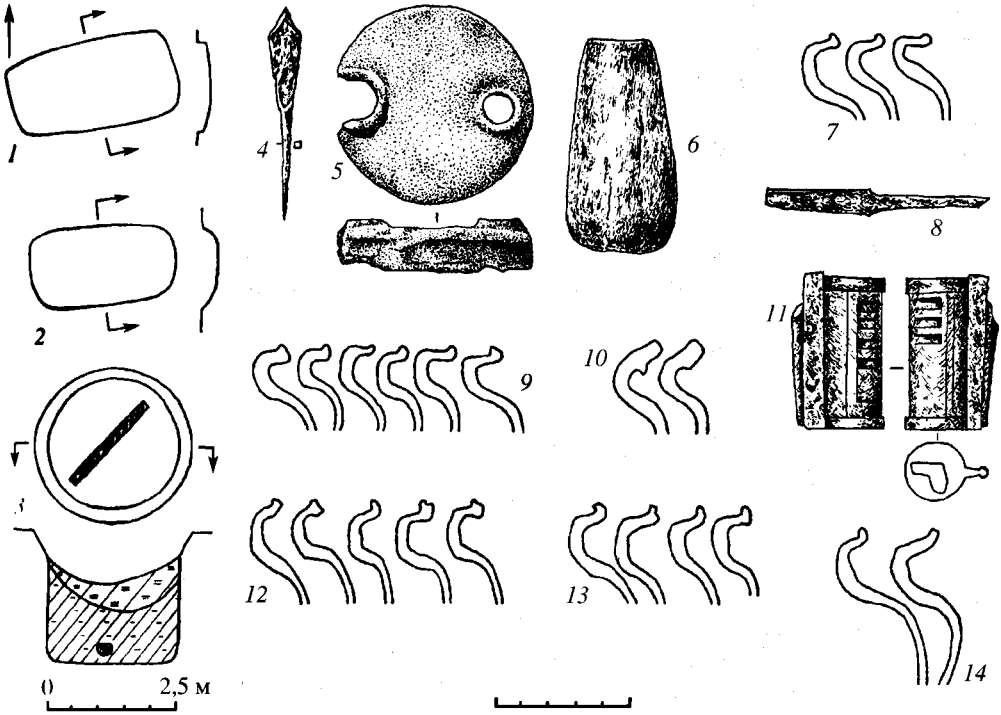


Рис. 28. Сооружения и материалы северо-восточной жилой зоны площадки городища
Планы сооружений: *1* – постройка Г-20; *2* – постройка Г-21; *3* – яма 197. Находки: *4–7* – из постройки Г-20; *9* – из постройки Г-21; *8*, *10–12* – из ямы 197; *13*, *14* – керамика из культурного слоя зоны

суглинистой подушке толщиной 0,2 м; своды сохранились на высоту 0,3 м. В верхний пласт пода были вмазаны измельченные фрагменты трех типологически сходных гончарных сосудов, немного очень близкой по времени керамики встречено и в заполнении постройки.

Постройка Г-20, хозяйственная (рис. 28), расположена в 2,5 м к югу от постройки Г-17. Ее котлован имел подпрямоугольную в плане форму со скругленными углами, он ориентирован по сторонам света с сезонным отклонением. Его размеры 3,2 (З–В) × 2,7 м (площадь 4,9 м²), глубина 0,5 м. Стенки с небольшим наклоном опускались ко дну, имевшему плавный и равномерный прогиб к середине.

В заполнении постройки, кроме костей животных, нескольких фрагментов глиняной обмазки и керамики, встречена неорнаментированная керамическая крышка от гончарного сосуда оригинальной формы, с двумя сформованными по сырой глине отверстиями по ее верху. Здесь же найдены железная игла и обломок дужки от ведра, а также ромбический без упора наконечник стрелы типа 47. Подобные предметы вооружения в Поднепровье бытовали с конца XI по XIV в. (*Медведев*, 1966. С. 68). Интересна недосверленная до

конца роговая заготовка кистеня яйцевидной формы (тип 1), аналогичные изделия известны в широком хронологическом диапазоне с конца X по вторую половину XII в. (*Кирпичников*, 1966а. С. 59; *Артемьев*, 1990. С. 6, 7).

Постройка Г-21, хозяйственная (рис. 28), почти вплотную прилегала с запада к постройке Г-17. Ее котлован ориентирован по сторонам света, имеет в плане подпрямоугольную форму с сильно скругленными углами, размеры 2,8 (З–В) × 1,5 м (площадь 3,6 м²). Глубина котлована от уровня материка 0,4 м, его стенки полого опускались к ровному и горизонтальному дну. В заполнении постройки встречены кости животных и небольшое количество гончарной керамики.

В этой же зоне размещалась и **яма 197** (рис. 28), вероятно являвшаяся остатками колодца. Сооружение имеет вертикальный цилиндрический ствол диаметром 2,5 м и глубиной 2,5, а его верхняя часть представлена конусообразным оплывом. Несколько выше горизонтального дна колодца в черноземовидном сильно насыщенном глинистыми фракциями заполнении, очень влажном от близких грунтовых вод, лежало обугленное бревно диаметром 0,3 м и длиной 2,0 м; здесь же найдено два фрагмента ранних манжетовидных венчиков.

Ближе к верху нижнее заполнение ямы перекрыто линзой, включавшей крупные обломки глиняной обмазки и фрагменты более поздней гончарной керамики. Профиль линзы как бы продолжает очертания плавной дуги конусообразного оплыва ямы, очевидно, следы разрушения колодца. Самый верх заполнения ямы аналогичен окружающему ее культурному слою, здесь найдена амфорная ручка, обломок жернова, железный нож с характерной "ступенькой" и фрагментированное тулово цилиндрического железного замка со следами омеднения всей поверхности. По новгородской шкале он относится к типу В, применявшемуся со второй половины XII по XIV в. (*Колчин*, 1982. С. 160).

В южной половине этой жилой зоны в округлой **яме 184** был найден железный нож, а на ее краю – миниатюрный гончарный сосуд (рис. 29, *1, 2*); недалеко от сосуда был встречен обломок жернова. Вся керамика, найденная в культурном слое этой части площадки, как и в первом случае, концентрируется внутри жилой зоны.

Керамические комплексы двух жилых городищенских зон в общих чертах единообразны и укладываются в интервал второй половины XII в. Тем не менее, насколько можно доверять результатам во многом интуитивного изучения керамики этого времени, среди этих двух внутренне единых групп можно заметить и существенные различия. Так, среди гончарных форм северо-восточной зоны появились резкие переломы на пограничье плечиков и горлышек, а также заметное нависание венчиков над шейками сосудов. Нередки случаи горизонтальной деформации наружных поверхностей горловин сосудов. Подобные типологические особенности пока встречаются как исключения, характеризующими они станут для более позднего периода (*Моргунов*, 1996. С. 26).

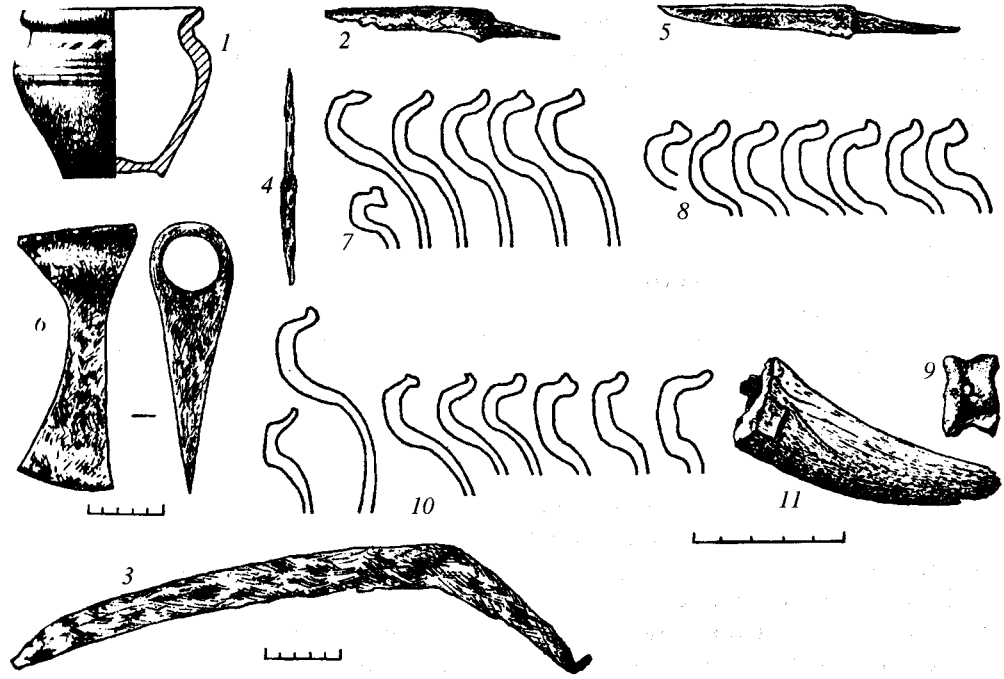


Рис. 29. Находки с площадки городища

1, 2 – сосуд и железный нож, относящиеся к яме 184; *3–5, 7, 8* – коса, шило, нож и керамика из ямы 124; *6* – железный топор из заполнения рва (сектор 3); *10* – керамика из южной части восточной жилой зоны; *9, 11* – обработанный рог и сверленый астрагал из южной части городища

Таким образом, имеются основания счесть обе жилые зоны несинхронными и более молодую северо-восточную можно с известными оговорками соотнести с древностями второй половины рассматриваемого периода, т.е. ее датировка – конец XII в. – рубеж XII–XIII вв. Не исключено, что она синхронна третьему строительному периоду оборонительных стен.

Кроме двух обширных жилых зон, на площадке городища встречено два меньших скопления материалов. Одно из таких скоплений территориально связано с небольшой округлой **ямой 124**, размещенной в западной части площадки. В одном из прилегающих к этой яме западном квадрате концентрация обломков венчиков достигает 12 единиц; несколько меньшая, но также аномальная цифра фиксируется и к северу от ямы. Из индивидуальных находок вблизи ямы обнаружены железный нож и шило, а в самой яме – коса-горбуша длиной 38 см (рис. 29, *3–5*). Судя по размерам, характеру изгиба клинка и наличию уступа при переходе к черешку, это – типично южно-русское орудие (*Левашова*, 1956. С. 90, 91; *Чернецов и др.* 1985. С. 225). Керамические остатки по типологическим признакам занимают промежуточное место в общем ряду комплексов северо-западной и восточной жилых зон

(рис. 29, *7, 8*). Скорее всего, перед нами следы небольшой, не зафиксированной в процессе раскопок наземной постройки.

В центре площадки вокруг округлой **ямы 126** также прослеживается небольшое скопление древнерусских материалов. Здесь найдено обломанное роговое острие с просверлиной, фрагмент жернова и немного круговой керамики.

За пределами ареалов двух жилых зон и двух скоплений в культурном слое площадки древнерусские материалы встречены как исключение. На площади обширного юго-западного сектора 1 найдены были лишь опиленный олений рог и сверленый астрагал мелкого рогатого скота (рис. 29, *9, 11*), а во рву – уже упоминавшиеся выше керамическое пряслице и железный рабочий топор (рис. 29, *6*).

Застройка открытого поселения

На изученной части открытого поселения к рассматриваемому периоду относились остатки девяти построек (рис. 30).

Постройка С-6 (рис. 31) имела двухчастную структуру, сочетавшую основной и сопутствующий котлованы. В целом жилой комплекс имел подквадратные в плане очертания и был ориентирован по сторонам света с сезонными отклонениями.

Основной котлован имел размеры 4,7 (С–Ю) × 4,2 м (площадь 19,9 м²), глубину – 0,5 м; его стенки вертикальные, дно горизонтальное и ровное. В котловане находились остатки двух полусферических печей. Большее по размерам, овальное отопительное устройство размещалось в юго-западном углу постройки, оно соприкасалось со стенками котлована, а устье было обращено к востоку. Внешние размеры печи 1,6 × 1,3 м, она была вылеплена непосредственно на песчанистом полу, своды сохранились плохо. Длина пода печи 1,2 м, общая толщина его трех слоев равна 0,26 м. В самый нижний и наиболее прочный под были вмазаны обломки сосуда второй половины XII в.

Вблизи середины северной стены котлована располагалась другая печь, круглая, ее внешний диаметр не превышал 0,9 м. Единственный под в поперечнике равнялся только 0,7 м, устье было обращено к югу. Эта конструкция была сделана крайне небрежно и плохо обожжена, поэтому и сохранность ее плохая.

Вдоль всей южной стены котлована, в придонной канавке глубиной 0,35 м содержались остатки обугленного бревна диаметром 0,3 м, упиравшегося в угловые столбовые ямки аналогичного диаметра и глубиной 0,6 м от уровня дна постройки. Еще одна угловая опора прослежена в северном углу сооружения. У восточной стены котлована размещалась единственная ямка, оставшаяся от боковых опорных столбов; ее диаметр 0,4 м, глубина 0,5 м.

Углубления от серединных опор, поддерживавших перекрытие, при аналогичной глубине не имели в диаметре более 0,3 м. Они размещались вдоль

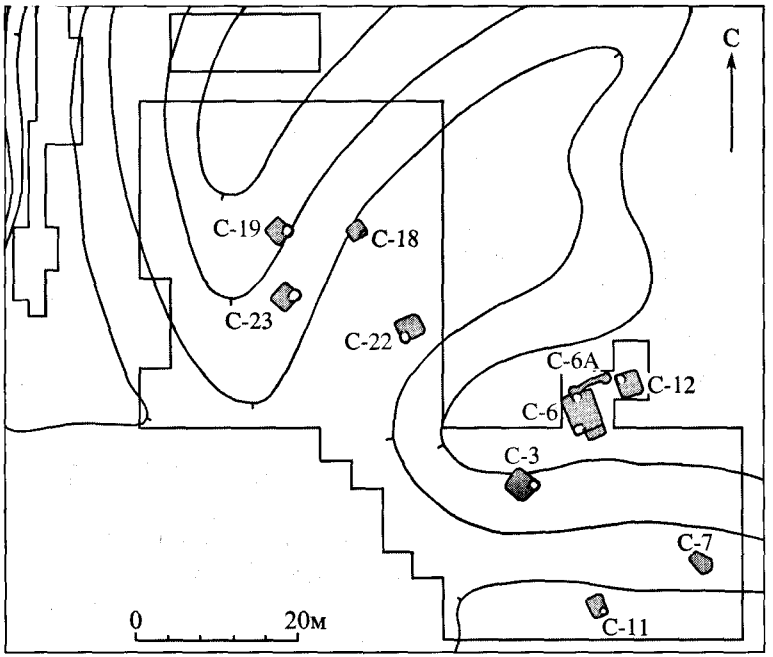


Рис. 30. Постройки изученной части открытого поселения

продольной оси постройки двумя линиями, условно делившими площадь сооружения на три равновеликие полосы, чтобы вес перекрытия распределялся между устоями равномерно. Западная линия из трех опор сохранилась, видимо, полностью: крайние столбы размещались в 1,5 м от противоположных стен, внутреннее расстояние между столбами одинаково не превышало метра. Восточная линия опор прослежена частично; она лишь намечена близко расположенными аналогичными ямками. Близ северного угла имелись еще две похожие ямки, назначение которых не совсем ясно.

С юга к основному вплотную примыкал сопутствующий котлован, вероятно оставшийся от сеней. Он был ориентирован в точном соответствии с основным, имел прямоугольные в плане очертания, размеры 2,65 (З В) × 1,55 м (площадь 4,1 м²). Ровное и горизонтальное дно этой пристройки располагалось на 0,1 выше, чем у основного котлована, стенки были так же вертикальные.

Судя по заполнению, основной котлован и сени являлись взаимосвязанными элементами единого сооружения: в придонной части прослежены единые линзы затеков черноземовидного суглинка, перекрытые слоем общего пожара средней мощности. Кроме того, над углистой прослойкой основного котлована распространялся выходящий за его пределы слой, также включавший значительные примеси угля. Вероятно, это следы потолочного пе-

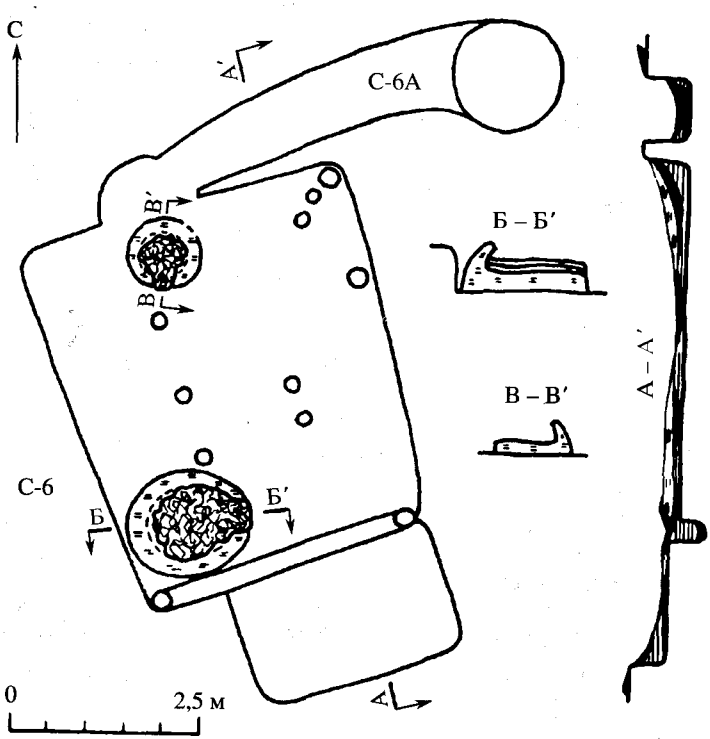


Рис. 31. Котлованы построек С-6 и С-6А

рекрытия, поверх которого (частично и в его составе) прослеживались скопления обожженной глины. Примечательно, что среди скоплений хорошо различались как куски обмазки с отпечатками узких досок, так и фрагменты печины с опознаваемыми обломками пода третьей печи, очевидно располагавшейся на втором этаже постройки.

Заканчивая описание этого сооружения, следует отметить, что в ряде случаев по периметру котлована фрагментарно прослеживались полосовидные скопления угля и древесного тлена с отдельными фрагментами отпечатков бревен от наземного сруба, которые опоясывали снаружи край котлована на расстоянии от 0,3 до 0,5 м.

С остатками этой постройки связано большое количество находок.

На краях котлована были обнаружены два железных ножа, бронзовое подпружное кольцо и два железных наконечника стрел. Один из наконечников – бронебойный в виде кинжальчика ромбовидного сечения типа 9/1 (вариант 2), датируемый второй половиной XI–XII в. (рис. 32, 5) (*Медведев*, 1966. С. 85; *Кирпичников*, *Медведев*, 1985. С. 352). Другой наконечник, также бронебойный, найден на северном краю котлована (рис. 32, 2); он был снабжен массивной головкой ромбовидных очертаний и ромбического сече-

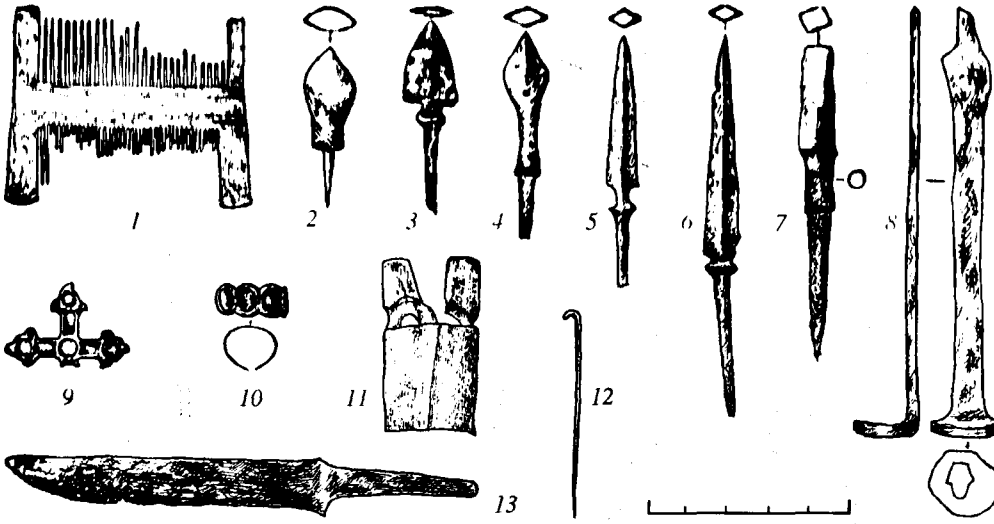


Рис. 32. Индивидуальные находки из постройки С-6

1 – двусторонний костяной гребень; *2–7* – железные наконечники стрел; *8* – железный ключ; *9* – медный крестик с выемчатой эмалью; *10* – медный перстень; *11* – обломок юрка; *12* – железная игла; *13* – железный нож

ния (тип 83) и относился к ряду древностей XI в. (*Медведев*, 1966. С. 61; *Кирпичников, Медведев*, 1985. С. 352).

В слое пожарища на полу постройки и среди завала потолочного перекрытия находок значительно больше. Кроме древнерусской гончарной керамики второй половины XII в. – рубежа XII–XIII вв., здесь встречены амфорные стенки, железная игла, обломок юрка, просверленный кружок из стенки гончарного сосуда, два пряслица из розового шифера. Одно из них округлобокое, другое – биконическое; отверстия диаметром 7,2 мм выдают в них изделия второй половины XII в. (*Розенфельдт*, 1964. С. 223). Найденный здесь же орнаментированный горизонтальными линиями двусторонний костяной гребень с редким и частым зубом (тип Д) бытовал с конца X до конца XII в. (*Колчин*, 1982. С. 164, 165, рис. 166). Подобные нашему двухсторонние трехлопастноконечные медные крестики с желтой выемчатой эмалью встречались в погребениях, в основном XI–XII вв., но в городских слоях известны и в XIII в. (*Мальм*, 1968. С. 113–117). Узкий широкосрединный пластинчатый перстень из медного сплава, с литой имитацией четырех круглых вставок, по новгородским аналогиям можно отнести к концу XI – концу XIV в. (*Лесман*, 1990. С. 49).

На полу постройки найдено еще 4 железных наконечника стрел. Один из них – уже известного 97 типа, использовавшегося во второй половине XI–XII в. (рис. 32, *6*). Ко второй половине XI – первой половине XIII в. относится бронебойный долотовидный наконечник типа 100 (рис. 32, *7*) (*Медведев*, 1966. С. 86), а плоский треугольный типа 37 известен среди древностей XII–XIII вв.

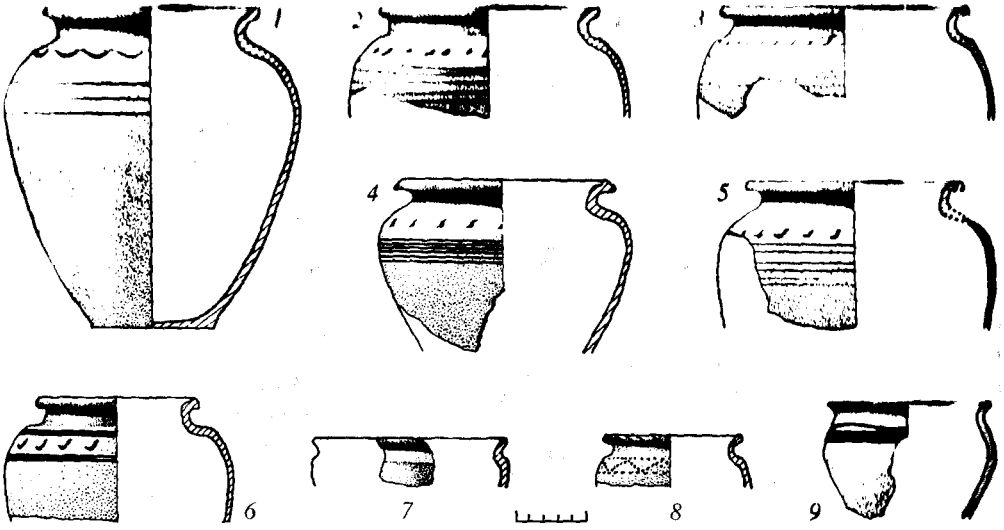


Рис. 33. Керамика из пода печи (*1*) и заполнения основного котлована постройки С-6 (*2–9*)

(рис. 32, *3*) (*Кирпичников, Медведев*, 1985. С. 352). Массивные ромбовидные наконечники с широким острием типа 53 в VIII–XI вв. были известны не только по всей территории Южной Руси, но использовались и кочевниками (рис. 32, *4*) (*Медведев*, 1966. С. 70; *Кирпичников, Медведев*, 1985. С. 348).

Значительно меньше находок встречено на полу "сеней" – железный нож, обломок оселка и железный ключ от замка типа Б, в Новгороде игравшегося в XII – первой половине XIV в. (*Колчин*, 1982. С. 160).

Корреляция большинства связанных с постройкой С-6 находок относит существование этого жилого сооружения к XII в. Два шиферных пряслица, к датировке производства которых в литературе иногда относятся с некоторой осторожностью, еще более сужают хронологию постройки до второй половины XII в. В пределы этой датировки полностью укладывается и керамический комплекс этого жилища (рис. 33).

Хронологическое исключение составляют только два наконечника стрел, применявшихся не позднее XI в. (рис. 33, *2, 4*), однако и это вполне объяснимо. Они были встречены в верхних разделах заполнения, по составу близких к окружающему постройку культурному слою, поэтому могли вместе с затеками попасть сюда уже после гибели сооружения. Кроме того, судя по керамике, постройка С-6 прорезала какое-то более раннее сооружение с посудой позднероменского времени, откуда эти наконечники могли переотложиться в заполнение жилища.

Постройка С-6А (рис. 31, 34) не похожа на другие жилые и хозяйственные сооружения этого времени и названа постройкой чисто условно; это скорее рабочее название неинтерпретированного сочетания котлованов, со-

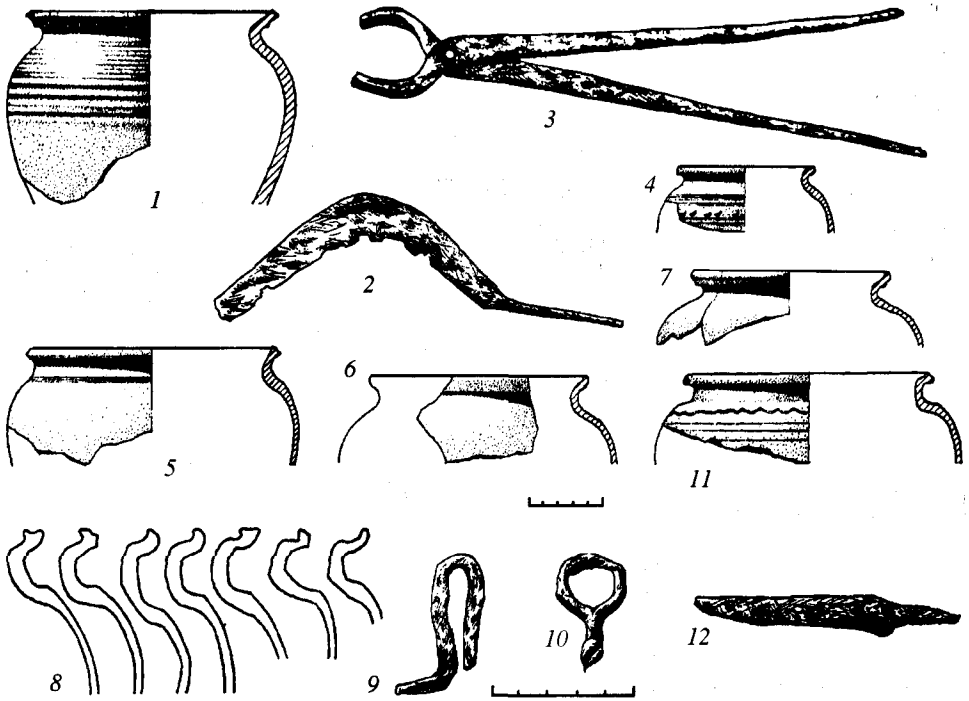


Рис. 34. Находки из постройки С-6А

2 – железный серп; *3* – кузнечные клещи; *9* – дверной пробой; *10* – обломок ключа; *12* – железный нож; *1, 4–8, 11* – керамика из заполнения котлованов

державших вполне определенные остатки жизнедеятельности. Это сооружение, очевидно, примыкало к котловану постройки С-6 с севера и состояло из двух ям, объединенных коридорообразным углублением.

Западная яма с юга обрезана северной стенкой основного котлована постройки С-6. В результате такого соседства часть стены последнего сооружения не прослежена. Вероятно, она имела в плане округлые очертания: сохранилась ее северная полукруглая половина размерами 1,3 (З–В) × 0,8 м. Северная печь постройки С-6 своим размещением подчеркивает несинхронность постройки и сооружения С-6А.

От западной ямы к востоку протянулся дугообразный в плане коридор длиной около 4 м, постепенно расширяющийся от 0,7 до 1,0 м. И яма, и коридор имели отвесные стенки и ровное, горизонтальное дно, по уровню совпадающее с полом постройки С-6. На востоке коридор заканчивался округлой в плане ямой, имевшей диаметр 1,5 м, такую же глубину и горизонтальное дно.

За исключением прослеженной над основным котлованом постройки С-6 потолочной засыпки с углем, обмазкой и печиной, заполнение сооружения С-6А аналогично прослеженному в предыдущем строении и особо близко заполнению "сеней", где потолочной засыпки нет. Более того, как и на

южном краю "сеней", здесь также прослеживается уходящая в стороны у листая прослойка от упавших кровли и стен.

На самом предматериковом краю коридора был найден шиферный ос лок. Еще два точильных камня, нож, просверленный кружок из стенки гончар ного сосуда и обломок верхней части ключа от нутряного замка с деревянны засовом встречены в его заполнении. На краю восточной ямы обнаружен ещ один оселок, а на ее дне – железный серп, кузнечные клещи и дверной пробой

Керамический материал постройки С-6А состоит из двух количественно неравноценных групп. Наименьшая представлена тремя крупными облом ками гончарных сосудов позднероменского времени. В своем расположени они тяготеют к западной стороне комплекса, где близ края постройки С был найден и ранний наконечник стрелы. Это вновь напоминает о более древнем сооружении, заполнение которого переотложилось при создани построек С-6 и С-6А.

Подавляющее большинство керамики из обеих построек синхронно В какой-то мере в их формовке появляются черты дальнейшей типологи ции: на внутренней стороне венчика бороздка постепенно обращается в го ризонтальную ступеньку (в дальнейшем эта тенденция станет особо продук тивной). Это может означать, что сооружение С-6А функционировало од новременно с постройкой С-6 на завершающем этапе ее существования, но не исключено, что это наблюдение в данном случае преждевременно.

К сожалению, однозначно интерпретировать назначение сооружения С 6А пока трудно, поэтому в нижеследующем анализе жилых и хозяйствен ных построек котлованы С-6 и С-6А участвовать не будут. Тем не менее, ка кая-то связь (скорее в хозяйственном использовании жилой зоны) между этими постройками несомненна.

Постройка С-7 (рис. 35) представлена котлованом неправильно пяти угольной в плане формы со скругленными углами; размеры 4,1 × 2,0 – 2,9 м (площадь 7,7 м²), глубина 0,4 м. Ориентация котлована близка к меридиональ ной; стенки вертикальные, дно горизонтальное и ровное.

Утолщающаяся к стенкам линза черноземовидного суглинка в нижне части заполнения была перекрыта толстым слоем с обильным включение угля и обломков печины от обвалившейся сверху печи. Отдельные фраг менты сгоревшего перекрытия прослежены и за пределами котлована.

На самом краю котлована, под остатками перекрытия, обнаружены 4 железных ножа, оселок и железный ключ от цилиндрического замка (тип В), аналоги которого бытовали в Новгороде во второй половине XII начале XIV в. (*Колчин*, 1982. С. 160). На полу постройки найден кусок не работанного овручского шифера, оселок, железное шило и плоский нако нечник стрелы типа 32, использовавшийся во второй половине XII – первой половине XIII в. (*Кирпичников, Медведев*, 1985. С. 352). Основная мас керамического материала из придонной части котлована датируется вто рой половиной XII в., а в верхних разделах заполнения (потолочная засыпь встречено 3 обломка сосудов первой половины этого же столетия.

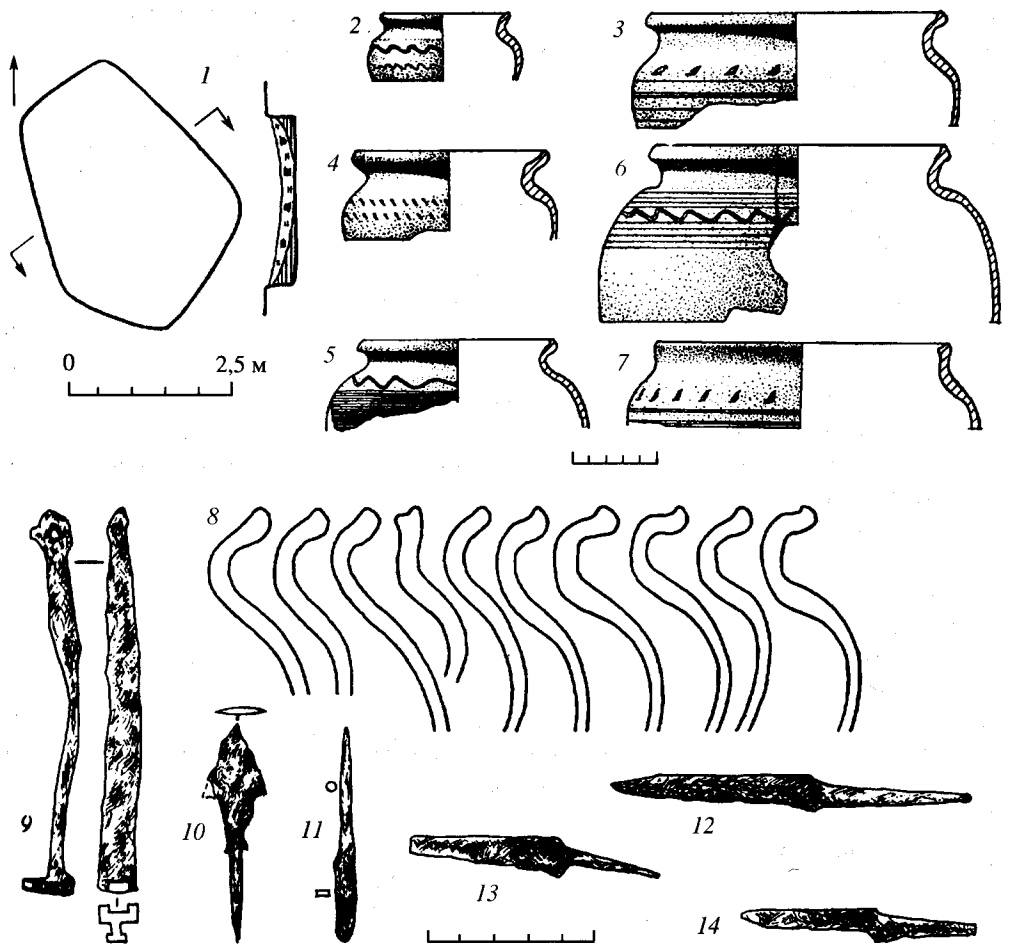


Рис. 35. Постройка С-7

1 – план и профиль котлована; *2–8* – керамика из заполнения котлована; *9* – железный ключ; *10* – наконечник стрелы; *11* – шило; *12–14* – железные ножи

Постройка С-11 (рис. 36) имела котлован прямоугольной в плане формы, ориентированный по сторонам света, его размеры 2,6 (С–Ю) × 2,3 м (площадь 6 м²), глубина 0,7 м, стенки вертикальные, дно горизонтальное и ровное.

Остатки отопительного устройства, сохранившиеся на высоту 0,4 м, размещены в юго-восточном углу котлована и устьем обращены к западу. Округлая в плане печь диаметром 1 м была вылеплена поверх специально оставленного песчанистого останца и имела 2 пода диаметром 0,8 м. Нижний подовый слой содержал укрепляющую его вымостку из остатков двух археологически целых гончарных сосудов второй половины XII в. – рубежа XII–XIII вв.

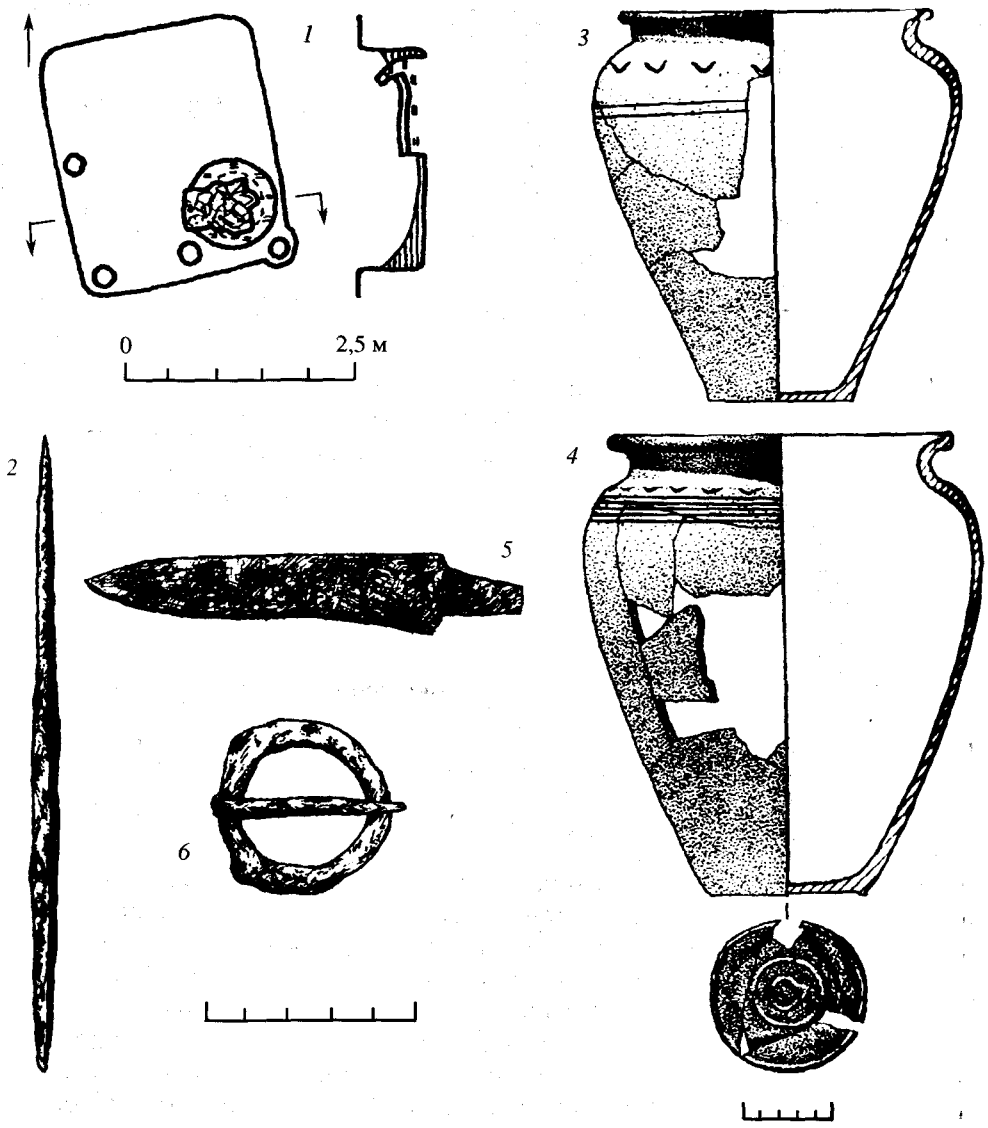


Рис. 36. Постройка С-11
1 – план; *3*, *4* – керамика из печи; *2*, *5*, *6* – изделия их железа (шило, нож, пряжка)

Внутри котлована сохранились следы столбовой конструкции: от нее осталось 4 ямы диаметром 0,2 м и глубиной от 0,15 до 0,25 м. Угловые опоры размещались в южных углах (юго-восточная – в специальном округлом расширении котлована), еще две ямки прослежены посередине западной и южной сторон углубленной части жилища.

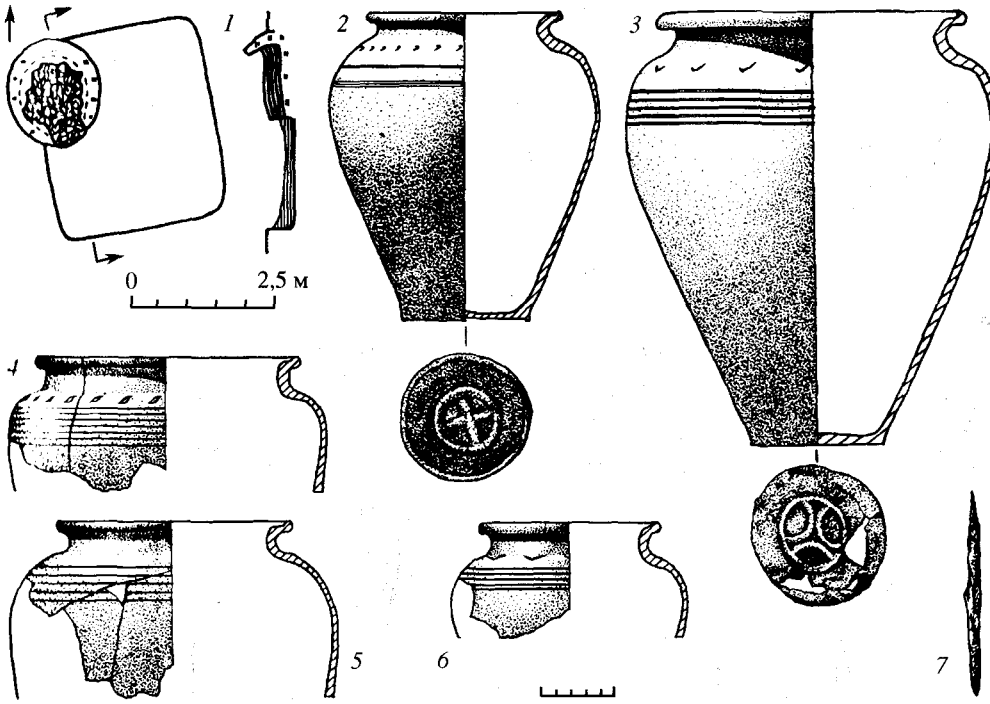


Рис. 37. Постройка С-12

1 – план; *2, 6* – керамика из заполнения котлована; *3* – сосуд с края котлована; *4, 5* – керамика из подов печи; *7* – шило

Котлован был заполнен затеками черноземовидного суглинка, в придонной части которого было встречено немного керамики, железный нож, шило большого размера и массивная подпружная пряжка XII–XIII вв. (*Кирпичников*, 1973. С. 77). На самом краю котлована найдены фрагмент оселка и пряслице, изготовленное из стенки гончарного сосуда.

Постройка С-12 (рис. 37) представлена прямоугольным котлованом, ориентированным по сторонам света; его размеры 3,3 (С–Ю) × 2,8 м (площадь 9,2 м²), глубина 0,4 м; стенки вертикальные, дно горизонтальное.

В северо-восточном углу котлована размещены сохранившиеся на высоту 0,3 м остатки овальной в плане печи, вылепленной поверх специально оставленного песчанистого останца. Ее внешние размеры 1,8 × 1,7 м, устье обращено к югу, а под, насчитывавший 5 слоев, имел максимальный диаметр 1,5 м. Вторая и четвертая вымостки пода (если считать снизу) были укреплены фрагментами керамики.

Заполнение котлована представлено прогнутой книзу линзой черноземовидного суглинка. На дне постройки, около печи, обнаружен развал кругового сосуда, 2 крупных обломка жерновов, железное шило и мелкозерни-

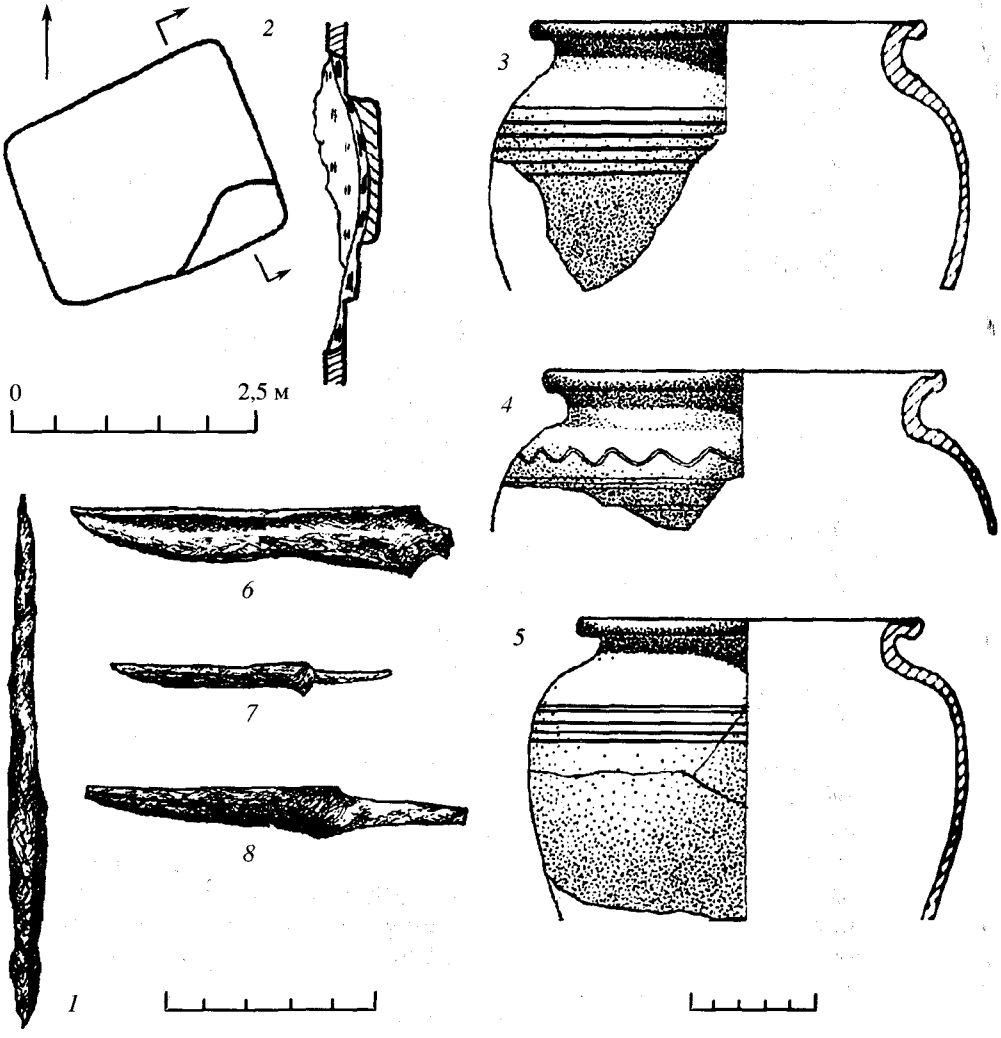


Рис. 38. Постройка С-18

1 – железное шило; *2* – план и разрез сооружения; *3–5* – керамика из заполнения котлована; *6–8* – железные ножи

стый оселок, на котором сохранились глубокие следы заточки шила или на конечника стрелы. Другой развал синхронного сосуда выявлен на западном краю котлована.

Постройка С-18 (рис. 38) имела материковый котлован подпрямоугольной в плане формы размерами всего 2,3 × 2,0 м (площадь 4,9 м²) и глубиной 0,5 м. стенки котлована вертикальные, дно горизонтальное и ровное. В его восточном углу на 0,22 м над дном возвышалась ступенька неправильной формы

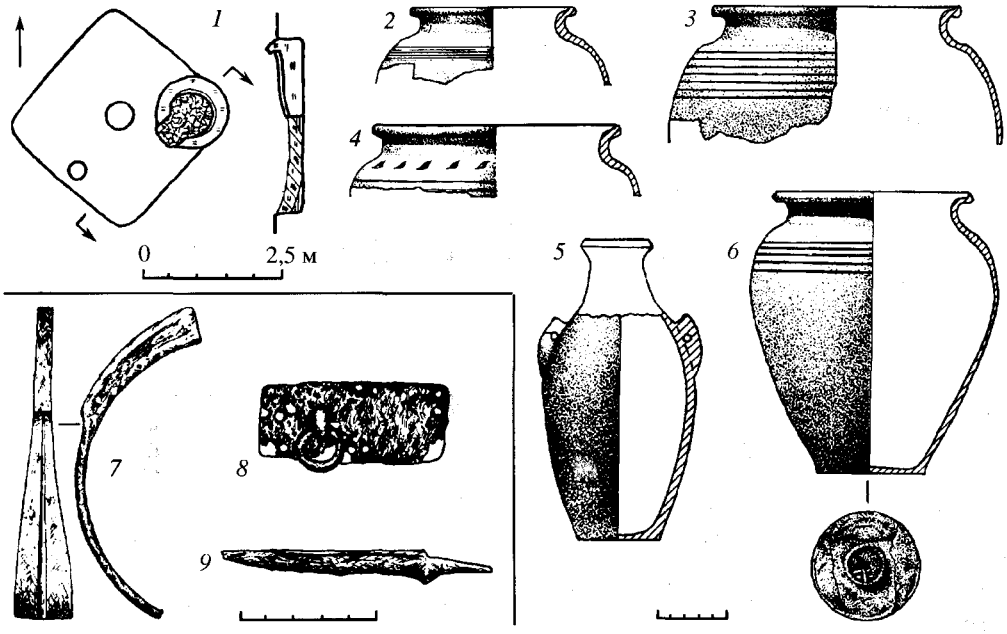


Рис. 39. Постройка С-19

1 – план и разрез; *2–4* – керамика из пода печи; *5, 6* – керамика из заполнения котлована; *7* – обломок стремени; *8* – железная накладка с колечком; *9* – железный нож

Нижняя часть заполнения – черноземовидный суглинок – перекрыта равномерной толщины прослойкой сгоревшего потолочного перекрытия, сильно прогнутого к центру котлована. Поверх нее лежала бесформенная в плане массивная подушка, оставленная развалом упавшей сверху печи. Среди обломков печины хорошо распознаются элементы пода и сводов отопительного сооружения, здесь найдены и крупные обломки амфорных стенок.

В поперечном разрезе сооружения хорошо видно, что древний котлован был значительно больше его материковой части. На уровне предматерика ширина котлована достигала 3,2 м; остатки потолочного перекрытия также выходили далеко за пределы материкового углубления.

Кроме керамики, в нижней части заполнения были найдены обломок оселка, шило и 3 ножа, один из которых можно отнести к разряду боевых: на клинке выразительно прослеживается ребро жесткости.

Постройка С-19 (рис. 39) имела котлован квадратной в плане формы, ориентированный углами по сторонам света. Его размеры 2,9 × 2,8 м (площадь 8,1 м^2), глубина 0,6 м; стенки вертикальные, дно горизонтальное и ровное.

Овальная в плане печь была вылеплена поверх древнего пола и врезана в восточный угол постройки; ее внешние параметры 1,5 × 1,4 м, устье было обращено к юго-западу. В обе вымостки ее пода (их диаметр до 1,2 м) были вмазаны измельченные фрагменты посуды.

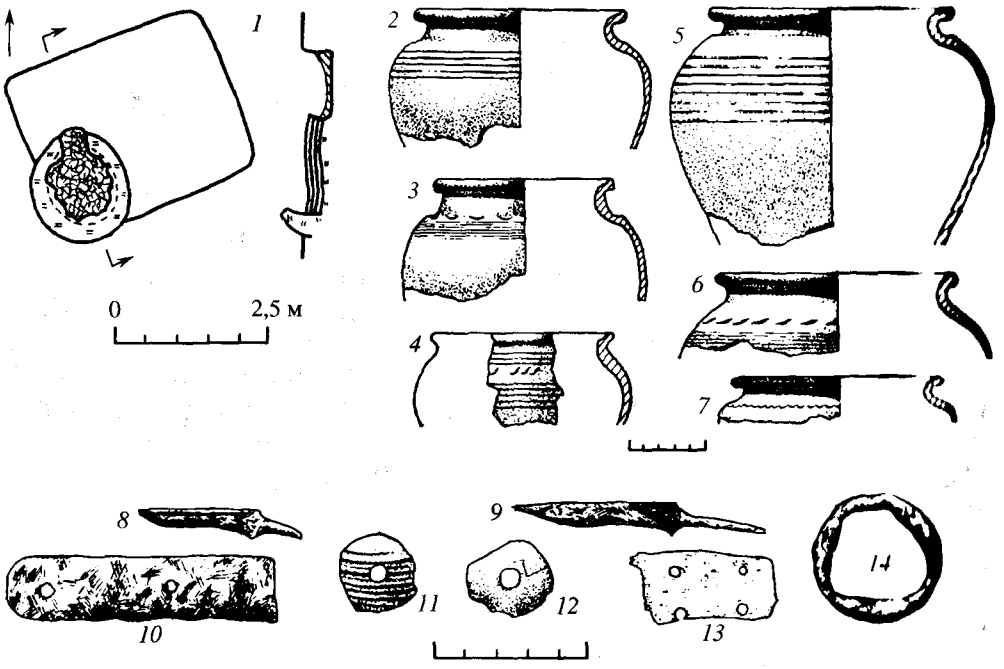


Рис. 40. Постройка С-22

1 – план и разрез; *2–7* – керамика из заполнения котлована; *8, 9* – железные ножи; *10, 13* – железная и костяная накладки с отверстиями; *11, 12* – сверленые кружки из стенок гончарных сосудов; *14* – кольцо от удил

В геометрическом центре котлована размещалась обширная столбовая яма диаметром 0,5 м и глубиной 0,6 м. Другая яма, диаметром и глубиной 0,3 м, располагалась рядом с серединой юго-западной стенки сооружения.

Заполнение котлована представлено незначительной придонной прослойкой черноземовидного суглинка, перекрытого толстой лентой остатков потолочного перекрытия, состоявшего из запесоченного чернозема с обильными включениями угля и значительно более редкими – глиняной обмазки. В нижней части заполнения встречено небольшое количество фрагментов керамики, развал гончарного сосуда и тулово так называемой "амфорки киевского типа". Кроме того, здесь найдены нож, обломок оселка, железная накладка с колечком на приклепанном к ней ушке, а к юго-восточной стенке была прислонена половина жернова. Происходящий отсюда же обломок копьевидного стремени с килевидной дужкой и округлой подножкой (тип IX) был характерен для снаряжения легковооруженной конницы XII–XIII вв. (*Кирпичников*, 1973. С. 52).

Постройка С-22 (рис. 40) имела котлован прямоугольной в плане формы, ориентированный по сторонам света. Его размеры 3,4 (З–В) × 2,8 м (площадь 9,5 м²), глубина 0,5 м; стенки вертикальные, дно горизонтальное и ровное.

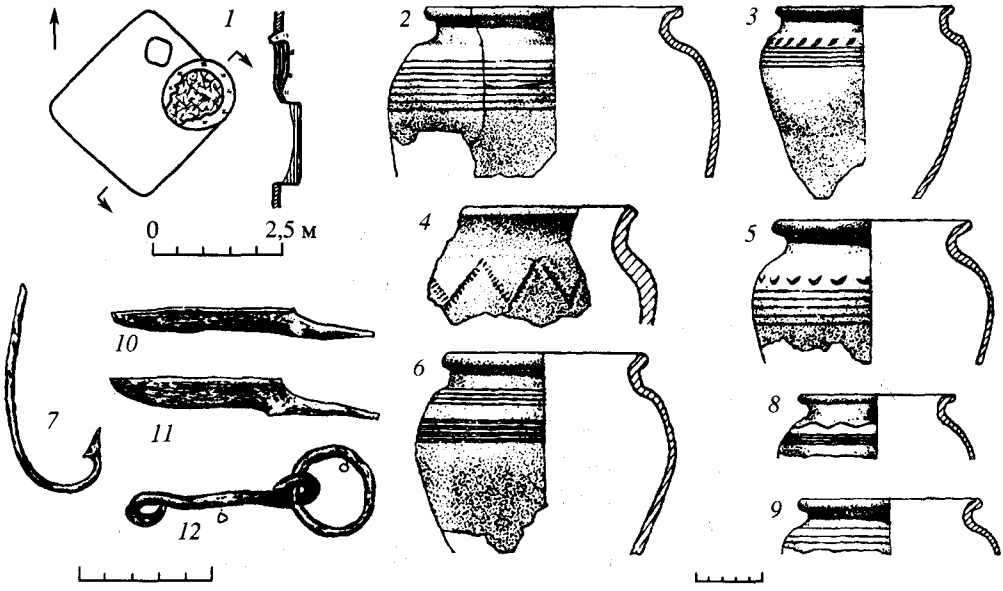


Рис. 41. Постройка С-23

1 – план и разрез; *5, 6, 8, 9* – керамика из пода печи; *2–4* – керамика из заполнения котлована; *7* – железный рыболовный крючок; *10, 11* – железные ножи; *12* – фрагмент кольчатых удил

Остатки овальной глинобитной печи были вылеплены поверх пола постройки и частично врезаны в ее юго-западный угол; устье обращено к северу. Внешние размеры отопительного устройства 1,8 × 1,5 м, его под достигал диаметра 1,2 м и состоял из трех слоев; своды сохранились плохо.

Заполнение представлено придонной линзой гумусированного суглинка с небольшим включением угольков; выше котлован перекрыт окружающим постройку культурным слоем. Кроме керамики, в заполнении встречены обломок черенкового отдела железной косы, два ножа, гвоздь, среднего размера кольцо от удил, два пряслица, изготовленные из стенок гончарных сосудов, фрагменты железной и костяной пластинок с отверстиями. Здесь же встречались обломки амфор и жерновов, куски розового овручского шифера, найдено и основание лосиного рога со спиленными отростками. Поверх нижней части заполнения внутри котлована и на его южном краю было расчищено три лошадиных черепа.

Постройка С-23 (рис. 41). От нее сохранился почти квадратный котлован, ориентированный углами по сторонам света, размерами 2,8 (ЮЗ–СВ) × 2,6 м (площадь 7,3 м²). Его глубина 0,5 м, стенки вертикальные, дно горизонтальное и ровное.

Остатки овальной полусферической печи размерами 1,4 × 1,3 м находились поверх древнего пола постройки и были врезаны в ее восточный угол, устье обращено к юго-западу. Под насчитывал 4 прослойки, в поверхность

трех были вмазаны перемешанные фрагменты венчиков и плечиков четырех сосудов. Это означает, что три пода одновременны (обычно считается, что так делались последовательные ремонты печи).

В северной половине котлована также размещалась прямоугольная в плане яма (0,4 × 0,5 м) глубиной 0,5 м. Ее заполнение из черноземовидного суглинка в сечении имело очертания прогнутой к центру котлована линзы, занимавшей около двух третей объема котлована. Здесь найдена синхронная керамика, амфорная стенка, плоское железное кольцо, 2 ножа и крупный рыболовный крючок. На краю котлована встречен фрагмент удил, состоящий из тонкого грызла с одинаково ориентированными петлями и кольца. Подобные удила (тип IV) в XII–XIII вв. составляли 95% от всего числа аналогичных изделий (*Кирпичников*, 1973. С. 17, 19).

На приведенной картосхеме (рис. 42) показано размещение жилых и хозяйственных сооружений исследованной части Сампсониева Острова в изучаемый период. Для открытого поселения на ней не указаны хозяйственные ямы, поскольку большинство их содержало или слишком мало датирующего материала, или вовсе было его лишено. Речь о них пойдет ниже.

Тем не менее, картограмма дает представление об общем характере заселенности надпойменного останца в период, отмеченный появлением на переправе небольшого крепостного сооружения.

На крепостной площадке выявлено два скопления построек, каждое из которых, вероятно, представляло собой жилищно-хозяйственный комплекс. Площадь одного такого комплекса – 180–200 м², эти цифры вполне сопоставимы с размерами рядовых средневековых усадеб киевского Подола, Москвы, Минска, Полоцка, Пскова и Гродно (*Куговой*, 1984, С. 66). Примечательно, что обе усадьбы существовали не одновременно и кроме них на площадке нет неоспоримых следов иной застройки. Это может свидетельствовать о том, что в мирное время здесь размещалась только одна усадьба.

Для домонгольской Руси в летописных источниках нет указаний на характер застройки площадок небольших укреплений. Но актовый материал XVI в., подробно регламентировавший организацию крепостей на засечных оборонительных линиях против татар, неизменно фиксировал существование на территории каждого незастроенного в мирное время укрепления "осадных дворов", обитатели которых были обязаны заботиться о мелком ремонте стен, предохранять их от пожаров и посещений посторонними лицами. На данный момент изучаемые жилые зоны можно толковать именно как прообраз подобных осадных дворов.

На незастроенной площадке укрепления был исследован и колодец, датировка которого по составу заполнения, с одной стороны, соответствует времени существования оборонительных сооружений. С другой стороны, наличие вокруг него нескольких переотложенных фрагментов ранней керамики не исключает возможности функционирования водозабора еще с рубежа X–XI вв.

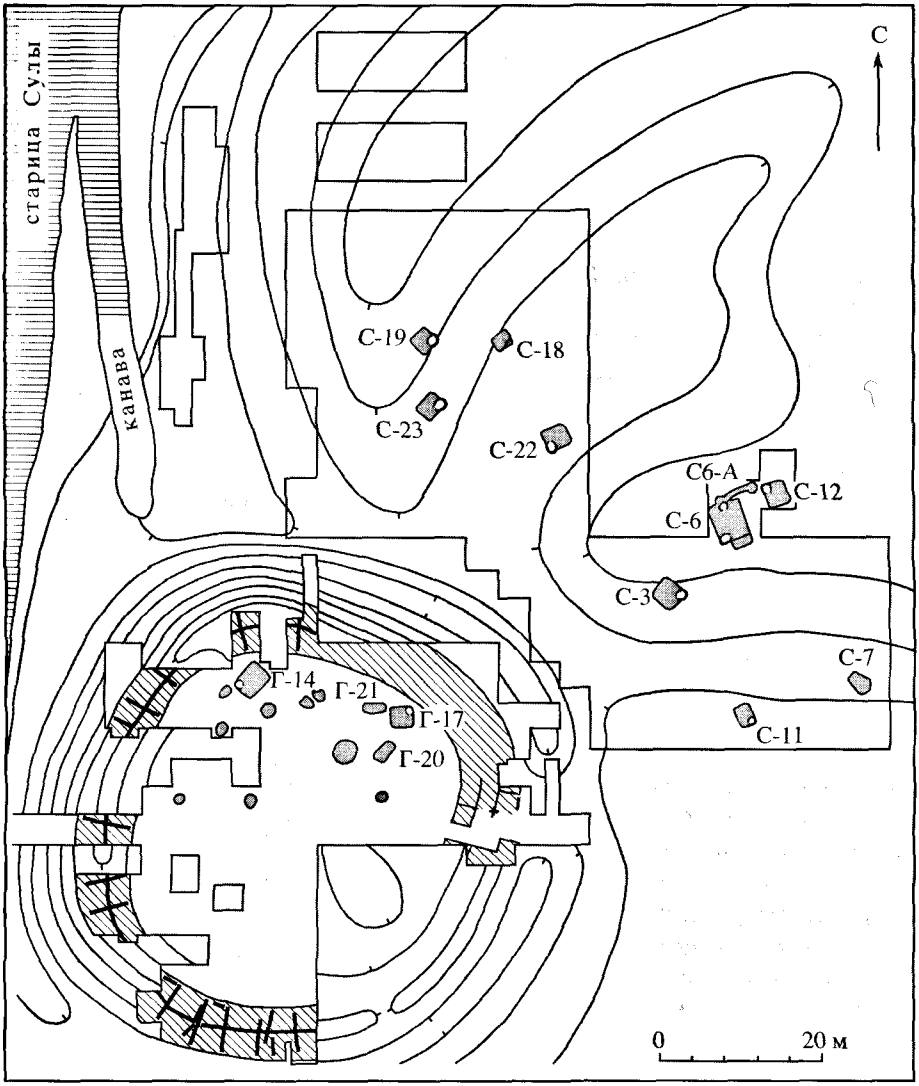


Рис. 42. Планиграфия заселенности исследованной части Сампсониева Острова в середине XII в. – на рубеже XII–XIII вв.

Иная картина открылась на прилегающей к форпосту территории открытого поселения, где интенсивность жизни хорошо иллюстрирована наличием 10 построек, размещенных достаточно компактными группами. К сожалению, из-за длительности времени бытования большого числа встреченных вне сооружений индивидуальных находок, они пока не нашли своего места на этой картограмме и будут рассмотрены отдельно.

Тем не менее, мы видим, что с постройкой оборонительного сооружения на открытом поселении произошел не сравнимый с предыдущим временем всплеск заселенности надпойменного останца: на прилегающих к укреплению землях было построено большое количество жилья, а в культурный слой отложилось много внекомплексных артефактов.

Развитие поселенческой структуры в первой половине XIII в.

В XIII в. обитатели Сампсониева Острова вошли с сильно модернизированным керамическим комплексом, генетически продолжившим линии развития, намеченные в предшествующий период. Основной типологический признак гончарного материала этого времени – многообразие сочетаний и вычурность форм моделировки венчиков, в большинстве случаев доживавших до эпохи монголо-татарского нашествия, а нередко развивавшихся и позже.

К началу этого столетия в наиболее определенном и хорошо различающемся виде проявились два основных пути оформления венчиков - "подквадратный" и "заваливающийся" к середине сосуда.

Развитие первого типообразующего варианта привело к появлению резкого перелома в месте соприкосновения шейки с плечиком. При этом оформление сильно укороченных валиковидных венчиков проводилось двумя способами: в одних случаях они делались более массивными и часто в виде наплыва нависали над шейкой; согласно иным традициям их наоборот, утоньшали и резко отгибали кверху или даже назад. В последнем примере с внутренней стороны венчиков вместо обычной бороздки появлялась горизонтальная ступенька-закраина (*рис. 43, 1, 3, 6, 8, 13, 14*).

На этом общем фоне другой типообразующий вариант, наоборот, предполагал некоторое сглаживание границы между шейкой и плечиком сосуда (рис. 43, *4, 9, 10, 13*). В обоих случаях эффект "заваливания" верхнего завершения всего контура сосудов к их середине проявлялся за счет того, что диаметр венчиков был значительно меньше диаметра плечиков.

В это время обычными стали и разнообразные сочетания этих вариантов, подчас приобретавшие весьма причудливые формы. Нередкими были примеры горизонтальной деформации наружных поверхностей горловин сосудов или их сильное утоньшение, а также неизвестная ранее вычурность в оформлении утолщенных краев венчиков, т.е. большинства признаков, окончательно развившихся в керамике, близкой к эпохе монголо-татарского нашествия, и форм, во многом продуктивных для последующего времени (рис. 43, *5, 8, 12–14*).

Керамика с подобными признаками в их различных сочетаниях встречена в 8 постройках, различающихся между собой по ориентации, размерам и глубине котлованов, а также по характеру отопительных устройств. Это со-

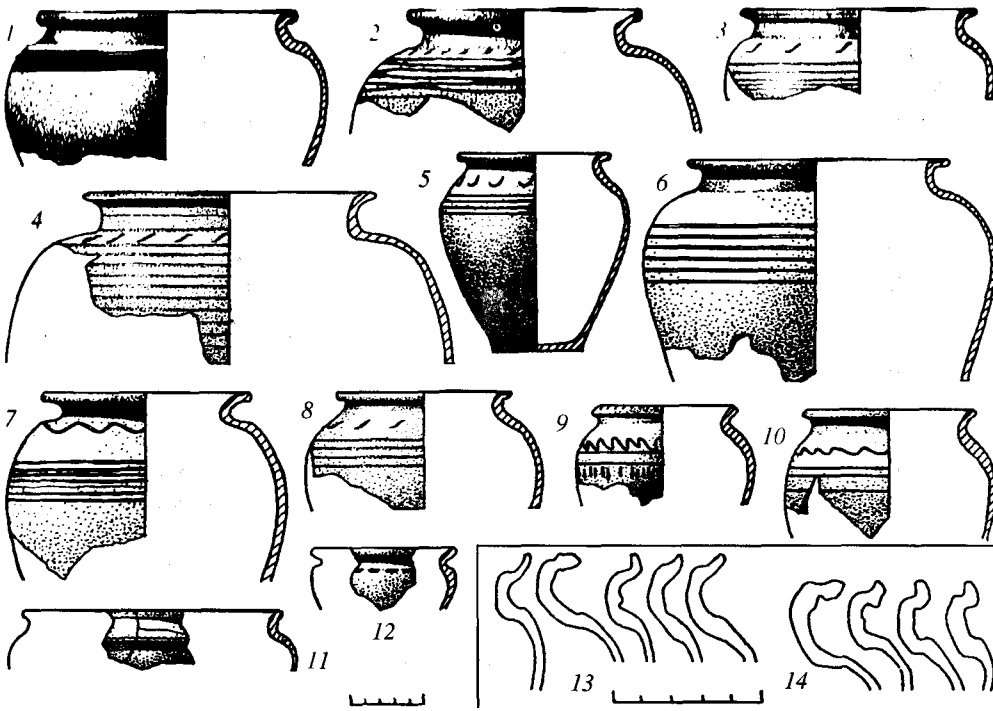


Рис. 43. Керамика первой половины XIII в.
1, 6, 9 – С-25; *2* – С-5; *3, 4, 8* – С-2; *5* – С-16; *7* – С-1; *10, 13* – С-9; *11* – С-10; *12* – С-8; *13* – С-5
(Сосуды *1, 2, 4–7, 10, 12* происходят из подов печей, остальные найдены в заполнении котлованов)

оружения С-1, С-2, С-5, С-8, С-9, С-10, С-16 и С-25. Преобладающая часть этих построек погибла от пожаров, поэтому стратиграфически выделяемые заполнения их котлованов могут представлять собой закрытые комплексы. В иных случаях мы старались принимать во внимание преимущественно керамику из подмазок подов печей, откуда удавалось реставрировать подчас не по одному сосуду из каждого отопительного сооружения. В силу этого, частично показанная на рис. 43 подборка, на наш взгляд, является достаточно представительной.

Индивидуальных находок в этих постройках очень немного и их хронологическая информативность различна. И все же в какой-то мере график их взаимовстречаемости подтверждает датировки керамических остатков, сходясь в диапазоне первой половины XIII в. (рис. 44).

Как и в других случаях, наиболее точно датированными здесь оказались шиферные пряслица. Длительный период, несмотря на существование известной статьи Р.Л. Розенфельдта (1964), основанной на свойственном автору скрупулезном изучении огромного по объему материала, в литературе не было принято полностью доверять хронологии этих предметов. Тем не ме-

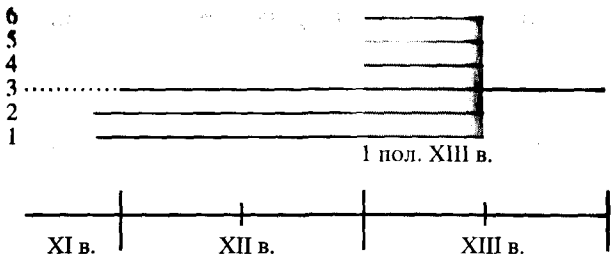


Рис. 44. Взаимовстречаемость находок из наиболее поздних построек. (Заштрихован диапазон взаимовстречаемости)

1 – кресало, С-8; *2* – кресало, С-16; *3* – удила, С-16; *4* – пряслице, С-8; *5* – пряслице, С-16; *6* – пряслице, С-25

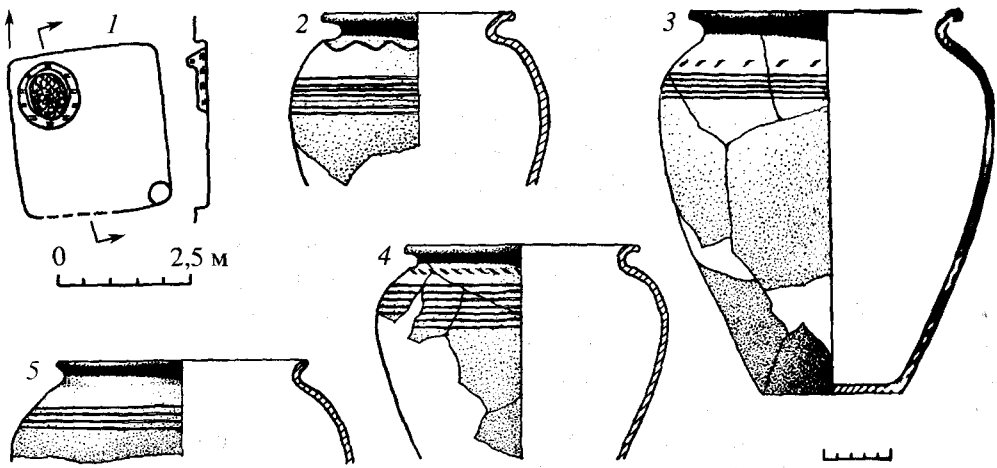


Рис. 45. Постройка С-1

1 – план и разрез котлована; *2–5* – керамика из заполнения жилища

нее, по прошествии почти трети столетия М.А. Сагайдаком (1991) эти датировки были почти без исключений подтверждены на материалах хорошо стратифицированного и снабженного дендрохронологическими датами киевского Подола.

Ниже предлагается описание жилых сооружений первой половины XIII в.

Постройка С-1 (рис. 45) была изучена в 1972 г. экспедицией Е.А. Горюнова на западном краю поселения (*Пескова*, 1978). Ее котлован имел прямоугольную в плане форму, был ориентирован по сторонам света; его размеры 3,0 × 2,8 м (площадь 8,4 м^2), глубина 0,2 м. Стенки углубления вертикальные, дно горизонтальное и ровное.

В северо-западном углу котлована содержались остатки округлой полусферической печи диаметром 1,1 м. Она не примыкала к земляным стен-

кам жилого углубления и была возведена непосредственно на его полу. Устьем отопительное сооружение было обращено к югу; в составе четырех из пяти его подов, имевших диаметр 0,9 м, были встречены остатки гончарных сосудов.

В юго-восточном углу котлована была также расчищена столбовая яма диаметром и глубиной 0,25 м (судя по материалу, другие углубления не имели отношения к этой постройке).

В рыхлом гумусированном заполнении постройки встречена керамика первой половины XIII в. и пряслице из розового шифера.

Постройка С-2 (рис. 46) обнаружена на самом СВВ краю открытого поселения в процессе рекультивации буровой площадки. Остатки сооружения расположены в 220 м от нулевого репера городища, вне пределов распространения ненарушенного буровиками культурного слоя селища, поэтому на плане сохранившейся части поселения оно не обозначено. Постройка сильно попорчена рекультивационной траншеей и сливом поверх нее остатков бетонного раствора.

Котлован сооружения почти квадратной в плане формы был ориентирован углами по сторонам света, его размеры 3,4 × 3,2 м (площадь 10,9 м^2), глубина 0,4 м. Стенки вертикальные, дно горизонтальное и ровное. Почти посередине северо-западной стороны углубления на его полу сохранились остатки круглой полусферической глинобитной печи с вмазанной в поверхность единственного пода измельченной керамикой. Более значительное количество керамики, очевидно, располагалось и в пределах сводов, но она была сцементирована затеками бетона. Около середины юго-западной стенки котлована была также расчищена округлая столбовая ямка диаметром 0,3 м и глубиной 0,2 м.

Заполнение котлована аналогично окружающему постройку культурному слою. В его составе встречена керамика первой половины XIII в., обломки амфоры и миниатюрный железный нож.

Постройка С-5 (рис. 47) представлена котлованом прямоугольной в плане формы, ориентированным по сторонам света. Его размеры 4,0 × 3,4 м (площадь 13,6 м^2), глубина 0,4 м. Стенки углубления вертикальные, дно горизонтальное и ровное.

Остатки овальной глинобитной печи размерами 1,7 × 1,5 м размещены непосредственно поверх пола жилища в его северо-восточном углу, в специально вырезанной материковой нише. Устьем печь была обращена к югу, в оба слоя пода, размерами 1,4 × 1,3 м, были вмазаны фрагменты двух археологически целых гончарных сосудов. К югу от устья печи была вырыта столбовая яма диаметром и глубиной 0,3 м.

Котлован заполнен гумусированным суглинком с включением угля. На его дне была встречена керамика, обломки жернова, оселка и фрагмент железной оковки от деревянного ведра.

Постройка С-8 (рис. 48) имела котлован прямоугольной в плане формы, ориентированный по сторонам света. Его размеры 4,1 × 3,8 м (площадь

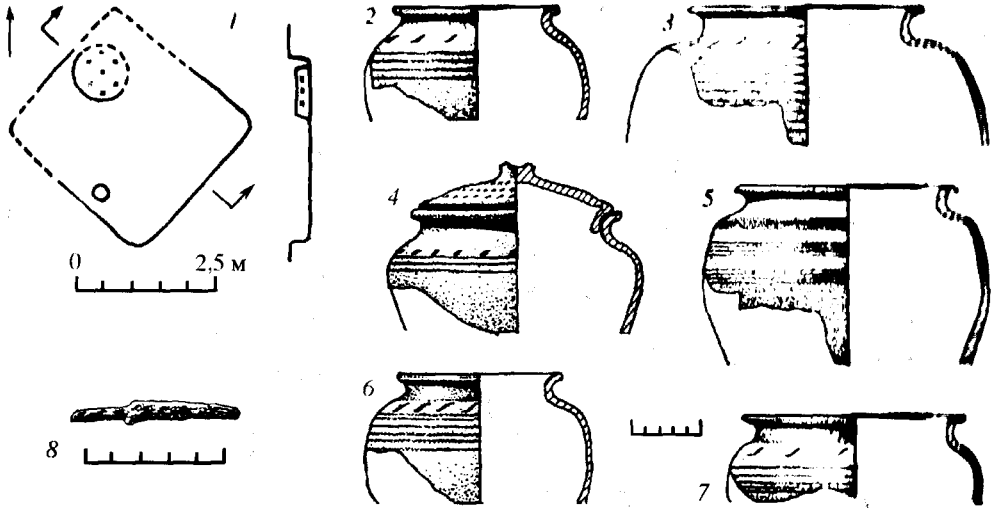


Рис. 46. Постройка С-2

1 – план и разрез котлована; *3* – венчик из пода печи; *2*, *4–8* – керамика и нож из заполнения котлована

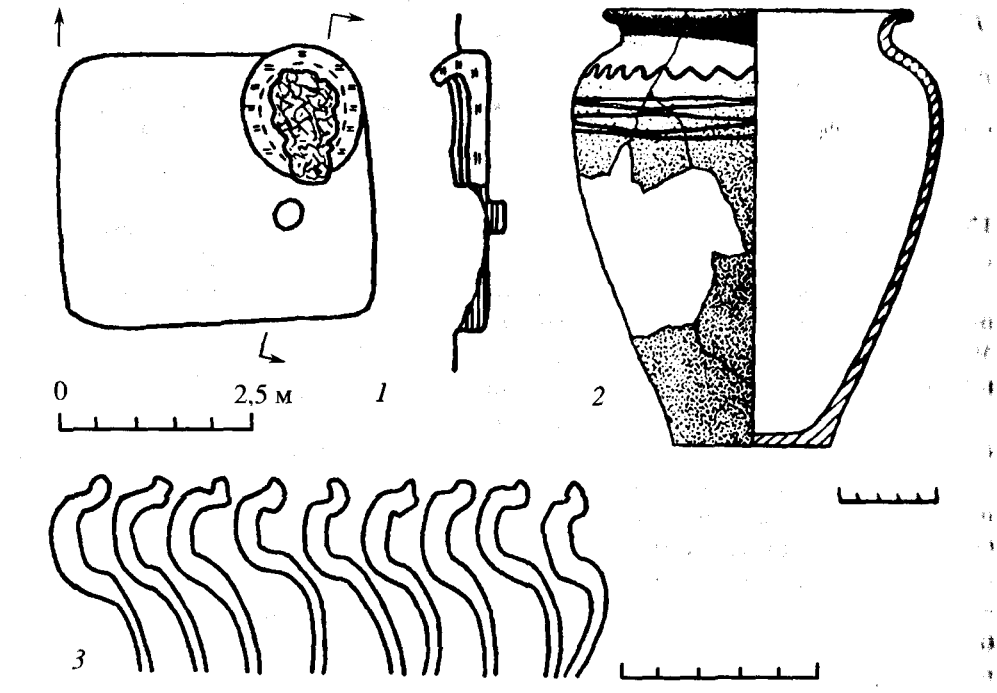


Рис. 47. Постройка С-5

1 – план и разрез котлована; *2* – керамика из пода печи; *3* – керамика из заполнения котлована

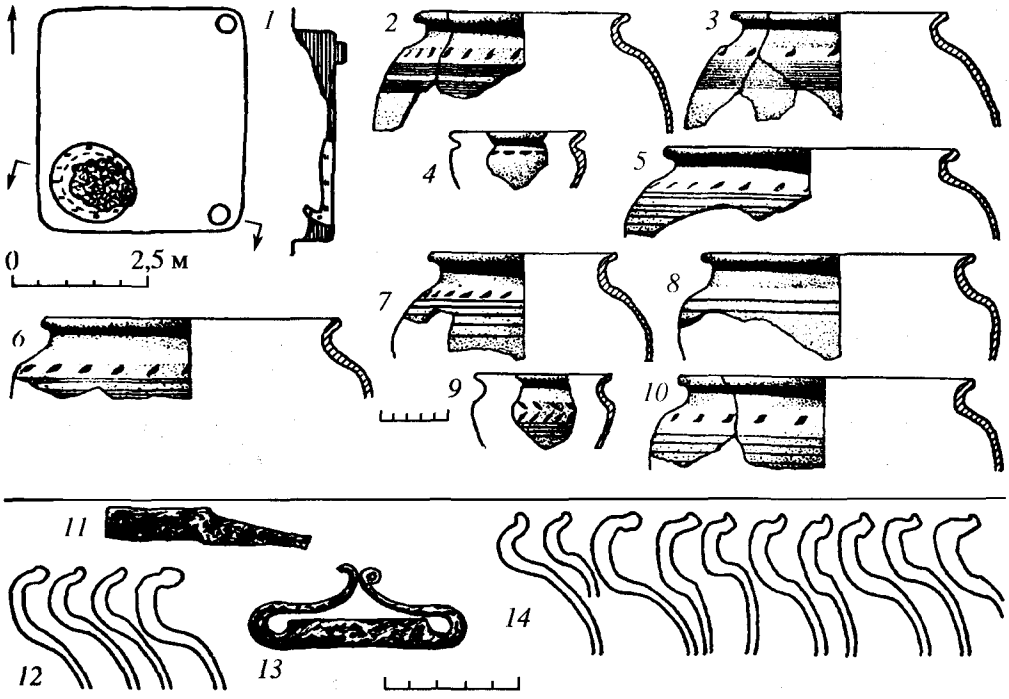


Рис. 48. *Постройка С-8*

1 – план и разрез котлована; *2–4, 12* – керамика из пода печи; *5–10, 14* – керамика из заполнения котлована; *11* – фрагмент ножа; *13* – кресало

15,6 м²), глубина 0,7 м. Стенки углубления вертикальные, дно горизонтальное и ровное.

Овальная полусферическая печь, возведенная поверх углистой прослойки пола, была размещена в юго-западном углу котлована, ее размеры 1,6 × 1,4 м. Устье отопительного устройства было обращено к востоку, а единственный под, укрепленный фрагментами керамики, в поперечнике равнялся 1,1 м.

В юго-восточном и северо-восточном углах котлована размещались две столбовые ямы диаметром 0,3 м и глубиной 0,2 м. Заполнение котлована по дну было отмечено тонкой углистой прослойкой, заходящей под основание печи. Выше размещался прогнутый к середине дна массив гумусированного суглинка, перекрытый остатками сгоревшего потолочного перекрытия. На краю котлована лежал обломок сработанного оселка. Другое подобное изделие найдено на дне сооружения вместе с керамикой, обломком ножа и небольшого гвоздя. Найденное в заполнении округлобокое шиферное пряслице вишневого цвета в соответствии с диаметром отверстия (5,5 мм) было изготовлено одновременно с керамикой (*Розенфельдт*, 1964. С. 223). Не противоречит подобной датировке и калачевидное кресало без язычка, по нов-

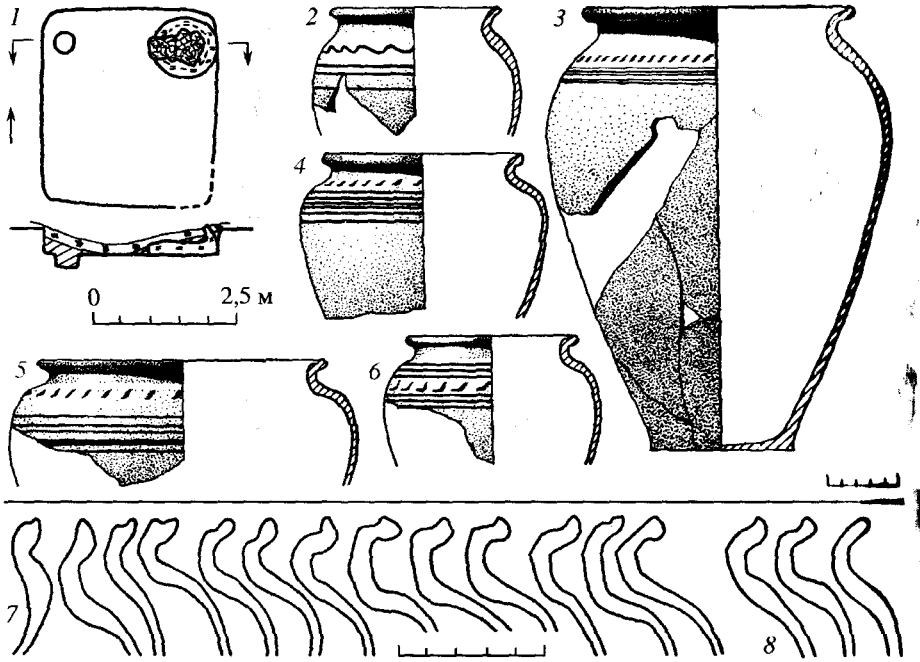


Рис. 49. Постройка С-9

1 – план и разрез котлована; *2, 8* – керамика из пода печи; *3–7* – развал и отдельные фрагменты керамики из заполнения котлована

городской шкале относящееся к концу XI – середине XIII в. (*Колчин*, 1982, С. 163, рис. 4).

Постройка С-9 (рис. 49). Ее остатки представлены котлованом прямоугольной в плане формы, ориентированным по сторонам света. Его размеры 3,3 × 2,9 м (площадь 9,6 м^2), глубина 0,4 м. Стенки углубления отвесные, горизонтальное и ровное дно имеет следы интенсивной подмазки жидкой белой глиной.

В северо-восточном углу котлована, вплотную к восточной стенке, поверх подмазки пола и углистой прослойки (последняя за пределы отопительного устройства не распространялась), размещались остатки круглой печи диаметром 1,1 м. Устье отопительного устройства обращено к западу, в единственный под для придания ему прочности были вмазаны фрагменты керамики.

Придонная часть заполнения постройки представлена тонкой линзой сумусированного черноземовидного суглинка, который перекрывался 10 сантиметровой лентой потолочной засыпки. Это перекрытие содержало обильное включение угля и краями выходило за пределы котлована.

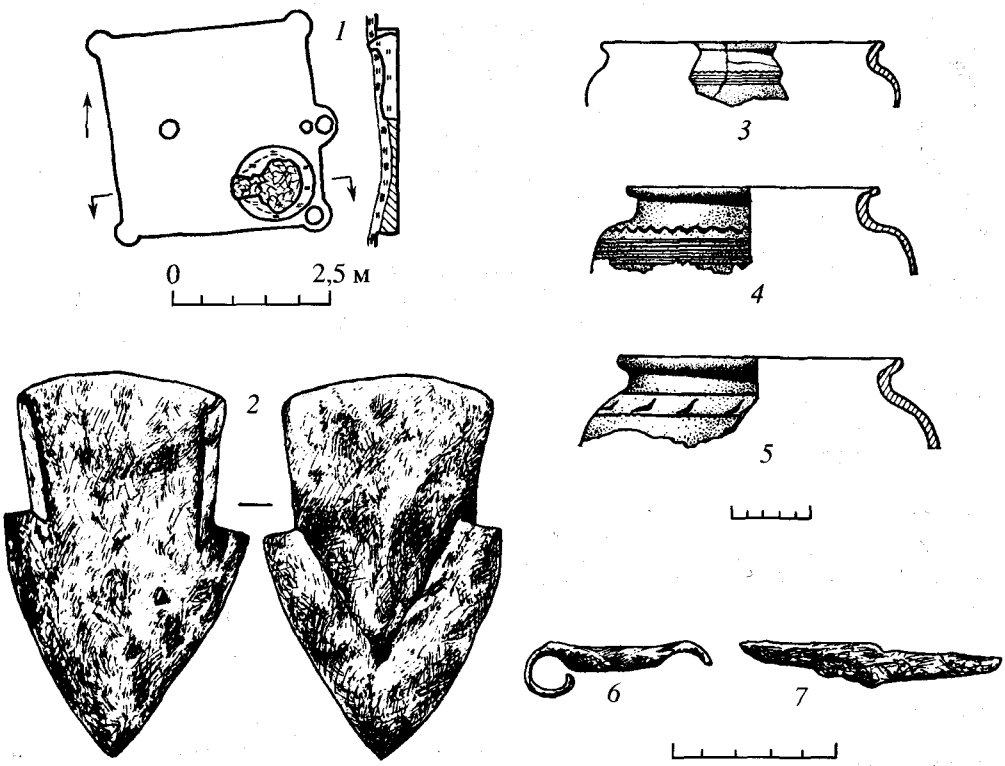


Рис. 50. Постройка С-10

1 – план и разрез котлована; *2* – железный сошник; *3–5* – керамика из заполнения жилища; *6* – фрагмент удил; *7* – железный нож

В нижней части заполнения встречены керамика, оселок и нож. Еще один железный нож был найден на самом краю котлована.

Постройка С-10 (рис. 50). Котлован имел почти квадратную в плане форму, ориентирован по сторонам света, его размеры 3,3 × 3,1 м (площадь 10,2 м²), глубина 0,3 м, стенки отвесные, пол горизонтальный.

По углам котлована и на середине восточной стенки в материке были вырезаны полукруглые материковые выемки для несущих столбов, диаметр их дуг составлял около 0,4 м. Сами столбовые ямки сохранились только в юго-восточном углу, посередине восточной стенки котлована и в центре западной половины сооружения, их диаметр и глубина – 0,3 м. Восточная ямка продублирована еще одной, расположенной рядом, но меньшего диаметра (0,2 м при такой же глубине).

В юго-восточном углу котлована поверх его пола размещались остатки овальной глинобитной печи размерами 1,4 × 1,2 м. Ее устье было обращено к западу, а диаметр единственного плохо сохранившегося пода составлял около 1 м.

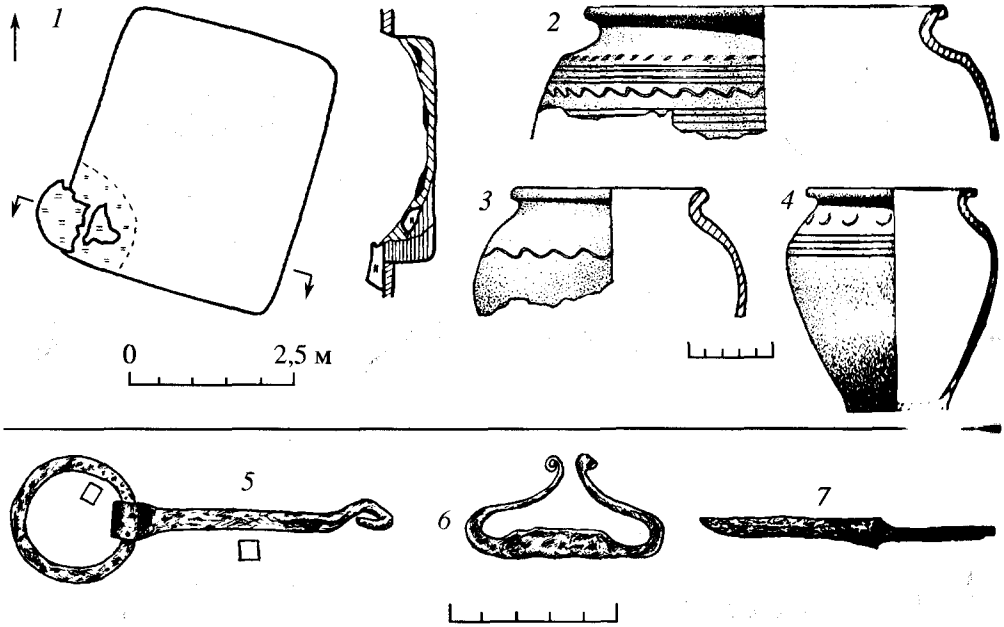


Рис. 51. Постройка С-16

1 – план и разрез котлована; *2–4* – керамика из заполнения котлована; *5* – кольчатые удила; *6* – лопаточевидное кресало; *7* – железный нож

Заполнение котлована представлено обширной придонной линзой гумусированного суглинка, перекрытого толстым слоем пожарища от рухнувшего потолочного перекрытия, включавшим обломки обмазки и печины от упавшей сверху второй печи; внешние края этой прослойки выходили за пределы котлована.

В нижней части заполнения котлована найдено немного керамики, железный нож, обломок массивного звена от удил и сошник крупных размеров XII–XIII вв. (*Чернецов*, 1976. С. 32–35; *Чернецов, Куза, Кирьянова*, 1984, С. 222, 223). В состав потолочной засыпки постройки, видимо, вместе с более ранним культурным слоем попало низкое округлобокое шиферное пряслице, по диаметру отверстия (8 мм) датируемое второй половиной XI – первой половиной XII в. (*Розенфельдт*, 1964. С. 223).

Постройка С-16 (рис. 51) имела котлован прямоугольной в плане формы, ориентированный углами по сторонам света; его размеры 3,9 – 4,1 м (площадь 13 м²), глубина 0,6 м. Стенки углубления отвесные, дно горизонтальное и ровное.

В западной части постройки размещались остатки полусферической глинобитной печи, имевшей внешний диаметр около 1,5 м. Отопительное сооружение, содержавшее один под, наполовину было вылеплено поверх предварительно расчищенного края котлована. Другая половина нависала

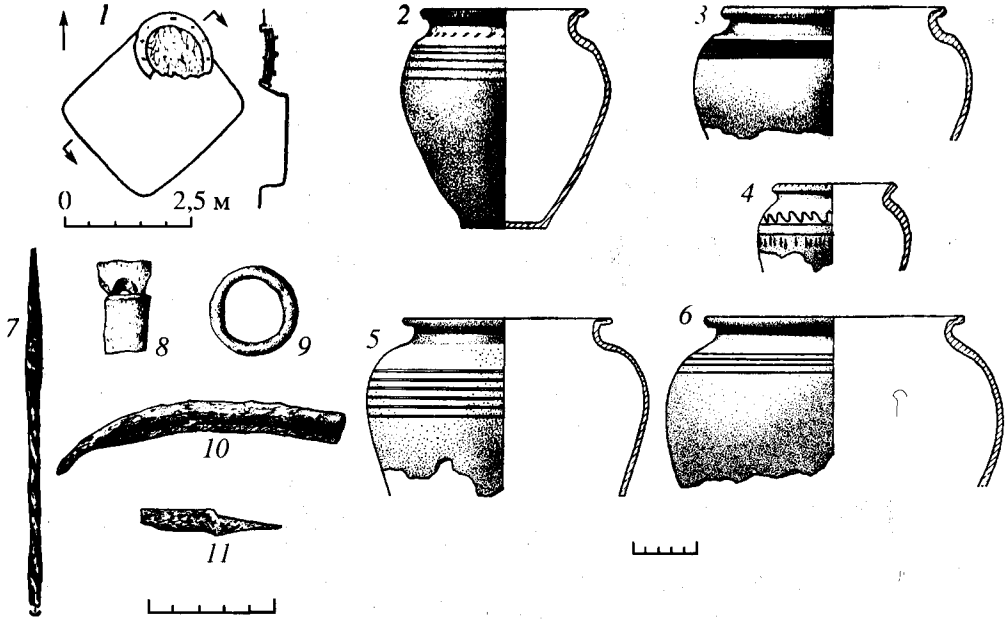


Рис. 52. Постройка С-25

1 – план и разрез котлована; *2* – сосуд из верхней части заполнения котлована; *3, 5, 6* – керамика из пода печи; *4* – венчик из заполнения котлована; *7* – железное сверло; *8* – фрагмент костяного юрка; *9* – кольцо от удил; *10* – обломок серпа; *11* – обломок ножа

над котлованом и крепилась поверх специально прилепленной к углу постройки суглинистой консоли. В процессе разрушения часть консоли сползла в котлован, увлекая вниз и крупные обломки печи, образовавшие на дне котлована скопление печины округлой в плане формы, диаметром более 2 м. Среди обломков этого отопительного сооружения найден небольшой гончарный сосуд.

Черноземовидно-супесчаное заполнение с включением угля перекрыло остатки консоли и печи в виде обширной и прогнутой ко дну котлована линзы. По углам котлована встречены также затеки легкого гумусированного суглинка, включавшего разрозненные скопления древесного угля. На дне котлована встречено немного керамики, а также три оселка (один из них – овручского шифера), нож, шиферное пряслице, по диаметру отверстия (7 мм) датируемое второй половиной XII – первой половиной XIII в. (*Розенфельдт*, 1964. С. 223). Найденное здесь же калачевидное кресало без язычка в Новгороде бытовало с конца XI до середины XIII в. (*Колчин*, 1982. С. 163), а колчатые удила типа IV, известные с IX–X вв., в XII–XIII вв. составляли 95% от всего известного числа подобных изделий (*Кирпичников*, 1973. С. 17–19).

Постройка С-25 (рис. 52) представлена котлованом прямоугольной в плане формы, ориентированным углами по сторонам света. Его размеры

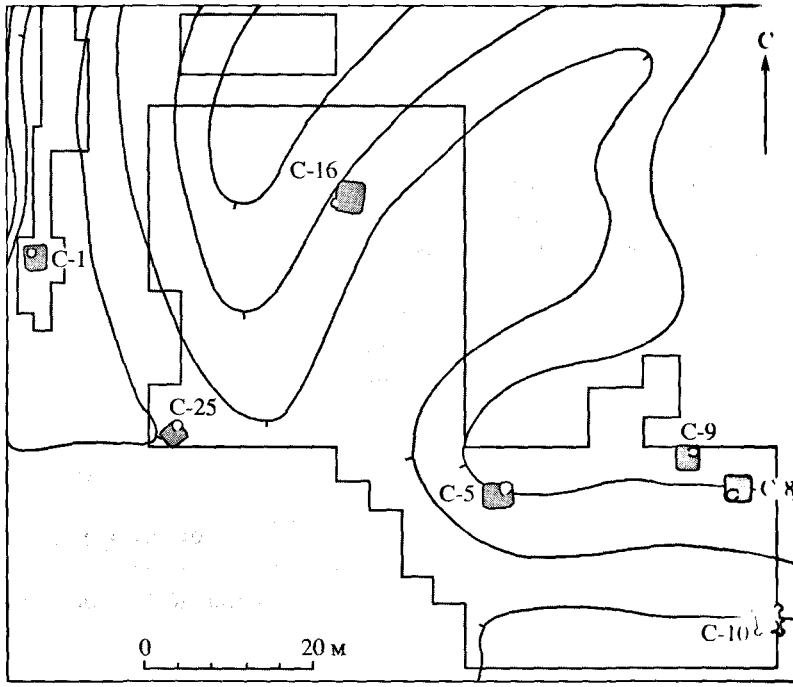


Рис. 53. Размещение построек первой половины XIII в. на территории открытого поселения

2,9 × 2,5 м (площадь 7,2 м²), глубина 0,5 м; стенки углубления отвесные, а дно горизонтальное и ровное.

В северном углу сооружения на специальном останце была вылеплена овальная полусферическая печь размерами 1,6 × 1,5 м. Ее устье было обращено к юго-востоку, а под насчитывал три слоя, содержавшие укрепившие их вымостки из битой посуды. В процессе реставрации из ее обломков был собран археологически целый сосуд и верхние части еще трех гончарных сосудов.

Заполнение котлована аналогично окружающему культурному слою. На его дне встречено крайне небольшое количество гончарной керамики, кольцо от составных удил, сверло с надломанным острием, обломки косы и костяного юрка. Датировка шиферного пряслица с отверстием 6,5 мм соответствует времени изготовления керамики (*Розенфельдт*, 1964. С. 223). В 0,3 м от северо-западного края котлована был найден обломок железного ножа.

Размещение рассмотренных выше восьми жилых построек первой половины XIII в. позволяет сделать некоторые предварительные выводы о характере заселенности Сампсониева Острова в этот период (рис. 53).

Во-первых, похоже, что территория крепости была освобождена от жилой застройки. Конечно, на неизученной площади юго-восточного сектора 4 вполне могла разместиться небольшая усадьба, но полное отсутствие

здесь следов хотя бы небольших хозяйственных ям, отдельных находок или керамических остатков этого времени показывает проблематичность подобного предположения. Такая ситуация могла сложиться в связи с повышением внимания к обороноспособности укрепления и связанной с этим заботой о его противопожарной безопасности.

На территории открытого поселения, с одной стороны, не наблюдается следов его более интенсивной, чем предыдущий период, застройки. Тем не менее, для первой половины XIII в. фиксируется максимальное распространение жилищного строительства на этом надпойменном останце. На западном краю всхолмления об этом свидетельствует размещение постройки С-1. Она возведена совсем недалеко от берега речной старицы, на поверхности слегка приподнятой над низиной складки местности. На восточную окраину поселения указывает постройка С-2 и ее окружение, выявленные благодаря буровой рекультивации: здесь граница древнего расселения установлена на значительном пространстве снятого до материка плодородного грунта.

Это может свидетельствовать о каких-то изменениях в хозяйственной жизни поселения на его заключительном этапе. В частности, нельзя исключить, что зафиксированное расширение жилой зоны могло сопровождаться увеличением площади усадеб.

Древнерусские хозяйственные ямы и керамический материал монгольского времени

Касаясь застройки открытого поселения, в предыдущих главах намеренно не акцентировалось внимание на хозяйственных ямах, без которых представление о застройке Сампсониева Острова было бы далеко не полным.

Этому имеется свое объяснение. Дело в том, что на территории городища и селища было изучено большое количество хозяйственных сооружений, исчисляемое 231 единицей. Их значительная часть относилась к раннеславянскому времени, некоторое количество можно уверенно отнести к древнерусскому периоду, но еще больше ям вовсе не содержало датирующего материала.

В данной книге мы можем оперировать только объектами, содержавшими датирующий материал в тех придонных разделах их заполнения, которые отличались от окружающего культурного слоя и были сверху перекрыты инородными прослойками. Такая стратиграфическая ситуация наиболее соответствует представлению о закрытых комплексах. Так, в придонной части котлованов ям С-14, С-16, С-29 прослежены отличавшиеся от внешнего культурного слоя линзы гумусированной супеси, иногда (С-14) перекрытой суглинистой прослойкой. Яма С-42 почти до краев была заполнена аномальным гумусированным черноземовидным суглинком с углями, а в яме С-6

Таблица 4

Параметры хозяйственных ям

№	Форма в плане	Размеры в плане, м	Поперечное сечение	Глубина, м
1	Прямоугольная	1,7 × 1,3	Прямоугольное, ступенька	0,3
2	"	Длина 1,4	Прямоугольное	0,8
6	Овальная	D около 2,5	"	0,4
14	"	1,8 × 1,3	"	0,6
15	Круглая	D = 1,4	"	0,5
16	"	D = 0,8	"	0,6
27	Округлая	1,45 × 1,3	"	0,4
29	Прямоугольная	2,6 × 1,55	"	0,4
42	Овальная	1,4 × 0,85	Трапециевидное	0,7
50	"	1,4 × 0,95	Прямоугольное	0,9
63	Округлая	1,15 × 0,7	"	0,3
66	Овальная	1,6 × 1,25	"	0,4
67	Треугольная	1,6 × 1,25	"	0,4

придонная линза отличалась от окружающего культурного слоя только присутствием мелких угольков. В отдельных случаях к сведению принималось и содержание сооружений, которые при наличии достаточного количества гончарной керамики вовсе не имели следов лепной посуды. Таким образом, более или менее достоверно к древнерусскому времени можно отнести только 13 ям, хотя в действительности таковых было, очевидно, значительно больше (табл. 4).

Подавляющее большинство остатков хозяйственных ям в плане имели круглые и овальные очертания (сюда же примыкают котлованы неправильно-округлых абрисов). Их размеры в поперечнике колебались в пределах от 1,0 до 1,5–1,7 м. Ям прямоугольной в плане формы значительно меньше, но их размеры, как правило, больше, по длинной стороне они даже превышают двухметровые отметки. Как исключение, яма 67 имела подтреугольные очертания. Углы сооружений последних двух форм сильно скруглены (рис. 54).

В поперечном сечении все хозяйственные ямы прямоугольные, со скругленным стыком стенок, с горизонтальным и ровным дном. Лишь в яме 42 одна из стенок была наклонной. Глубина ям, как и котлованов жилых построек, в большинстве случаев колеблется в пределах от 0,4 до 0,6 м. Из этого ряда выпадает глубина недокопанной в 1972 г. ямы 2, но здесь учтено, что в профиле она была прослежена почти от уровня дерна, в материк же ее углубили только на 0,2 м.

В связи с недостатком датирующего материала из заполнения хозяйственных ям мы не можем достоверно привести их в полное хронологическое

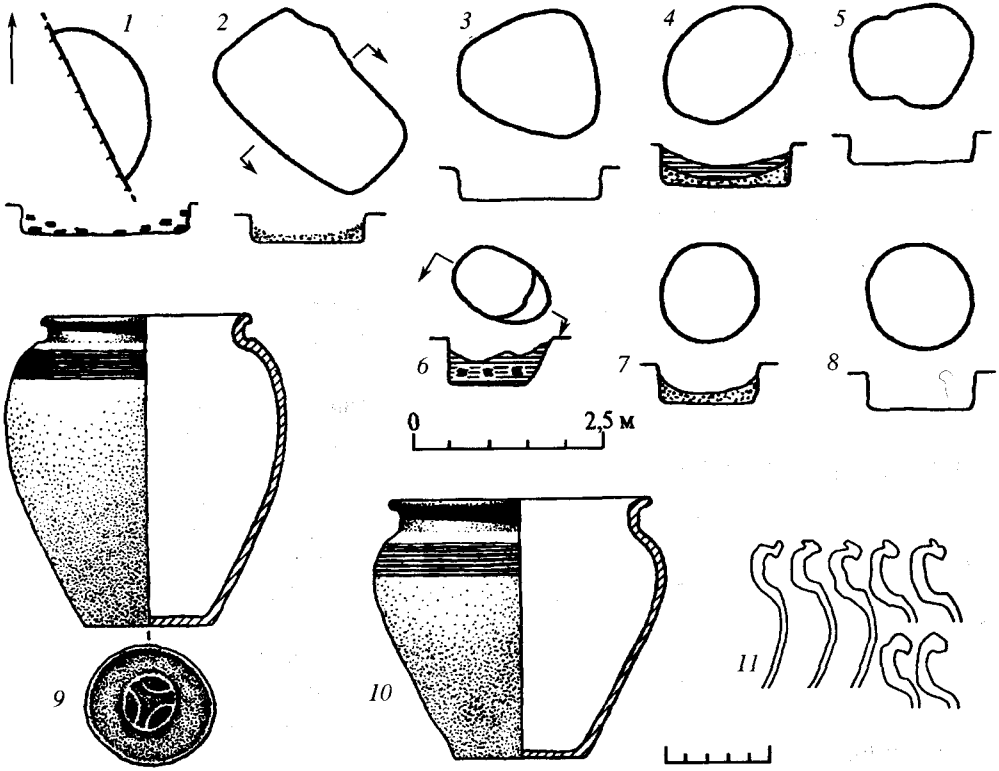


Рис. 54. Хозяйственные ямы и находки из их заполнения

Планы и разрезы ям: *1* – С-6; *2* – С-29; *3* – С-67; *4* – С-14; *5* – С-66; *6* – С-42; *7* – С-16; *8* – С-15. Керамика из хозяйственных ям: 9 – С-2; *10* – С-1 (раскопки 1972 г.); *11* – С-6

соответствие с жилыми постройками чтобы выявить жилые зоны или усадьбы, т.к. достоверных следов оград или частоколов на всем памятнике получить не удалось (рис. 55).

Некоторая слабо ощутимая связь исследованных ям с остатками жилья прослеживается только в отдельных случаях. Так, к югу от постройки С-1 располагалась, судя по керамике, синхронная ей яма 2. Рядом с постройкой С-16 была раскопана яма 50, а к северу от постройки С-19 – ямы 66 и 67. Таким же образом сочетались постройка С-12 с ямой 42, а постройка С-11 – с ямой 29. Вблизи построек С-8 и С-9 размещались ямы 14 и 16. Неясен вопрос с ямой 15: она пришлась на южный угол постройки С-3, где заняла место напротив устья печи и предпечной ямы, однако стратиграфических данных о хронологическом соотношении этих сооружений получить не удалось.

Более определенно можно судить о топографическом размещении разновременных ям на раскопанной части поселения. Оно соответствует особенностям общей заселенности останца, прослеженной по материалам по-

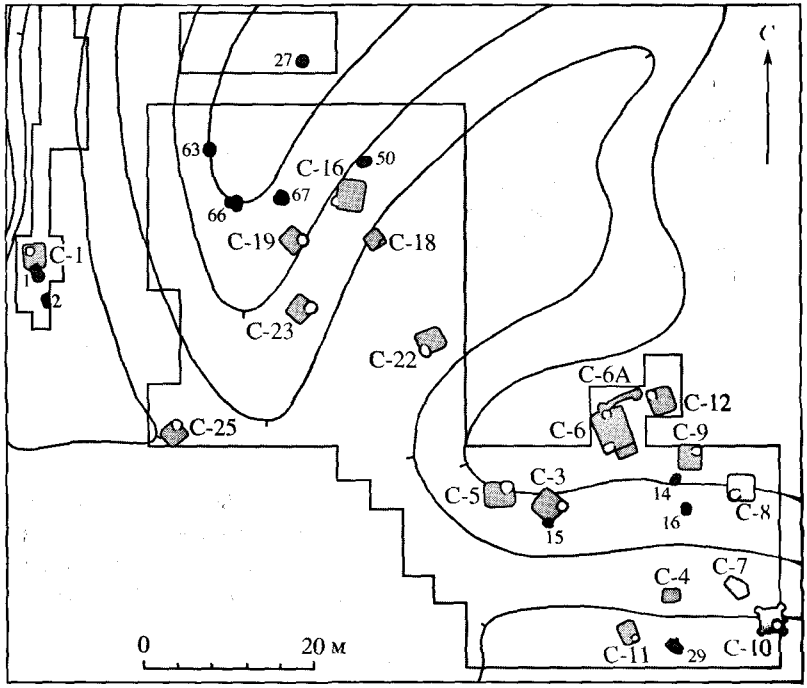


Рис. 55. Соотношение древнерусских хозяйственных ям с жилыми постройками

строек. И здесь наиболее поздние сооружения занимали свободные места по краям открытого поселения (яма 6 – на северо-восточном краю, а яма 1 – на крайнем западе). В то же время более ранние ямы группировались двумя скоплениями на востоке и северо-западе раскопа, тяготея к возвышенным участкам надпойменного останца.

Не исключено, что массовое отсутствие комплексного размещения хозяйственных котлованов вокруг жилых построек можно отнести к ряду отличий данной поселенческой застройки. Да и в целом котлованов хозяйственного назначения было выявлено слишком немного. Вероятно, этот феномен отчасти может быть объяснен близким выходом к поверхности грунтовых вод; в случае справедливости этого толкования, хозяйственные углубления могли быть полезными лишь в наиболее засушливые периоды жизни поселения.

Переходя к анализу материала из наиболее насыщенных керамикой хозяйственных ям, необходимо отметить целый ряд его существенных типологических изменений. Так, в незначительном количестве на Самсоновом Острове встречались обломки сосудов, которые были типологически близки керамике предмонгольского периода, но значительно худшего качества: более толстостенные, иногда растрескавшиеся, с более толстым

черепком. В профилировке подобной посуды утрачено былое изящество, сменившееся огрублением форм или крайне неаккуратным, "дрожащим" абрисом. Подобные материалы соответствуют сложившемуся в литературе представлению о посуде, встречающейся в Среднем Поднепровье на памятниках второй половины XIII–XIV в. (*Кучера*, 1969. С. 180, 181; *Беляева*, 1979).

Наряду с этим в гончарном комплексе хозяйственных ям С-2 и С-6 наблюдается появление типологически ранее неизвестных артефактов.

К примеру, в заполнении вскрытой в 1972 г. ямы 2, частично прорезавшей котлован постройки С-1, среди более ранних материалов был найден развал округлобокого гончарного сосуда с нависающим над шейкой клювовидным оплывом массивного короткого венчика (рис. 54, *9*) (*Пескова*, 1978. С. 90, рис. 2, *8*). Судя по многочисленным аналогиям с поселения Азаричи, появление подобных форм происходило на ранних стадиях ордынского владычества (*Беляева, Кубишев*, 1995. С. 60, 62, 78–81).

Очень своеобразен керамический комплекс (рис. 54, *11*) из сильно разрушенной рекультивацией ямы С-6. Около половины найденной здесь посуды типологически близко уже упоминавшимся выше формам, встречаемым на пепелищах монголо-татарского нашествия (*Іванченко, Орлов*, 1986. С. 7, 9–11). Другая часть комплекса представлена сосудами с "гвоздевидными" в сечении, нависающими над шейкой завершениями венчиков, а также с короткими и массивными клювовидными оплывами по их внешнему краю. Подобные образцы хорошо известны на памятниках второй половины XIII–XIV в. (*Кучера*, 1969. С. 180, 181).

В свое время на примере киевского Подола было показано, что при подобном сосуществовании датирующими возможностями для культурного слоя обладает керамика с новым типом венчика, а не доживающие формы (*Толочко*, 1981. С. 301). Таким образом, формирование комплекса ямы С-6 отодвигается за пределы домонгольского времени.

В гончарной коллекции из постройки С-9 в одном случае нависание венчика над шейкой приобрело очертания округлого Р-образного манжета с резким переломом венчика наружу и прямым абрисом внутренней стороны венчика. В другом случае крайне слабо расчлененные плечико и венчик снабжены массивными малопрофилированными наплывами или непрапорционально утолщенный венчик сверху резко раздвоен (рис. 56).

Из верхней части заполнения постройки С-16 происходит фрагмент округлобокого сосуда со слабо выраженной шейкой и очень коротким и массивным венчиком. В постройке С-25 был найден горшок с резко отогнутым наружу и карнизно нависающим над шейкой венчиком; тулово было сформовано из неаккуратно прилепленных сегментов.

Все вышеперечисленные элементы моделироввания сосудов плодотворно развивались после середины XIII в. (*Кучера*, 1969).

В большинстве перечисленных случаев материалы монгольского времени, несомненно, попали в заполнение жилых сооружений из вышележащих

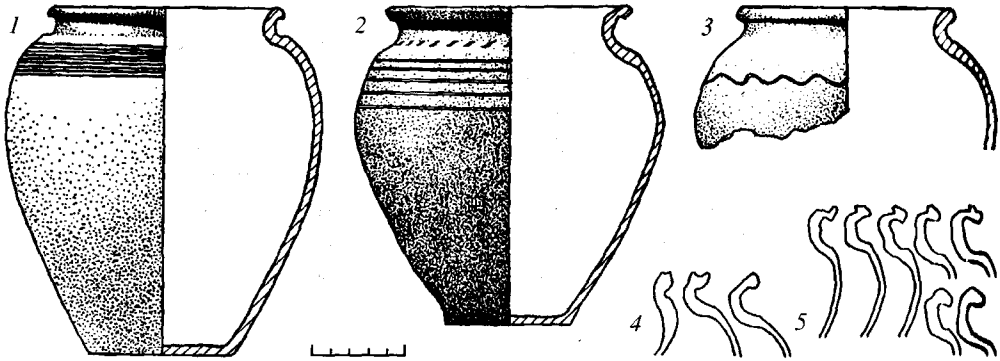


Рис. 56. Керамика монгольского времени
1 – из ямы С-1; *2* – из постройки С-25; *3* – из постройки С-16; *4* – из ямы 6; *5* – из постройки С-9

и за их скудостью не прослеженных нами напластований. Достоверно более поздними сооружениями являются ямы С-2 и С-6, о чем свидетельствует характер их заполнения.

Подобных материалов на нашем поселении крайне мало. В качестве количественного сравнения можно привести следующий факт: если для характеристики предшествующих этапов жизнедеятельности поселения приходилось таблично освещать весьма незначительный процент от всей найденной керамики, то на рис. 54 и 56 остатки посуды ордынского времени представлены практически полностью. К этому списку можно добавить и часть внекомплексных индивидуальных находок, которые имели длительный период бытования с выходом их верхнего предела использования за рамки домонгольского времени. К сожалению, количественные характеристики этих предметов учету не поддаются.

Итак, представленные выше немногочисленные находки в общих чертах позволяют обрисовать и финальный этап жизни Сампсониева Острова. Несомненно, мы имеем здесь следы пожаров, в огне которых сгорела часть жилых построек. И все же, было бы преждевременно связывать их с катастрофой середины XIII в.: судя по интенсивности воздействия огня, пожары носили скорее локальный характер, типичный для поселений с деревянной застройкой. Нет следов мощного пожарища и на территории городища. Правда, верхние части оборонительного вала были снивелированы в последние десятилетия, но и в подобных условиях следы осады и гибели крепости не могли исчезнуть бесследно.

В процессе сплошного обследования рядовых укреплений Посулья уже отмечалось отсутствие массовых следов насильственного завоевания. Даже такая значительная и хорошо защищенная крепость, как Снепород, была оставлена населением заблаговременно (*Моргунов*, 1998. С. 100). Очевидно, похожую судьбу разделил и Сампсониев Остров: в связи с появлением в южнорусских степях монголо-татар, противника не в пример более

могущественного, чем привычные для русского пограничья половцы, подавляющее большинство поселенцев заблаговременно ушло отсюда и предпочло укрыться в более защищенных природными условиями местах, вдали от наезженной степной дороги.

Итак, судя по найденным в процессе раскопок материалам, с приближением монголо-татарской опасности подавляющая часть населения покинула Самсониев Остров. В свою очередь, незначительная доля поселян, возможно, не решилась оставить свою землю и доживала век среди пепелищ и заброшенных домов. С другой стороны, с падением общерусской границы этот речной брод мог утратить свое значение, ведь всего в трех километрах размещался куда более удобный Синецкий переход через реку. Поэтому нет ничего странного в том, что вскоре после нашествия прятавшаяся среди болот часть местных жителей могла вернуться на зарастающее травами и деревьями некогда значительное поселение.

Распространение внекомплексных индивидуальных находок

Помимо остатков жилых и хозяйственных построек, а также неопределимых в функциональном отношении ям, в культурном слое открытого поселения было встречено значительное количество находок, которые не имеют непосредственной топографической связи с конкретными жилищно-хозяйственными комплексами. Слишком длительное бытование этих предметов не позволяет соотнести их и с конкретным временем заселения надпойменного останца. Тем не менее, есть определенный смысл хотя бы вкратце обрисовать состав и топографию размещения этих изделий, выявить их скопления и возможные соотношения с уже известными постройками (более подробному анализу этих изделий будет отведено место в разделе о ремесленном производстве и предметах быта).

Количество подобных находок исчисляется несколькими десятками и численно оно сопоставимо с объемом артефактов, встреченных в жилых и хозяйственных комплексах. В большинстве случаев они найдены в десятисантиметровом интервале гумусированного чернозема, расположенного над верхней кромкой предматерикового слоя, или непосредственно поверх предматерика. Небольшое количество изделий известно и из последнего слоя, но следов специальных, срезавших предматерик подчисток не прослежено, поэтому это явление скорее связано с деятельностью животных-землероев и их норами.

Из общего числа найденного материала количественно преобладает, естественно, керамика. Второе место занимают изделия из черного металла: больше всего ножей, неоднократно встречены обломки серпов, элементы удил и наконечники стрел. Как и следовало ожидать, многочисленны оселки из мелкозернистых сланцев и шиферные пряслица, попадались и необработанные обломки овручского шифера различных цветов – от ро-

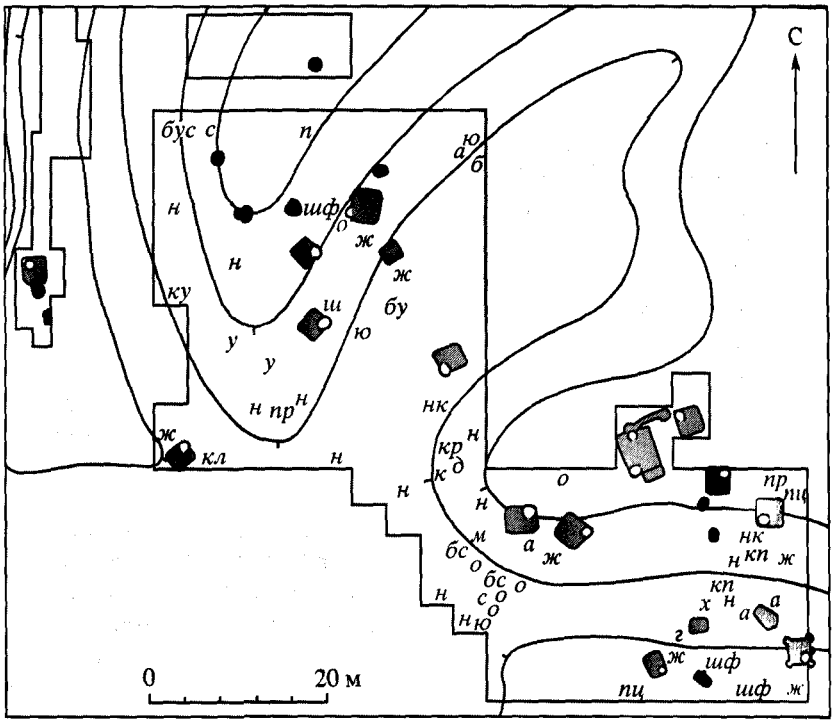


Рис. 57. Распределение внекомплексных находок с широкими датировками

а – крупные фрагменты амфор; *б* – бритва; *бс* – браслеты стеклянные; *бус* – бусина; *бл* – булавка; *г* – гончарный сосуд; *д* – дужка от ведра; *ж* – обломки жерновов; *к* – кольцо медное; *кл* – ключи железные; *кп* – керамическое пряслице; *ку* – кольца от удил; *кр* – кресало; *м* – миска гончарная; *н* – ножи железные; *нк* – наконечники стрел; *о* – оселки; *п* – петля дверная; *пр* – пряжка лировидная; *пц* – пряслица шиферные; *с* – обломки серпов; *у* – звенья удил; *ш* – шило железное; *шф* – куски шифера; *ж* – 2 обломка жерновов с гончарным сосудом; *ю* – обломки и заготовки юрков

зового до вишневого. Среди костяных изделий преобладают обломки юрков и их заготовки.

Следы оригинальной бытовой ситуации были прослежены рядом с хозяйственной постройкой С-4. Здесь лежащий на поверхности предматерика целый гончарный сосуд был разбит ударами двух половинок жерновов (оба – верхние элементы от разных мельничных поставов). Остатки этой акции сохранились in situ. В другом случае, в раскопе 5, на внешнем склоне рва были обнаружены лежавшие кучей раздробленные обломки сводов и пода печи: очевидно, после ремонта отопительного сооружения в ров сбросили ненужные остатки старого очага.

Представление о распространении наиболее характерных категорий внекомплексных находок дает планиграфия их размещения на исследованной площади, где различные обозначения соответствуют отдельным категориям изделий (рис. 57).

Картограмма показывает, что за достаточно редким исключением распространение внекомплексных находок подчинялось тем же закономерностям заселения останца, которые были прослежены на примере построек. Их подавляющее большинство было утеряно или выброшено на более возвышенных участках останца и группировалось двумя большими зонами: восточной и северо-западной. На территории восточной зоны прослеживается также более активное выпадение изделий по обеим сторонам незастроенной полосы, ориентированной от въезда на городище в сторону самой высокой точки останца.

Другое наблюдение затрагивает прослеживаемые на картограмме группы концентрации находок, территориально не связанные с известными по раскопкам постройками. Подобные скопления встречены в центральной части раскопа 3, на стыке раскопов 5 и 7, а менее представительные – и в других местах.

Сопоставив это явление с явно недостаточным количеством очень неглубоких хозяйственных ям и построек на поселении, застроенном в условиях невысокой надпойменной террасы, можно предположить, что указанные скопления являются следами или непрослеженных наземных сооружений, или легких построек, остатки которых могли оказаться смытыми в эпоху климатической регрессии. Вероятнее всего, что подобные постройки имели хозяйственное назначение. Об этом говорит небольшое количество артефактов, составлявших подобные скопления, а также отсутствие вблизи них следов "внекомплексных" печей. Как известно, в процессе раскопок культурных напластований с черноземовидным наполнением, с их трудно различимой стратиграфией, от непрослеженных наземных жилых сооружений нередко фиксируются лишь "плавающие" в слое печи в окружении индивидуальных находок.

На хозяйственный характер скоплений в какой-то мере указывает и ассортимент встреченных там вещей. Так, в середине раскопа 3 в радиусе 4 м найдено 2 ножа, 2 пряслица, изготовленных из стенок гончарных сосудов, амфорные стенки и наконечник стрелы. В южной части раскопа 5 недалеко друг от друга располагалось 2 оселка, нож, обломки серпа и юрка. В северо-восточном углу раскопа 6 почти рядом находились амфорная стенка, складная бритва и заготовка юрка. В западной половине раскопа 6, на пологом склоне возвышения, скопление представляли 2 ножа, звено удил и наконечник стрелы. В аналогичных условиях, на стыке раскопов 7 и 5, вблизи двух ножей встречены дужка от ведра, кресало и медное кольцо круглого сечения.

В целом из перечисленных находок, пожалуй, только заготовка юрка могла бы объективно зафиксировать производственный характер помещения, поскольку перечисленные наборы инвентаря обычны и для жилых, и для хозяйственных построек. Тем не менее, в глаза бросается существенное отличие этих скоплений от жилищных комплексов: в них повсеместно отсутствовали аномально увеличенные (по сравнению с обычным для культурного слоя) отложения керамики. Другими словами, если здесь и были постройки, то они не были предназначены ни для приготовления, ни для употребления пищи.

Материальная и духовная культура обитателей поселения

Эта часть работы отводится анализу всех полученных археологическим путем материалов полевых исследований Сампсониева Острова. Выше уже приходилось хотя бы вскользь касаться большинства неизбежно возникающих в процессе раскопок вопросов интерпретации вскрытых объектов и вещевого материала: нам представляется, что в силу специфики полевых исследований именно большинство сиюминутных наблюдений позже ложится в основу источниковедческой системы, предлагаемой читателям для обсуждения и оценки итогов работы.

Особенности домостроительства Сампсониева Острова

Среди полученных в процессе раскопок древнерусских материалов определенный интерес представляют остатки 21 жилой и четырех хозяйственных построек, имеющих неглубокие котлованы различной величины, конфигурации и ориентации относительно сторон света (табл. 4). В хронологическом аспекте их возведение охватывало широкий период с рубежа X–XI вв. по первую половину XIII в. включительно. Незначительная мощность неперемешанного культурного слоя на данном памятнике не всегда позволяла исчерпывающе проследить стратиграфические детали поверху углубленных котлованов, что, конечно, сказалось на качестве интерпретации материалов раскопок. Отчасти этот досадный пробел компенсировался хорошей читаемостью заполнения самих котлованов, где в большинстве случаев достаточно подробно прослеживались затеки, слои разрушения, пожарища, междуэтажные перекрытия и т.д.

Переходя к обзору отдельных параметров сооружений, необходимо отметить, что на данном памятнике самой стабильной величиной является глубина котлованов. В среднем она равна 0,4–0,5 м с незначительными отклонениями в обе стороны (табл. 5). Предпринятые попытки корреляции

Таблица 5

Котлованы построек и их оснащение

№	Назначение постройки	Котлован			Количество столбовых ям	Количество столбовых вырезов
		Размеры, м	Площадь, м^2	Глубина, м		
С-1	Жилая	3 × 2,8	8,4	0,2	1	
С-2	"	3,4 × 3,2	10,9	0,4	1	
С-3	"	3,7 × 3,2	11,2	0,5		
С-4	Хозяйственная	2,7 × 2,2	6	0,4		
С-5	Жилая	4 × 3,4	13,6	0,4	1	
С-6	"	4,7 × 4,2	19,9	0,5	9	
С-7	"	4,1 × 2,9	7,7	0,4		
С-8	"	4,1 × 3,8	15,6	0,7	2	
С-9	"	3,3 × 2,9	9,6	0,4	1	
С-10	"	3,3 × 3,1	10,2	0,3	4	5
С-11	"	2,6 × 2,3	6	0,7	4	1
С-12	"	3,3 × 2,8	9,2	0,4		
Г-14	"	4,4 × 3,5	14,9	0,2		
С-16	"	4 × 3,3	13	0,6		
Г-17	"	3,2 × 2,9	9,2	0,5		
С-18	"	2,5 × 1,8	4,9	0,5		
С-19	"	2,9 × 2,8	8,1	0,6	2	
Г-20	Хозяйственная	3,2 × 1,7	4,9	0,5		
Г-21	"	2,8 × 1,5	3,6	0,4		
С-22	Жилая	3,4 × 2,9	9,5	0,5		
С-23	"	2,8 × 2,6	7,3	0,5		
Г-24	"	3,9 × 2,8	8,6	0,7		
С-25	"	2,9 × 2,5	9	0,5		
Я 29	Хозяйственная	2,6 × 1,5	4,4	0,5		

Примечание: вне пределов этой таблицы осталась хозяйственная постройка С-6А, не сохранившая достаточно четко выраженного котлована.

глубин котлованов со временем создания построек или с их размерами успеха не имели.

С одной стороны, в какой-то мере такое постоянство может быть связано с топографическими особенностями памятника, занимавшего часть невысокого надпойменного всхолмления среди некогда сильно заболоченной поймы. Высокое стояние подпочвенных вод не позволяло поселенцам создавать

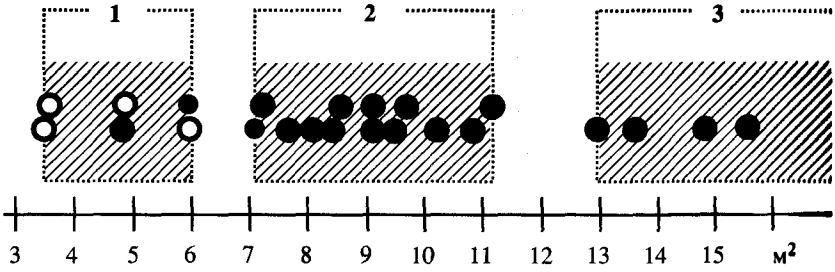


Рис. 58. Диаграмма площадей котлованов без постройки С-6 (кружками без заливки показаны хозяйственные постройки)

глубокие и сухие искусственные углубления в материке. С другой стороны, здесь повсеместно прослежено необычное залегание подстилающих слоев. Именно на этой глубине, под верхним материковым песком, на Сампсониевом Острове повсеместно размещается нетолстый геологический слой плотного желтовато-коричневого суглинка, который наиболее пригоден служить твердым полом для углубленных жилых построек. И все же подобное толкование кажется не вполне объективным при сравнении Сампсониева Острова с другими памятниками, размещавшимися в иных топографических условиях, где аналогичную степень углубления жилых котлованов нельзя объяснить ни почвенно-гидрологическими условиями, ни наличием ленточных материковых пород различной плотности. В этой связи любопытно мнение местного населения, единодушно связывавшего "стандартную" глубину котлованов со среднестатистическим уровнем промерзания почв.

Наибольшим колебаниям подвержены планиметрические размеры углубленных частей построек. Чтобы увидеть реальную картину этих колебаний, на горизонтальной оси диаграммы разместим математические размеры площадей изучаемых котлованов (рис. 58). Вне графика площадей из соображений его компактности осталась постройка С-6: ее остатки – исключительно большие для этого ряда, и о ней речь пойдет отдельно.

Как показывает диаграмма, все котлованы распределились на три основные количественно и качественно неравноценные группы, разделенные ощутимыми по продолжительности лакунами, что говорит о неслучайности первоначального замысла древних строителей.

Группа 1 объединила 6 наименьших по площади котлованов, размерами от 3,5 до 6,0 м². Четыре незалитых на диаграмме кружка представляют остатки хозяйственных построек (С-4, Г-20, Г-21, Я 29). Эти объекты не содержали остатков отопительных сооружений, в их котлованах встречено крайне мало археологических материалов. Несколько сложнее ситуация с остатками жилых построек этой группы (С-11 и С-18), имеющих площади соответственно 6,0 и 4,9 м². Если считать площадь наземных частей этих построек равной углубленным котлованам, то представить себе возможность проживания людей в подобных сооружениях очень трудно.

Забегая вперед, следует отметить, что стратиграфия и особенности интерьера этих построек заставляют вывести их из разряда наименьших. Позже мы остановимся на этих объектах подробнее, а сейчас важно констатировать, что группа наименьших по площади сооружений объединяет фактически только остатки хозяйственных построек.

Группа 2 состоит из 13 котлованов площадью от 7,1 до 11,2 м², причем наибольшая плотность концентрации наблюдается в промежутке между 7,1 и 9,6 м² (С-1, С-2, С-3, С-7, С-9, С-10, С-12, Г-17, С-19, С-22, С-23, Г-24, С-25). Вероятно, к этой же группе относились и упоминавшиеся выше жилые сооружения С-11 и С-18.

Группа 3. Котлованы этой группы наиболее разнообразны по размерам. Площадь углубленных частей колеблется от 13 до 20 м² (С-5, С-6, С-8, Г-14, С-16). Построек такого размера насчитывается в 3 раза меньше, чем малых. На первый взгляд, малочисленность объектов и относительно большие размеры сооружений этой группы могли бы свидетельствовать о более высоком имущественном положении ее владельцев. Тем не менее, инвентарь этих сооружений не отличается особым богатством или разнообразием. Сказанное не относится только к самой большой постройке С-6, которая по величине и сложности конструкции, по составу и обилию встреченного в ней инвентаря, представляет для данного памятника исключительное явление.

Форма котлованов в плане в подавляющем большинстве случаев прямоугольная или прямоугольная с различной степенью приближения к квадрату.

По ориентации котлованы делятся на два типа: сторонами или углами по сторонам света (в ряде случаев с отклонениями, которые принято считать сезонными). Достаточного количества фактов для достоверной интерпретации различной ориентации грунтовых углублений на данном памятнике нет. Доступные наблюдения свидетельствуют лишь о том, что из 15 котлованов средних размеров по сторонам света было ориентировано 66,6% объектов, из пяти сооружений больших размеров углами по сторонам света ориентировано лишь одно. В хронологическом плане для второй половины XII в. наблюдается двойное преобладание широтной ориентации над угловой, а для первой половины XIII в. оно уже имеет подавляющее превосходство.

На дне девяти котлованов вдоль их внутреннего периметра было расчищено от одной до четырех округлых столбовых ям обычных размеров; часть из них размещалась по углам сооружений, некоторые – на небольшом расстоянии от середины боковых сторон (рис. 59). В двух случаях (С-10 и С-11) столбы помещались в специальные выемки, вырезанные в углах или по- середине сторон котлованов. Отметим, что полный "комплект" из четырех подобных строительных деталей, занимавших все 4 угла котлована, зафиксирован только в одном случае (С-10). Но и здесь не во всех выемках находились столбовые ямы. Их явно недостаточно для создания каркаса несущей столбовой конструкции (для размещения выступающих "остатков" срубных венцов величина угловых выемок слишком мала).

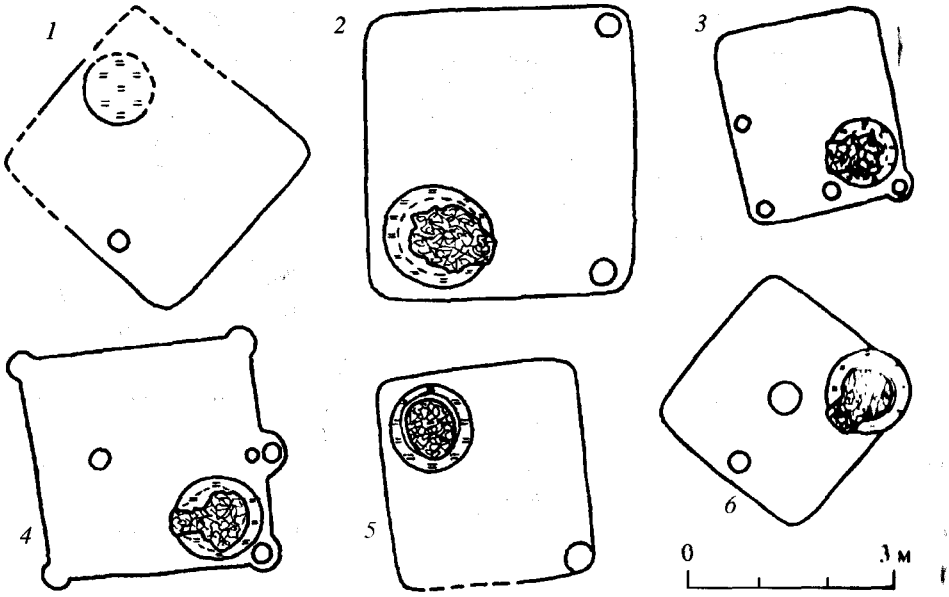


Рис. 59. Размещение столбовых ям в котлованах построек
1 – С-2; *2* – С-8; *3* – С-11; *4* – С-10; *5* – С-1; *6* – С-19

Внутреннее оснащение котлованов достаточно однообразно. В первую очередь, в отличие от хозяйственных сооружений, подавляющее большинство углублений жилых построек было снабжено хорошо сохранившимися остатками глинобитных полусферических печей.

По форме и размерам печи представлены двумя типами. В пяти случаях это небольшие (внешний диаметр 0,9–1,0 м) отопительные устройства круглой в плане формы. Двенадцать других – более крупные, в плане они имеют форму овала, а их внешние размеры от 1,4 × 1,2 м до 1,8 × 1,7 м. Промежуточное положение занимает лишь овальная печь из постройки Г-17; ее раз-

Таблица 6

Соотношение печи и дна котлована; количество подов

Устройство печи	Малая печь	Большая печь
Вылеплена на полу	С-1; С-2; С-9	С-5; С-8; С-10; Г-14; С-19; С-22; С-25
Поверх подушки или на останце	С-11	С-3; С-12; С-25
Один под	С-9; С-2	С-8; С-10; С-16
Несколько подов	С-1; С-11	С-3; С-5; С-12; Г-14; С-19; С-22; С-23; С-25

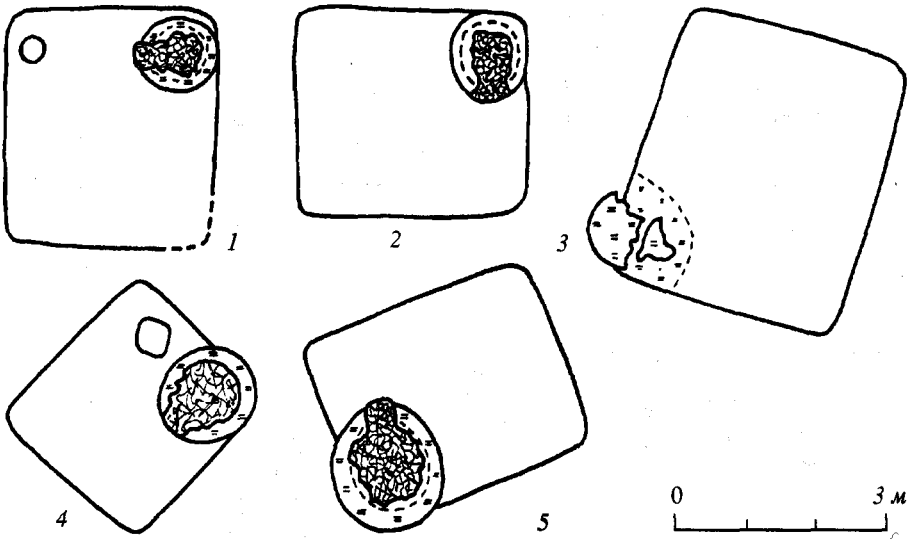


Рис. 60. Взаимосвязь отопительных устройств с земляными стенками котлованов построек
1, 2 – соприкосновение печей с вертикальными стенками (С-9, Г-7); *3* – размещение печи на расчищенном краю котлована (С-16); *4, 5* – врезка краев печей в стенки (С-23, С-22)

меры 1,25 × 1,1 м. Особняком стоит и двухкамерная постройка С-6: в ее котловане размещалось по одной печи обоих типов.

Определенный намек на различный характер использования неодинаковых печей прослеживается только в постройке С-6. Здесь маленькая круглая печь была одноподовая и крайне низкого качества, а большая овальная отличалась мастерством изготовления и содержала три вымощенных керамикой пода. Это наводит на осторожное предположение, что данная малая печь могла предназначаться скорее для обогрева, чем для приготовления пищи. А большая печь с уплотненным подом значительных размеров могла быть универсальной и использоваться как для готовки пищи, так и для производственных надобностей.

Анализ инвентаря из построек с небольшими отопительными устройствами как будто подтверждает подобное толкование. Сооружения С-1, С-2 и С-9 содержали всего одну-две находки бытового назначения (пряслице; нож и отдельные стенки амфор; 2 ножа и оселок). Немногим больше находок известно и из заполнения постройки С-11 (нож, оселок, железная пряжка, шило и керамическое пряслице). Только небольшое количество керамики было найдено и в котловане Г-17, где печь имела промежуточные размеры.

В то же время состав инвентаря из построек с большими печами был более разнообразен и богат. Он указывал на занятие его хозяев земледелием, ремеслами или на причастность их к воинскому делу. Большие печи сопровождали все котлованы больших размеров и большинство материковых углублений меньшей площади.

Таблица 7

Соотношение печей с котлованами разных размеров и их стенками

Котлован	Малая печь	Большая печь
Большой		С-5; С-8; Г-14; С-16
Малый	С-1; С-2; С-9; С-11	С-3; С-10; С-12; С-19; С-22; С-23; С-25
Отступя от стены	С-1; С-2; С-11	С-8; С-10
Вплотную к стенам, на их краю, врезан в стены	С-9	С-3; С-5; С-12; Г-14; С-16; С-19; С-22; С-23; С-25

В зависимости от расположения относительно стен построек все печи можно разделить на две группы (рис. 60). Количественно преобладающая часть печей была вылеплена на дне котлованов или вплотную к их стенкам (С-6, С-9), меньшая – в специально вырезанных в стенах выемках (С-3, С-5, С-12, Г-14, С-19, С-22, С-23, С-25). В одном случае (Г-17) отопительное устройство было помещено поверх специально вылепленной придонной суглинистой подушки. В другом (С-16) – половина печи размещалась на предварительно расчищенной поверхности предматерика на самом краю котлована, а половина как бы нависала над котлованом, опираясь на специально примазанную к его песчаной стенке суглинистую консоль.

Количественно меньшая часть печей была возведена непосредственно на дне котлованов, но в 10–20 см от вертикальных земляных стенок углублений (С-1, С-2, С-8, С-10, С-11). Это строительное решение теоретически допускает размещение между печью и земляной стеной котлована какой-то несущей деревянной конструкции.

Все печи, как круглые, так и овальные, имеют от одного до пяти подов, в которые в большинстве случаев вмазана для твердости специально раздробленная керамика. Этот прием не всегда был следствием последовательно чередовавшихся ремонтов отопительных сооружений. Напротив, на данном памятнике неоднократны примеры одновременного изготовления нескольких подов; в таких случаях керамика из выше- и нижележащих подов принадлежала одним и тем же сосудам, которые в процессе реставрации склеивались в единые формы.

Кроме отопительных сооружений, сохранившихся in situ, во многих котлованах были прослежены выразительные остатки печей, упавших с верхних ярусов построек и рассыпавшихся от удара. В одних случаях они сохранились в виде утолщающихся к середине мощных прослоек, значительно реже они имели вид достаточно монолитных скоплений. Скорее всего, характер скоплений напрямую зависел от высоты падения, но в любом случае среди этих остатков непременно прослеживались хорошо различимые

фрагменты сводов, подов и обломки керамики вторичного обжига из вымостки этих подов. Другим признаком рухнувшей сверху печи является размещение ее остатков поверх различимой прослойки, оставшейся от упавшего потолочного перекрытия.

На дне котлованов, несмотря на нередкие следы пожаров, ни разу не встречено остатков дощатого покрытия пола, что, впрочем, для лесостепи является привычной картиной. Чаще встречающаяся здесь подмазка полов была зафиксирована лишь однажды: в постройке С-9 материковый песок, неоднократно, до состояния плотной корки, подмазывался жидкой белой глиной, выходы которой в ближайших окрестностях памятника нам не известны.

Ни в одном котловане не были прослежены следы входа. Среди остатков построек крайне редко встречалась и глиняная обмазка. Всего несколько ее фрагментов было найдено в котловане хозяйственного сооружения Г-20. Выше дна котлованов обмазка в небольших количествах была обнаружена лишь в трех случаях: в сооружении С-10 она каким-то образом была связана с упавшим потолочным перекрытием. В лучше стратифицированных постройках С-6 и С-19 обмазка размещалась поверх потолочных засыпок и здесь она принципиально отличалась от остатков рухнувших вниз печей второго этажа. Наиболее крупные куски обмазки из постройки С-6 сохранили отпечатки обшивки неясного назначения, состоявшей из параллельных рядов нешироких и, видимо, тонких деревянных планок или досок. Таким образом, в жилом строительстве изучаемого поселения обмазка применялась исключительно для оборудования элементов интерьера верхнего этажа. Количественно фрагменты обмазки могут быть сопоставимы, к примеру, с объемом глины, необходимым для предохранения от огня внутренней поверхности печной трубы верхнего этажа, однако соответствующего нагара ни один обломок не содержал.

Раскопки на Сампсониевом Острове подтвердили привычную для исследователей картину домостроительства, весьма типичную для лесостепных регионов Древней Руси. Как обычно, для любых более или менее масштабных раскопок не является исключением и появление отдельных деталей древней техники и быта, не совсем точно вписывающихся в устоявшиеся исторические схемы: это объективно обусловлено неполнотой наших знаний о древних реалиях.

В этой связи особый интерес представляют конструкции углубленных в грунт построек и взаимоотношение полуземляночных жилищ с наземными. В свое время общепринятым было мнение, что любая достаточно углубленная в окружающий грунт южнорусская жилая постройка в древности являлась столбовой полуземлянкой с присущей ей теснотой и низким уровнем освещенности. Конструктивный смысл подобного жилища предполагал принципиальное уменьшение высоты надземных стен, что в условиях недостатка в лесоматериалах представлялось единственно разумным решением. Противовесом южнорусской техники выступали изукрашенные резьбой об-

ширные северные срубные постройки с подклетами и горницами. Полученная таким образом разница в основополагающих принципах домостроительства этнически близкого населения объяснялась исключительно историческими традициями патриархального крестьянского уклада.

Со временем в подобных представлениях наметились заметные сдвиги, особенно они проявились после выхода в свет монографического исследования П.А. Раппопорта, который, в частности, оговорил условность применения понятия "полуземлянка" к котлованам различной степени углубленности (1975. С. 116). К этому времени в литературе уже имелись отрывочные сведения о фактическом несоответствии размеров археологических котлованов наземным срубным довершениям некоторых построек в Среднем Поднепровье (там же. С. 127). Тем не менее, отсутствие развернутого объяснения этих наблюдений на многие годы сохранило в литературе представления о полуземляночном характере и каркасно-столбовой конструкции южнорусского жилья (там же. С. 116; *Раппопорт, Колчин, Борисевич*, 1985. С. 138).

Должного развития не получила и идея об условности применения термина "полуземлянка", что вызвало определенное несоответствие в отражении существовавших в древности реалий. Так, признавая для XII–XIII вв. широкое распространение наземных построек по всей территории Руси, исключительно "полуземляночными" были объявлены экономически наиболее развитые регионы Среднего Поднепровья – Киевщина, Переяславщина и Чернигово-Северские земли (*Раппопорт*, 1975. С. 127; *Раппопорт, Колчин, Борисевич*, 1985. С. 139, 140).

Версия о господстве здесь полуземлянок в 1978 г. была сильно поколеблена Г.В. Борисевичем, предложившим новые методические подходы к изучению остатков древнерусских построек. Исследователем было наглядно показано, что относительно неглубокие котлованы, ранее относимые к полуземлянкам, принадлежали к углубленной части наземных срубных сооружений, в большинстве представлявших собой аналог лучше известных северных наземных двухэтажных построек и сооружений на подклетах (*Борисевич*, 1978. С. 284, 286).

Последняя работа Г.В. Борисевича привела археологические источники в полное соответствие с мнением письменных, но внешне она не вызвала в литературе заметного резонанса. Тем не менее, ее основные выводы сыграли свою положительную роль. К примеру, исследователями было признано, что основная масса жилищ Верхнего Киева была наземной и, в большинстве случаев, двухэтажной (*Толочко*, 1980. С. 77). Наиболее яркие примеры срубного строительства были известны из раскопок Подола, а над неглубокими котлованами Верхнего города возводились столбовые (фахверковые) постройки. Еще более выразительным оказалось сопоставление основных элементов массовой застройки "полуземляночного" Верхнего города и срубного Подола (*Толочко*, 1981. С. 66–73, 76, 77). В последующие годы срубные наземные постройки и жилье на подклетах были исследованы на

обширных территориях киевского и черниговского Поднепровья (*Блажевич*, 1983. С. 102; *Петрашенко*, 1997. С. 126; *Козюба*, 1998; *Веремейчик*, 1996. С. 69; *Шекун, Веремейчик*, 1997. С. 71).

К настоящему времени сооружения с неглубокими земляными котлованами, кажется, уже никто не интерпретирует как остатки полуземлянок, не совсем ясен лишь их конструктивный характер, поскольку во многих случаях они сопровождаются различным количеством столбовых ям.

На переяславском Посулье наземные жилые постройки с незначительно углубленными котлованами в свое время раскапывались на размещенном высоко над уровнем поймы городище и посаде летописного Снепорода. Постройкам Сампсониева Острова, представляющего собой первую надпойменную террасу, также свойственны неглубокие котлованы. Существование одинаково мелких сооружений на памятниках, размещенных в различных гидрологических и почвенных условиях, указывает на вероятность того, что одинаково неглубокие котлованы присущи особому виду строительных объектов.

Определенная уверенность в формировании подобного представления сложилась при изучении остатков двухкамерной постройки С-6, которая представляла собой наиболее крупное по площади жилое сооружение с двумя печами и содержала в заполнении большое количество находок. Котлован этой постройки в плане незначительно, всего на 0,5 м, углублен в материк, имел подквадратную форму, размеры 4,7 × 4,2 м (площадь 19,9 м^2). Вокруг основного котлована были прослежены три насыщенных скопления и отдельные полосы древесного тлена от нижнего венца наземного сруба, который возводился отступя 0,3–0,5 м от краев материкового углубления. По этим остаткам сруб реконструируется как квадратное в плане сооружение со стороной 5 м, что соответствует двум великим саженям (4,98 м). Площадь получившейся в результате реконструкции фигуры равна 25 м^2, т.е. она на 25 % больше площади углубленного котлована (рис. 61).

Итак, постройка С-6 представляла собой наземное срубное жилище с углубленной на 0,5 м центральной частью, содержавшей одновременно два отопительных устройства. Этим особенности жилого сооружения не исчерпывались: стратиграфические наблюдения выявили в заполнении котлована остатки пожара со следами потолочного перекрытия, поверх которого прослеживались скопления обожженной глины. Примечательно, что среди этих скоплений хорошо различались как следы обмазки с отпечатками узких досок, так и фрагменты печины с опознаваемыми обломками третьей печи, очевидно, устроенной на верхнем этаже дома. Следы пожара, не содержавшие печины, стратиграфически перекрывали и остатки небольших сеней, пристроенных к сооружению с юга, и производственный комплекс (С-6А), размещавшийся к северу от постройки.

Аналогична ситуация и с постройкой С-10, где после пожара верхняя печь упала вниз и перекрыла стоявшее на дне котлована другое отопительное сооружение, а обгоревшие остатки потолочного перекрытия выходили

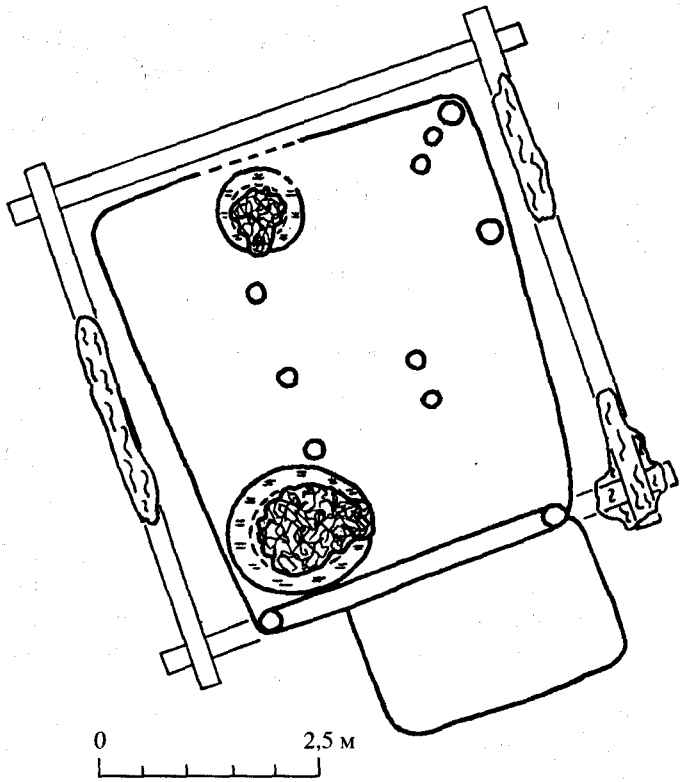


Рис. 61. Постройка С-6: реконструкция нижнего венца наземного сруба по скоплениям древесного тлена

за пределы углубленной в материк части. И в этом случае второй этаж мог опираться только на срубную конструкцию, вынесенную за пределы котлована. Две последние постройки можно считать двухэтажными, т.к. стационарными отопительными устройствами были снабжены оба жилых строительных яруса.

Возвращаясь к вычисленному выше 25-процентному соотношению между наземной и углубленной частями жилых сооружений, необходимо оговориться, что мы далеки от стремления диагностировать постоянную и реальную пропорциональность элементов наземных построек: оснований для этого слишком немного.

Тем не менее, с известными оговорками применение этого коэффициента может дать несколько более ясное представление о величине наземных срубов. Так, если вновь обратиться к котлованам средней размерной величины (площадь от 7,1 до 11,2 м^2), то применение коэффициента очертит возможные размеры срубов площадью от 8,9 до 14 м^2. Данные размеры построек вполне сопоставимы с размерами двух типов срубных клетей обоих

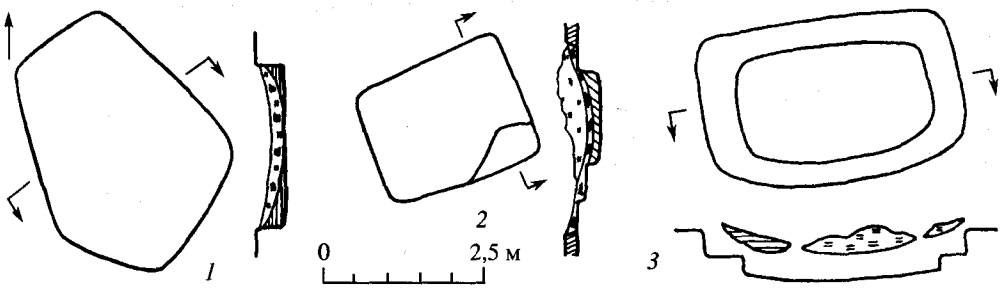


Рис. 62. Постройки с неотапливаемыми подклетами и упавшими с верхних ярусов печами
1 – С-7; *2* – С-18; *3* – Г-24

нительного вала городища Сампсониев Остров (9,7 и 13,7 м²). Близки они и к величине среднего однокамерного жилища Верхнего города в Киеве – 12 м² (*Гупало*, 1981. С. 111).

Для группы основного массива наибольших котлованов Сампсониева Острова, имеющих размеры от 13 до 15,6 м², применение гипотетической поправки покажет площадь от 16,3 до 19,5 м². Вероятно, совсем не случайно эти цифры близки размерам срубных клетей древнекиевского Подола второй половины XII в. (15–20 м²: *Сагайдак*, 1991. С. 121). За пределами вычислений размеров сооружений этой группы осталась постройка С-6 с площадью ее наземной срубной части (основной камеры) 25 м²: она необычайна для нашего сельского поселения и по иным признакам. Но неслучайность вычислений в какой-то мере подчеркивается ее соразмерностью с однокамерными срубными жилищами киевского Верхнего города (24,8–26,0 м²). Довольно близка к 25-процентному соотношению и разница в величине срубных построек обеих частей древнего Киева.

К сожалению, остатков построек с близкой к С-6 сохранностью на Сампсониевом Острове более не встречено, поэтому далее анализ раскопанных сооружений проводится под иным углом зрения.

В разных местах памятника были изучены три жилых сооружения без хорошо сохранившихся отопительных устройств (рис. 62). Котлован позднероменской постройки Г-24 был углублен на 0,7 м от уровня материка, а сооружения второй половины XII в. (С-7, С-18) – на 0,4 и 0,5 м. В плане сооружения имели различную форму, а размеры уже упоминавшейся среди группы наименьших котлованов постройки С-18 насчитывали всего 4,9 м². Все три постройки объединены общим стратиграфическим признаком, это следы потолочных перекрытий, несущие многочисленные остатки разрушившихся от падения сверху отопительных устройств. В котловане С-7 печина рассыпалась почти равномерно по всей площади углубления, в других случаях она сохранилась в виде более или менее толстых подушек, но во всех трех случаях прогнутые к середине дна котлована линзы потолочного перекрытия выходили далеко за пределы углубленной части построек.

Полное отсутствие в котлованах и около них каких-либо следов столбовых опорных конструкций показывает, что перед нами остатки срубных наземных построек с холодным (хозяйственным?) подклетом и обогреваемым жилым вторым ярусом.

Выход следов сгоревших потолочных перекрытий за пределы котлована, равно как и удручающе скромные размеры некоторых углубленных частей (к примеру, С-18), показывают, что действительные размеры жилого наземного сруба на самом деле были более значительными, чем углубленные в материк котлованы, ранее интерпретировавшиеся как "полуземлянки". В действительности это – остатки наземных построек, в подклетах которых для различных хозяйственных нужд население устраивало углубления разного рода, форм и размеров. Пример подобного углубления подклетов в Карелии приводился Г.В. Борисевичем (1978. С. 286).

Двухъярусные постройки на холодных поклетах на территории лесостепного Левобережья Днепра периодически встречались еще на роменских памятниках финальной фазы существования этой культуры (*Григорьев*, 2000. С. 95, 100), а в поздние времена они известны вплоть до XVII–XVIII вв. (*Чижикова*, 1988. С. 72, 88).

Вышеприведенные наблюдения могут объяснить сложившееся в литературе представление о разнице в размерах срубных наземных северных построек и якобы менее обширных южных "полуземлянок".

Итак, на данный момент установлено, что на Сампсониевом Острове из 20 жилых построек со слабо углубленными материковыми котлованами по стратиграфическим показателям достоверно наземный характер с двухъярусным вертикальным членением и срубной конструкцией стен имели 5 объектов изучения. Следовательно, техника создания многоэтажных жилых построек не являлась прерогативой крупных городов, а практиковалась и на скромных сельских поселениях.

В определении конструкции иных построек положительный интерес содержит и характер сочетания отопительных устройств со стенками углубленных котлованов.

Известно, что соображения противопожарной безопасности не допускают непосредственного соприкосновения печей с деревянными стенами жилья. Следовательно, для размещения несущих стеновых конструкций внутри котлованов необходимо наличие определенного зазора между печами и земляными стенками углубленной части сооружения. В силу этого, было бы логичным представление о том, что в случаях непосредственной конструктивной связи отопительных устройств с земляными стенками котлованов несущие стены постройки должны были выноситься за пределы углубленной части сооружения.

Выше уже были показаны три варианта подобной тесной взаимосвязи: а) печи вплотную соприкасались с земляными стенками (С-6, С-9, Г-17); б) печи были врезаны в стенки (С-3, С-5, С-12, Г-14, С-19, С-22, С-23, С-25); в) печь устраивалась на верхнем краю котлована (С-16). Таким образом,

ввиду отсутствия следов внутреннего (в котлованах) и внешнего столбового каркаса подобное размещение отопительных сооружений может отражать исключительно наземное и срубное устройство еще десяти жилых построек с углубленными в материк котлованами.

Для выяснения особенностей домостроительства немаловажен и вопрос о наличии в постройках столбовых ям: когда-то именно с неглубокими котлованами связывалось представление о столбовых несущих конструкциях (*Толочко*, 1972. С. 118). Позже мнение о решительном преобладании в Южной Руси "полуземлянок со столбовой конструкцией стен" стало общепринятым (*Раппопорт, Колчин, Борисевич*, 1985. С.140). Подобное толкование предполагает наличие в котлованах четырех (по углам) или восьми (включая середины боковых сторон) столбовых ям. А в действительности нередко приходится сталкиваться с "некомплектом" столбовых пар и отсутствием значительных следов глиняной обмазки в подобных жилищах (как известно, непромазанные каркасно-столбовые конструкции плохо держат тепло).

Рассмотрим практику применения несущих столбов в постройках Сампсониева Острова.

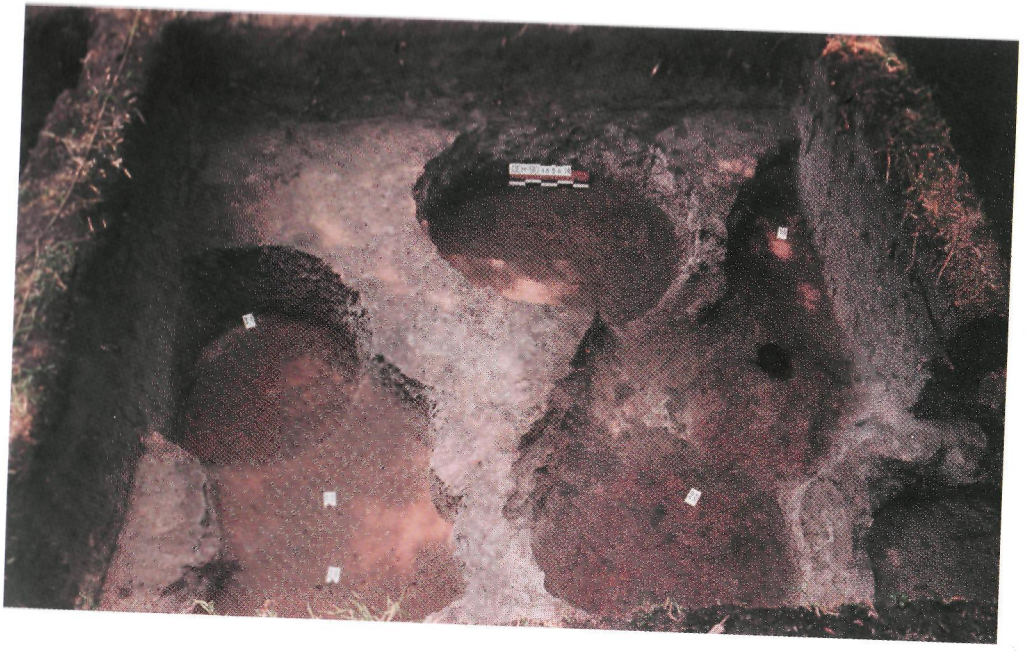
В уже упоминавшейся выше постройке С-6 пятью близкими по размерам углублениями были маркированы две продольные осевые линии опорных столбов, поддерживавших середину обширного потолочного перекрытия. В южной части котлована еще одна пара столбов скрепляла горизонтально лежавшее бревно на границе теплого помещения с сенями. Это конструктивное звено в нижней части служило частью облицовки земляного котлована, а на дневной поверхности оно сменялось нижним венцом несущей срубной стены. Неясной осталась функциональная нагрузка еще двух столбовых ям, помещенных в северный угол и двух около восточной стены земляного котлована.

С одной стороны, эти ямы было бы привычным связать с внутренней каркасно-столбовой конструкцией жилища, тем более, что большая площадь углубленной части сооружения вполне позволяла устроить несущие стены внутри котлована. С другой стороны, выше уже было установлено существование для этой постройки наземного деревянного сруба. В то же время "некомплектные" столбовые элементы были физически не приспособлены для опорной нагрузки, а имели какое-то иное назначение. Очевидно, это именно тот случай, когда вынесенные за пределы котлована наземные срубные стены сочетаются с каркасно-столбовыми элементами подпорной облицовки полуметровых земляных стенок углубленного котлована (*Борисевич*, 1978. С. 284). Южная, торцовая, стенка котлована была закреплена бревнами наиболее прочно, поскольку входной порог подвергался дополнительным нагрузкам, а по иным стенкам облицовка или делалась менее аккуратно, или предполагала менее прочную конструкцию, сохранившуюся лишь частично.

Абстрагируясь от вариантов с единичными опорами, которые могут оказаться и случайностью, рассмотрим примеры котлованов с несколькими

Раскопки на площадке городища Сампсониев Остров

Остатки постройки С-9



Раннеславянские хозяйственные ямы

Псалии и удила

Украшения и предметы быта

Изделия из железа

Жернова

Наконечники стрел и петля от колчана

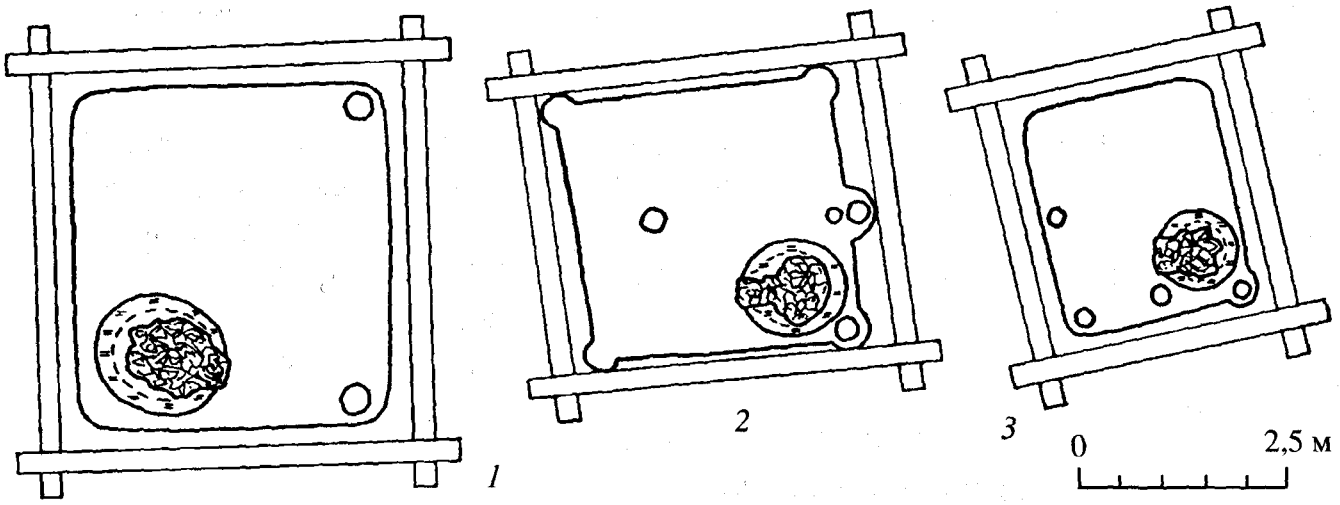


Рис. 63. Наземные постройки с углубленными котлованами, столбовыми ямами и гипотетически реконструированными срубами
1 – С-8; *2* – С-10; *3* – С-11

столбовыми ямами. Таковых на Сампсониевом Острове встречено немного, это остатки построек С-8, С-10 и С-11 (рис. 63).

Во всех трех случаях угловых и пристенных столбовых ям мало для создания прочной несущей конструкции. Конечно, в единичных примерах в условиях черноземовидного культурного слоя, пронизанного обилием кротовин, невозможно полностью исключить вероятность существования в древности несколько большего, чем прослежено, количества несущих столбов. Но в данном случае, и при отсутствии глиняной обмазки, явление приобретает симптоматичный характер.

Не соответствуют представлению о столбовой конструкции и размеры (6 м^2) котлована постройки С-11. Его слишком незначительная площадь, еще более уменьшавшаяся в случае размещения внутри него опорной конструкции, никак не допускала бы интерпретации этой постройки в качестве стационарного жилья.

В ином примере котлован постройки С-10, содержавший аналогичные столбовые ямы, сохранил остатки потолочного перекрытия и обломки упавшей сверху второй печи: этот слой выходил за пределы углубленного котлована, следовательно, несущая конструкция размещалась вне его пределов. Думается, что аналогичным образом можно интерпретировать подавляющее большинство других случаев существования "некомплектных" столбовых ям в постройках с незначительно углубленными земляными котлованами.

В результате нашего толкования конструкций между несущей срубной стеной и краем котлована в интерьере неминуемо оставалась земляная ступенька. Аналогичные ступеньки-"лавки" хорошо известны на Левобережье в полуземлянках предшествующей Древней Руси роменской культуры. Подобные же приступки реже, но все же встречаются и в древнерусских углубленных постройках XII–XIII вв. Их высота здесь 20–40 см при ширине от 30 до 70 см (*Раппопорт, Колчин, Борисевич,* 1985, С. 140).

На Сампсониевом Острове наиболее реальными следами существования ступенек-лавок внутри срубных наземных жилых построек являются артефакты, найденные непосредственно на краях котлованов. Среди них в наибольшем количестве представлены оселки, ножи и наконечники стрел. Найдены также: развал гончарного сосуда, ключ, керамические пряслица, подпружное кольцо, обломок сошника, железной пластинки и даже череп лошади. Находки встречены при 10 постройках из 20, т.е. случайность, как это видно, исключена.

Все указанные предметы располагались узкой полосой вдоль края углубления: в восьми случаях эта полоса не превышала 10–30 см (С-3, С-7, С-8, С-9, С-12, С-22, С-23, С-25). По периметру постройки С-6 полоса расширялась до 50 см и точно соответствовала прослеженной по древесному тлену ширине промежутка между котлованом и нижним венцом сруба: в северной части объекта она была уже, чем в южной. И, наконец, вокруг котлована С-11, который, как мы видели выше, был слишком невелик для отражения реальных размеров постройки (6 м^2), краевая полоса достигала ширины 50 см. Добавление лишнего метра к линейным параметрам котлована этой постройки (по 50 см к ее каждому краю) в итоге давало вполне реальную площадь наземного сруба – 11,9 м^2, сопоставимую с величиной среднего однокамерного жилища Верхнего города в Киеве (*Гупало*, 1981. С. 111). Небезынтересно также, что 50-сантиметровая разница между размерами углубленной и наземной составляющих зафиксирована, к примеру, и в постройках средневековой Болгарии (*Балабанов*, 1988. С. 13).

Длительность традиции создания в жилищах ступенек-лавок прослеживается по этнографическим параллелям: одной из типичных деталей интерьера крестьянской избы XIX в. на изучаемой территории являлись деревянные лавки, установленные по периметру стен. Примечательно, что, несмотря на вполне транспортабельный материал, из которого они были изготовлены, их продолжали плотно прикреплять к стенам жилища (*Чижикова*, 1988. С. 109).

Между тем, отмеченная в постройке С-11 50-сантиметровая ступенька между облицовкой котлована и несущими срубными стенами своим существованием противоречит выведенному выше гипотетическому коэффициенту: при столь широком уступе площадь наземной части не на 25%, а вдвое больше площади котлована. Вероятно, это исключение можно связать со столь же исключительно небольшой площадью земляного заглубления. Задачи создания привычных условий жизни для обитателей постройки С-11 в данном случае потребовали и устройства более широкого зазора между углублением и срубными стенами.

В итоге нашего краткого анализа выяснилось, что из остатков 20 изученных построек 17 с достаточной степенью надежности были охарактеризованы как срубные наземные с незначительно углубленными в грунт котлованами, облицованными строительными конструкциями иного характера. Из оставшихся сооружений только два (С-2, С-8) с известными оговорками

могли иметь каркасно-столбовую конструкцию несущих стен: для этого они имели достаточные размеры (10,9 и 15,6 м²), отопительные устройства, не прилегавшие к стенкам земляных котлованов, в которых археологически прослежены, соответственно 1 и 2 столбовые ямы. С определенной долей вероятности в этот список можно было бы внести и остатки постройки С 1, сильно пострадавшей в процессе современной производственной деятельности, но площадь ее котлована (8,4 м²) все же не представляется нам достаточной для размещения внутри него несущих кровлю стен.

В целом домостроительство рядового сельского поселения Сампсониев Остров, расположенного на далекой степной окраине Переяславской земли, вероятно, должно отражать картину южно-русских строительных традиций второй половины XII – первой половины XIII в. В этом плане особый интерес представляет тот факт, что археологические остатки подавляющего большинства построек на проверку по различным признакам и их сочетаниям оказались наземными срубными жилыми сооружениями. Кроме того, из 20 жилых объектов два дома были двухэтажными, а три, в том числе и постройка позднероменского времени, были возведены на срубных неотапливаемых подклетах.

Близкая картина постепенно вырисовывается по всей территории Южной Руси, а ее кристаллизация напрямую связана с максимально кропотливым стратифицированием остатков жилых и хозяйственных сооружений.

В этом плане южнорусское домостроительство XII–XIII вв. практически ничем не отличалось от северного. К примеру, после кропотливого изучения для нас стали достаточно единообразными киевские постройки Подола и Верхнего города. Кажущееся различие в домостроительстве этнически единого населения оказалось обусловленным лишь консервирующими свойствами культурного слоя, связанными с почвенно-гидрологическими условиями, и только в значительно меньшей степени с различной возможностью обильного использования древесных стройматериалов.

По всей видимости, на протяжении домонгольского времени в Южной Руси действительно происходил переход от типичной роменской полуземлянки к наземным постройкам путем уменьшения глубины котлованов, устройства для них индивидуальной облицовки и выноса срубов за пределы углубленных частей жилых сооружений. А по материалам Сампсониева Острова получается, что к XII–XIII вв. наземные постройки количественно преобладали даже на глухих степных окраинах лесостепного Левобережья.

Земледелие и промыслы

Как известно, земледелие и связанные с ним промыслы занимали особо важное место в жизни древнерусского населения. В этом отношении природа щедро наделила обитателей Сампсониева Острова: невдалеке от поселения, на правом берегу Сулы, размещались обширные массивы

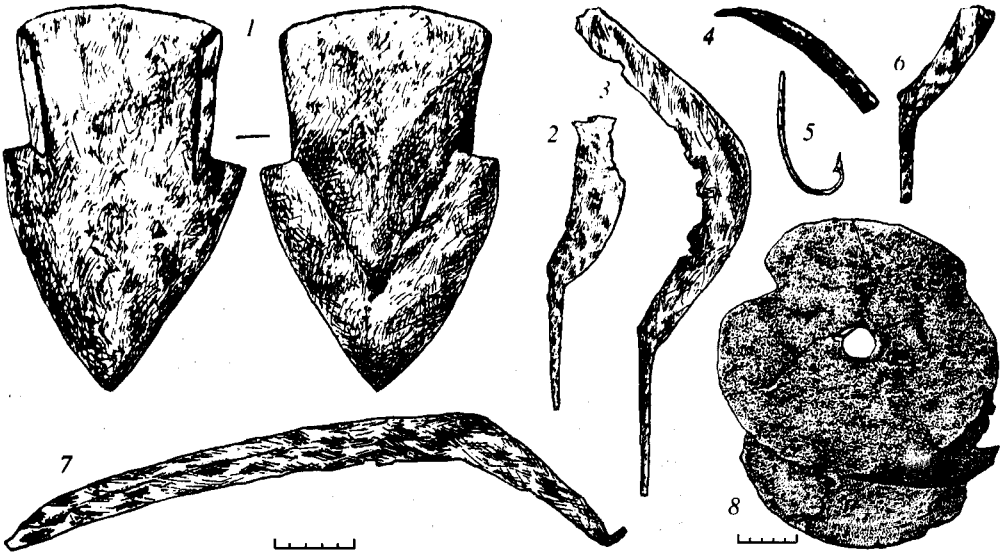


Рис. 64. Орудия, связанные с земледелием и промыслами
1 – сошник; *2–4, 6* – обломки серпов; *5* – рыболовный крючок; *7* – коса-горбуша; *8* – мельничный постав

плодородного чернозема, влажные пойменные угодья сулили изобилие покосов и удобство выпаса скота, в реке водилось много рыбы.

К сожалению, в нашем распоряжении не так много материалов для всестороннего освещения древнего земледелия и промыслов на данном поселении, но и того, что было получено в процессе раскопок, вполне достаточно для сложения вполне определенных представлений о значительной роли сельского хозяйства в жизни поселенцев (рис. 64).

Пахотные орудия представлены двумя железными сошниками. Один из них сохранился в целом виде: это мощный симметричный наконечник с плечиками, характерный для южнорусских земель; его длина более 22 см, ширина – 15 см. На лезвии лемеха хорошо видны две полосы наварок, откованных из кричного железа с повышенным содержанием фосфора. Подобные земледельческие орудия начиная с XII в. на юге Руси преобладали (*Чернецов,* 1976. С. 35).

Из орудий уборки урожая были найдены обломки пяти серпов. Насколько позволительно судить по лучше сохранившимся экземплярам, они также в большей степени тяготеют к южнорусским типам орудий подобного рода. Любезно проведенные В.И. Завьяловым металлографические исследования показали, что при изготовлении серпов применялись следующие технологические схемы: а) отковка из стальных заготовок с последующей термообработкой; б) наварка стального лезвия на основу из высокофосфорного железа с последующей закалкой и отпуском; в) изготовле-

ние лезвия из кричной заготовки с локальной цементацией и термообработкой (*Завьялов*, 2001. С. 92).

Непосредственно с обработкой полученного урожая связаны каменные ручные жернова. Их обломки и целые экземпляры представляют 23 единицы изделий; встречены и парные находки, составляющие мельничный постав. Диаметры дисков колеблются в пределах 47–50 см, отверстия имеют размеры от 3 до 6 см в диаметре. Среди жерновов имеются и тонкие, сильно сработанные, экземпляры, и более толстые, со слабо выраженными трассологическими следами. Кроме обычных плотных пород камня, для изготовления жерновов использовались даже мягкие известняки, а иногда и овручский шифер.

Две найденные на поселении косы-горбуши служили для заготовки сена при стойловом зимнем содержании домашнего скота. Найденный на городище целый экземпляр этого орудия имел длину 38 см, выраженный уступ перед отогнутым черешком и вершину дуги, расположенную в первой четверти длины клинка. Эти признаки относят данное изделие к южнорусским типам (*Левашова*, 1956. С. 87–91). Судя по результатам металлографических исследований, коса была изготовлена по технологии косой боковой наварки стального лезвия на железную основу. Затем изделие подверглось закалке с последующим высоким отпуском.

Единственный найденный в постройке 23 рыболовный крючок относится к довольно крупным экземплярам: несмотря на обломанную головку, его длина достигает 10 см. Столь небольшое количество рыболовных орудий, скорее всего, говорит о том, что в древности, как и сейчас, преобладала сетевая ловля рыбы.

К сожалению, о других промысловых занятиях обитателей Сампсониева Острова прямых свидетельств получить не посчастливилось. Конечно, можно было бы привлечь указания косвенные, такие, как широкий ассортимент наконечников стрел (некоторые из них вполне можно было применять для охоты на мелкого и среднего зверя) и т.д., но, думается, это было бы и единым. Приведенные выше артефакты, относящиеся к сельскому хозяйству и промыслам, составляют весьма заметную часть (13%) на фоне общего количества из двух с половиной сотен индивидуальных находок.

Ремесленное производство

Обработка железа и стали являлась основной отраслью древнерусского ремесла. О развитии железоделательного производства можно судить по остаткам горнов и мастерских, широкому ассортименту инструментария, находкам сырья, полуфабрикатов и отходов производства и, наконец, по самой продукции деревенских кузнецов.

На Сампсониевом Острове не было найдено большей части перечисленного. На городище это обусловлено незаселенностью основной части

щадки и незначительными размерами укрепления, а на поселении – размещением раскопов слишком близко от деревянных стен цитадели: как известно, в небольших населенных пунктах Руси мастерские и домницы, связанные с применением открытого огня, старались выносить на окраины поселений. Тем не менее, отрицать наличие собственного железоделательного производства и кузниц, не обнаруженных раскопками, не приходится.

На это указывают находки на открытом поселении измельченных кусков болотной руды, повсеместно встречающейся в пойме Сулы. В культурном слое нередки железные шлаки, встречен и обрубленный кусок ноздреватой овальной крицы. На существование кузницы указывают найденные в постройке С-6А большие клещи, следовательно, определенная часть поковок производилась непосредственно на месте. Клещи были откованы из кричной заготовки с крайне неравномерным зерном феррита. Металл сильно засорен шлаковыми включениями, но шлаки имеют вытянутую форму, что говорит о длительной проковке заготовки (*Завьялов,* 2001. С. 91,92).

Металлографические исследования изделий из черного металла также показали, что местные кузнецы в качестве основного материала для поковок применяли железо и сталь, причем железо большинства изделий мелко- и среднезернистое. Предметов, изготовленных на основе высокофосфорного железа в рассматриваемой коллекции значительно меньше, чем известно по северорусским памятникам. Особо примечательно использование высокофосфорного железа для наварных пластин лемехов. Все это говорит об ориентации местных кузнецов на южнорусские ремесленные традиции, для которых было характерно применение архаических технологических схем и, прежде всего, выковки предметов из цельнометаллических заготовок. Наряду с этим, на данных материалах прослежены, хотя и в меньших количествах, технологические схемы, более характерные для северных районов Древней Руси, что объективно свидетельствует о неоднородности населения этой пограничной крепости (там же. С. 96).

На местную обработку цветных металлов указывают два небольших фрагмента керамических льячек и несколько капель медных сплавов, обнаруженных в разных частях поселения. Очень немного найдено и самих изделий из меди и бронзы, что, вероятно, характерно для небольшого сельского поселения на далекой степной границе.

Значительно лучше представлены инструменты для деревообработки. Это и понятно: дерево было наиболее доступным материалом в обеспечении жизнедеятельности человека. Судя по раскопкам крепости, для возведения оборонительных стен использовалась наиболее прочная из местных пород – дуб, древесина которого к тому же является наиболее влагостойкой. Это качество также очень важно при строительстве укреплений, поскольку защитные срубы находятся в постоянном контакте с грунтовой забутовкой. В свою очередь, угли, найденных на пепелищах жилых построек, большей частью представлены лиственными породами.

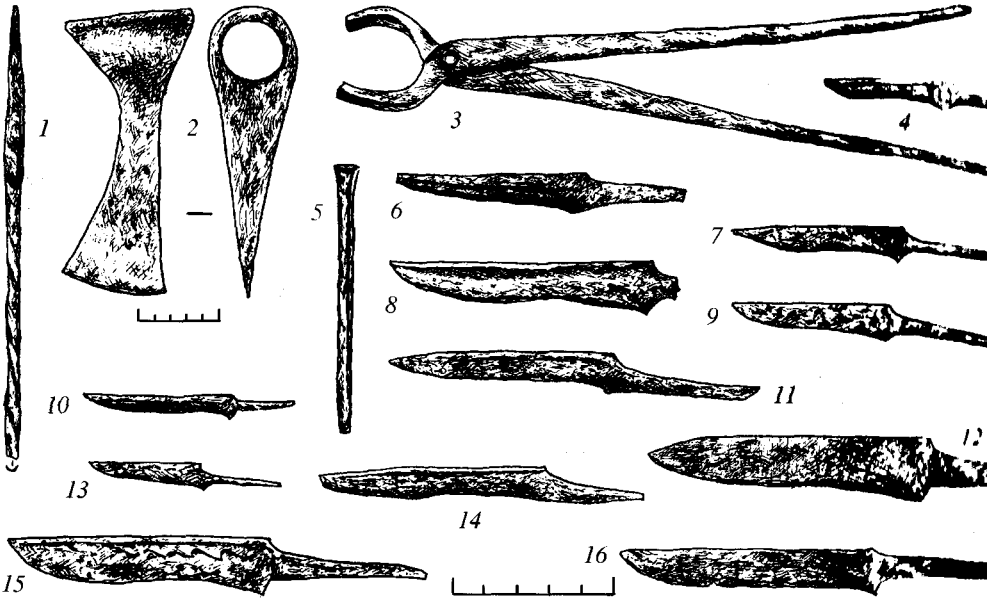


Рис. 65. Инструменты для железо- и деревообработки
1 – спиралевидное сверло; *2* – рабочий топор; *3* – кузнечные клещи; *5* – долото; *4*, *6–16* – универсальные ножи

В постройке С-25 было найдено спиралевидное сверло с расплющенным черенком. Его рабочий край перекручен и подвергся цементации с содержанием углерода 0,2–0,3%, а черенок сохранил ферритную структуру. Цельнометаллическое долото из ямы 173 на городище (рис. 65, *4*) отковано из высокоуглеродистой заготовки с последующей резкой закалкой. По классической технологической схеме изготовлен и массивный рабочий топор, найденный во рву городища. Его основа была сложена на оправке пополам и затем между концами заготовки было вставлено стальное лезвие. Окончательной операцией по улучшению рабочих качеств изделия послужила резкая закалка.

Все 44 целых и фрагментированных ножа относятся к категории универсальных орудий, переход от клинка к черенку у них выражен уступом со стороны спинки. Из 30 целых экземпляров подавляющее большинство имели лезвия длиной от 4,5 до 7,0 см и лишь единичные образцы достигали размера 8,0–10,0 см. Кроме того, 12 из 44 ножей были снабжены бороздками, размещенными ниже линии спинки, игравшими роль ребер жесткости; в основном, они отковывались на средних и крупных экземплярах. Обращает на себя внимание изделие с бороздкой, размещенной вдоль середины лезвия, как на современных штыках (рис. 65, *6*), а также очень высокой сохранности нож, орнаментированный вдоль лезвия волнистым орнаментом, близким к орнаментации керамической посуды (рис. 65, *15*).

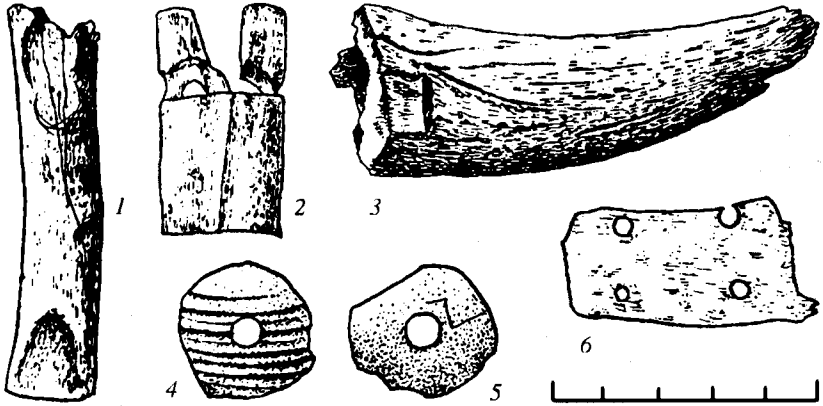


Рис. 66. Изделия и заготовки из кости, сверленые кружки из стенок сосудов

Технологически наиболее многочисленными оказались ножи, откованные из цельнометаллических железных и стальных заготовок с использованием как специально полученной стали, так и сырцовой, науглероженной неравномерно. При изготовлении ножей применялась также химико-термическая обработка лезвий и кузнечные наварки различных типов (там же. С. 89–91).

В связи с тем, что черный металл был основным сырьем для производства орудий труда, оружия и предметов быта, краткое описание технологии их производства будет продолжено в соответствующих абзацах и разделах.

Существование на поселении своих мастеров-костерезов зафиксировано находками незаконченных заготовок для кистеня и юрка, а также обрезками рогов (рис. 66). Встречены как опиленные концевые отростки рога лося и оленя, так и их основания со следами удаленных отростков. В целом изделий из кости на памятнике встречено очень мало. Они исчисляются единственным гребнем, обломком псалия, фрагментами двух неопределимых плоских накладок с отверстиями и тремя обломками юрков. Юрки изготавливались из полых костей и применялись для плетения крученых нитей.

Обработка камня, насколько можно судить по результатам раскопок, ограничивалась тремя наиболее актуальными для жизни поселенцев направлениями – изготовлением мельничных жерновов, оселков и шиферных пряслиц.

Местное изготовление жерновых дисков угадывается по характеру используемого минерала. Некоторые образцы изготовлены из известняков, слишком мягких, чтобы стать предметом торговли, встречен также фрагмент подобного изделия из слоистого овручского шифера вишневого цвета. Ручные точильные камни (оселки) изготавливались из тонкозернистых местных сланцев серого и черного цвета, встречены и шиферные; всего найдено 35 экземпляров. Более новые изделия имели форму брусков, но подав

ляющее большинство сильно сработаны, часто с узкими продольными бороздками от заточки таких тонких предметов, как иглы или наконечники стрел.

На местное изготовление таких известных приспособлений для прядения, как пряслица, указывают нередкие находки обломков овручского шифера различных цветов; в одном случае расслоившаяся сторона биконического изделия была подточена на месте и зашлифована. В целом пряслиц найдено немного, всего 11 экземпляров, одно из них было орнаментировано вертикальными и косыми насечками. Пряслица интересны тем, что диаметр их отверстий является достаточно точным хронологическим индикатором, что в последние годы было подтверждено в процессе раскопок киевского Подола.

Нередки на поселении керамические изделия округлой формы с отверстиями по центру; они более или менее грубо вытесаны из черепков от древнерусских гончарных сосудов (рис. 66, *4, 5*). Подобные предметы известны на многих домонгольских памятниках; сырьем для них служили черепки из плотного, хорошо отмученного теста с хорошим горновым обжигом, типичные для развитой гончарной керамики второй половины XII – первой половины XIII в. Значительная доля этих загадочных изделий была произведена из обломков орнаментированных плечиков сосудов.

В литературе бытует две параллельные версии интерпретации вероятного назначения этих предметов. Согласно одной из них, украшенные орнаментом кружочки могли служить своего рода пуговицами, пришивавшимися через край черепка к одежде. Другие исследователи предполагают, что это могла быть простейшая форма замены утяжелителя прядильного веретена из-за нехватки привозного шифера. Действительно, внешние размеры пряслиц и керамических кружков вполне соразмерны, а внутренние диаметры последних (4–6 мм) близки к размерам отверстий шиферных пряслиц первой половины XIII в. – 5,5–5,6 мм (*Розенфельдт*, 1964. С. 233, 234). И все же вопрос об интерпретации назначения этих изделий, вероятно, долек от окончательного разрешения, поскольку на многих памятниках оба вида артефактов встречаются параллельно. На Сампсониевом Острове подобных керамических кружков найдено более 20 экземпляров, но наряду с ними здесь встречено несколько кусков необработанного овручского шифера.

В наименьшем количестве на поселении представлена продукция стеклоделия. Она исчерпывается двумя обломками браслетов и бусиной глухого стекла. Несомненно, эти предметы привозные, не имеющие отношения к местному ремесленному производству.

Вышеприведенный обзор найденного инструментария и продукции ремесленного производства представляет Сампсониев Остров как поселение, но самодостаточное поселение, способное удовлетворить наиболее необходимые жизненные запросы его жителей. Вероятно, в чем-то оно дополнялась и близость "митрополичьего города" Синца с более развитой сырьевой и ремесленной базой, с лучше налаженными торговыми связями и инфраструктурой.

Гончарное дело

Керамическое производство является одним из основных видов производящих ремесел, обеспечивавшим наиболее насущные нужды населения. Гончарных горнов на данном поселении не найдено, тем не менее, в силу хрупкости гончарной продукции, нет сомнений, что большинство керамических форм были изготовлены на месте. На это указывают и несколько обломков деформированных сосудов с растрескавшейся поверхностью, относящихся к гончарному браку.

Выше уже неоднократно анализировались керамические материалы с точки зрения типологии верхних частей сосудов и их хронологии, поэтому в настоящем разделе будут приведены наблюдения только касательно ассортимента гончарной продукции, ее орнаментации и клеймения. Основу этих наблюдений составила небольшая серия из 19 археологически целых сосудов, в подавляющем большинстве происходящих из подов отопительных сооружений; по мере необходимости привлекались и фрагментированные керамические остатки.

Как известно, основным типом гончарной посуды XII–XIII вв. являлся усеченно-конический кухонный горшок с выпуклыми плечиками, хорошо выделенной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Подобных изделий на поселении известно 17 экземпляров различной величины.

Группа наиболее крупных сосудов имеет высоту от 26 до 30 см и диаметр венчика 19–20 см; она представлена двумя видами формовки.

Наиболее распространены сосуды со стройными пропорциями: их тулово имеет форму, близкую к геометрически конусовидной, высокие резко выгнутые плечики при широком горлышке и узком дне (рис. 67, *1*). Менее распространены на поселении горшки более плавных и округлых очертаний, с менее выделяющимися плечиками и более широким дном (рис. 67, *2*). Следующая, более многочисленная, группа сосудов при высоте 19–25 см в подавляющем большинстве имеет диаметр венчика 12–14 см. Выше прослеженные два вида формовки (рис. 67, *3*, *4*) в этой группе были дополнены округлобокими сосудами, тулово которых в разрезе представляет собой равномерно изогнутую дугу, близкую к геометрической (рис. 67, *12*).

Менее многочисленна группа небольших сосудов, высотой 13–14 см при диаметре венчика 6–10 см. Изделия этой группы соответствуют эталонам двух основных видов формовки (рис. 67, *5*, *10*), но изготовлены значительно аккуратнее, чем более крупные образцы; печной нагар на их внешних поверхностях отсутствует. Не исключено, что ими представлен набор столовой посуды.

Самый маленький горшочек, найденный в единственном экземпляре, при высоте 5,5 см имел диаметр венчика 6 см (рис. 67, *7*). Такие пропорции и незначительный объем сосуда наводят на предположение об использовании его для питья.

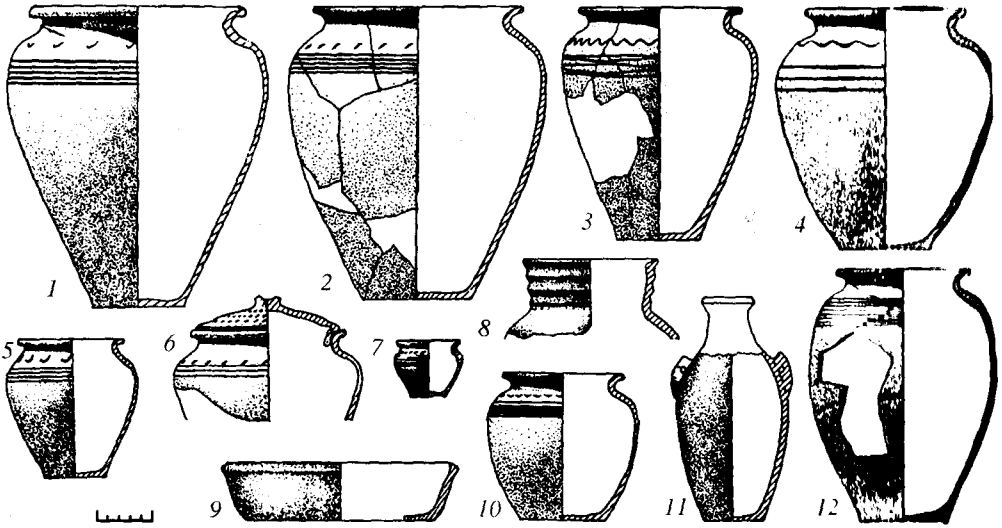


Рис. 67. Ассортимент керамических форм

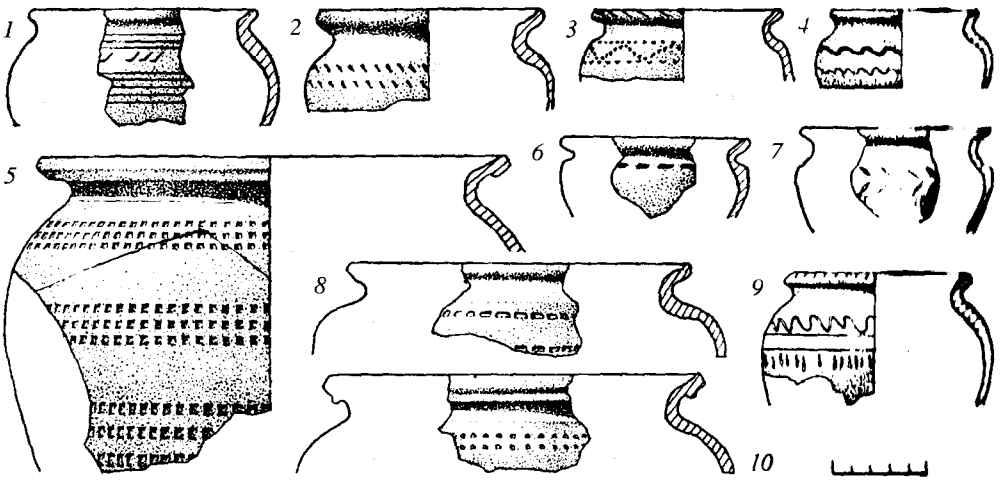


Рис. 68. Примеры нетрадиционной орнаментации керамики

Иные формы посуды представлены единичными экземплярами. Среди них – большая неорнаментированная миска высотой 6 см с диаметром венчика 23 см (рис. 67, *11*), а также значительная часть так называемой амфорки "киевского типа" (подобные изделия иногда также именуют "корчажками"). Ее отличает тулово бутылкообразной формы с парой налепных ушек и высокая горловина с расширением наверху. Особо примечательно наси-

кое качество теста и обжига этих сосудов, по крепости, пожалуй, не уступающих амфорам (рис. 67, *11*). Кроме этого сосуда в культурном слое периодически встречались и отвалившиеся от подобных изделий керамические ушки. В большинстве случаев такая посуда характерна для регионов, примыкающих к значительным городским центрам.

Очень нечасты на поселении обломки массивных кувшинов с вертикальными горлышками, снаружи покрытыми сплошным горизонтальным рифлением (рис. 67, *8*). Такие формы нетипичны для автохтонных славян: в литературе подобную керамику принято связывать с присутствием на памятнике переселенцев X–XII вв. из Польши (*Кучера*, 1986. С. 450; 1998. С. 162, 163), следы которых на укреплениях поречья Сулы не являются редкостью.

Кроме того, на поселении найдено несколько обломков орнаментированных крышек от сосудов. В одном случае (постройка С-2) крышка была обнаружена надетой непосредственно на венчик сосуда (рис. 67, *6*). В этой постройке была возможность проследить единственный на поселении случай, когда комплекс кухонной посуды был законсервирован в печи в результате неожиданного пожара, однако остатки сооружения в процессе газобуровых работ были сильно повреждены заливкой сюда современного бетона.

На протяжении существования поселения можно проследить и различия в стремлении населения к декорированию керамики. Так, на рубеже X–XI вв. и в начале XI в. орнаментировались немногие сосуды. К этому времени сократилась и площадь украшаемой поверхности изделия. Насколько можно судить по представляемой коллекции, в XII–XIII вв. традиции декорирования посуды, видимо, устоялись и орнаментировать стали плечики почти всех сосудов.

В подавляющем большинстве на Сампсониевом Острове доминировали обычные линейные, волнистые и ногтевые (семечковидные) орнаментальные мотивы, но в небольшом количестве, особенно в комплексах XIII в., прослеживались и некоторые попытки разнообразить внешний вид посуды. В большей степени это относится к примерам включения ногтевых элементов в рамку из линейных слагаемых, увеличения количества волнистых рядов, появления рядов из "каплевидных" форм (рис. 68, *1, 4, 9*). Иногда новые сочетания известной орнаментации, дополненные рядами зубчатых штампов и насечками по краю венчика, придают посуде даже некоторую парадность (рис. 68, *3, 7, 8*).

Отметим, что элементы штампованных орнаментов появились на Суле на керамике первой половины XI в. (т.е. "манжетовидной", но далеко не самой ранней). На данном памятнике они представлены параллельными рядами небольших, но очень аккуратных квадратных вдавлений зубчатым штампом и более мелких углублений в виде киотцев (рис. 68, *5, 10*).

На поселениях Нижней Сулы появление штампованной орнаментации на посуде первой половины XI в. связывается с притоком сюда западносла-

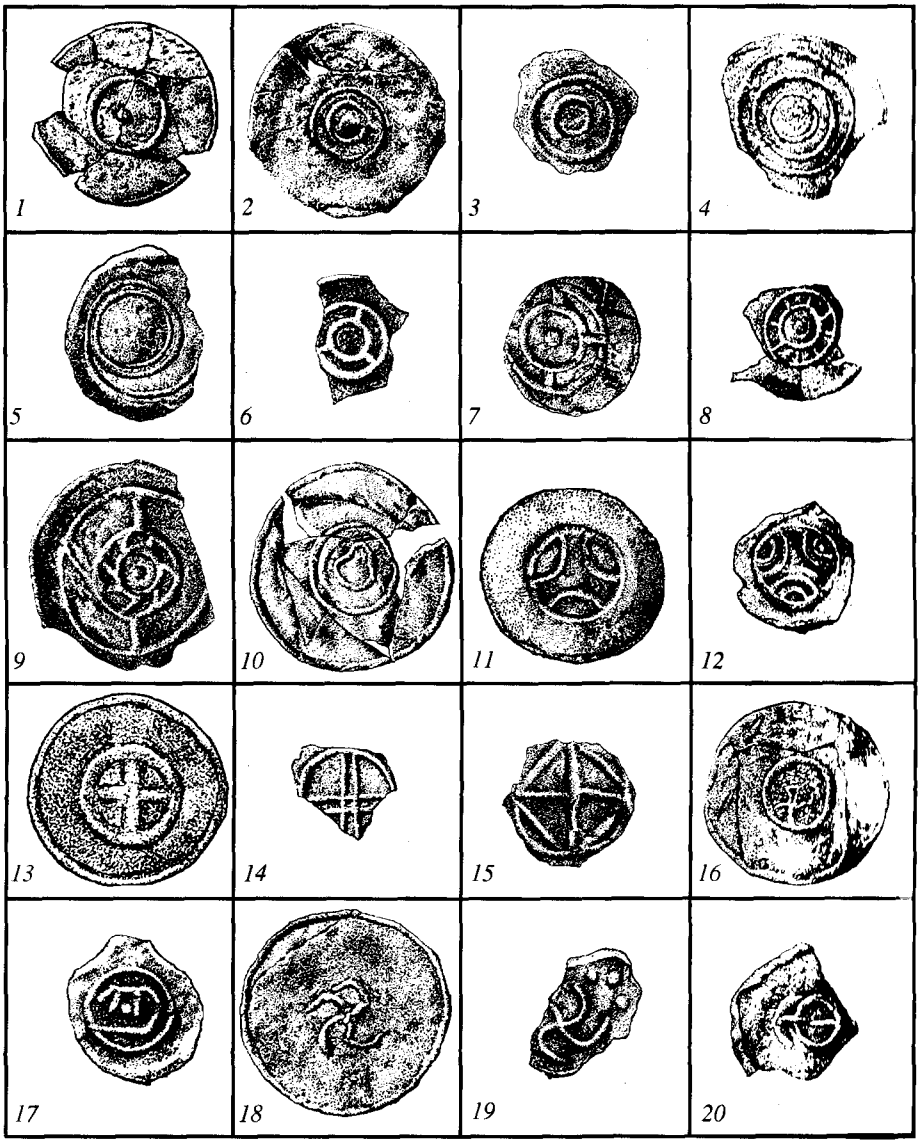


Рис. 69. Типы гончарных клейм

вянского населения (*Моргунов*, 1998. С. 49). Позже на Сампсониевом Острове стали применяться штампованные элементы и других очертаний (рис. 68, *2*, *6–8*).

Примечательно, что наиболее вычурно и нетрадиционно украшенные сосуды, судя по диаметрам их венчиков, относились к выделенной

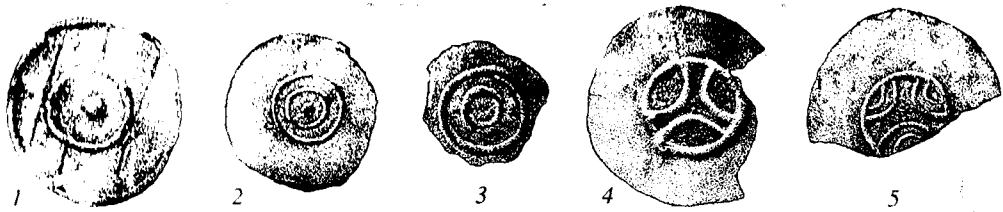


Рис. 70. Наиболее встречаемые изображения на гончарных клеймах

выше группе предметов столовой посуды, где, в частности, нашли свое место не встречаемые в других группах высокие миски (рис. 68, *6*, *7*). В какой-то мере такое представление объясняет и фрагментированность небольших сосудов. Действительно, все представленные выше формы кухонной посуды происходят из вымосток подов печей и были собраны из обломков в процессе их реставрации, в то время как из числа столовых в поде оказался только образец из постройки С-3 (рис. 67, *10*), прочие же равновеликие изделия в печи не вмазывались, поэтому и дошли до нас в виде фрагментов.

Гончарные клейма на донцах сосудов были представлены 50 экземплярами. Из имеющихся целых керамических форм не клеймились большая миска и амфорка киевского типа, а из 17 имеющихся горшков клейма были на семи изделиях. При сопоставлении таврованных сосудов разной величины оказалось, что клейма ставились почти исключительно на кухонной посуде средней и большой величины, где маркировали ровно половину всех горшков.

По очертаниям подавляющее большинство изображений типично и их элементы хорошо известны по другим древнерусским памятникам (рис. 69). Клейма представляли собой кругообразные (№ 1–12) и крестообразные (№ 13–16) фигуры в различных сочетаниях, "сегнерово колесо" (№ 18–19), а также неясные изображения (№ 17, 20). В количественном отношении три четверти клейм представлены единичными экземплярами, а одна четверть кругами с точкой посередине, концентрическими кругами, а также кругами, разделенными дугами меньшего диаметра на равные сегменты (рис. 70).

Территориально размещение керамики с клеймами не составляет каких-либо определенных ареалов или скоплений; не прослеживается и закономерностей в сочетании между собой различных изображений. В заполнении построек они также встречены достаточно хаотично: иные сооружения не содержали донцев с изображениями вовсе, а в других было найдено по нескольку различных клейм. Любопытно, что в наиболее богатом жилище С-6 было найдено 5 клейм, причем 3 из них были единичны (привезены из других мест?), а остальные относились к разным, но наиболее популярным на этом поселении.

Вооружение, снаряжение верхового коня

Особое место среди находок занимают предметы вооружения и снаряжения верхового коня. Анализ этой значительной группы изделий может помочь разобраться с социальными основами обороны поселения, имеющего явную сельскохозяйственную ориентацию. Другими словами, только этот материал может подсказать, имелись ли среди защитников крохотной крепостицы профессиональные воины, способные организовать оборону этого важного брода, или оборонительное сооружение служило лишь укрепленным сельским убежищем с опорой на необученное крестьянское ополчение.

Наиболее многочисленными из предметов вооружения оказались орудия дальнего боя – наконечники стрел. Это и понятно: долговременное оборонительное сооружение столь незначительных размеров не было рассчитано для содержания воинских сил, достаточных для контратак и рассеяния противника. Как известно по письменным источникам, легкая половецкая конница, основной потенциальный враг русского пограничного населения, за исключением единичных случаев, не ставила своей задачей захват русских крепостей. Поэтому, при условии хорошо защищенных от воздействия зажигательных стрел укреплений и достаточного количества оружия дальнего боя, защитники с успехом могли решать свои оборонительные задачи.

На поселении было найдено 14 экземпляров железных наконечников стрел (рис. 71). Ни одного изделия не встречено при раскопках оборонительных сооружений, 60% подобных предметов происходит из построек и хозяйственных ям поселения. Такое распределение артефактов ни в коем случае не может указывать на отсутствие вражеских нападений на поселение и крепость, поскольку после ухода нападавших столь ценные и хорошо заметные предметы вооружения, как стрелы, неизбежно собирались с целью их ремонта и вторичного использования. Очевидно, что в данном примере мы имеем дело с потерями наконечников как на стадии их производства, так и при хранении этих небольших изделий или их обустройстве древками, ушками и оперением.

Результаты металлографических исследований наконечников уточнили привычную для этого поселения технологическую схему их изготовления. Основная масса изделий была откована из железа или сырцовой стали (содержание углерода не превышает 0,2%). Три наконечника (рис. 71, *1*, *11*, *14*) после отковки подверглись дополнительной цементации. Тем не менее, заметное улучшение качества после этой операции прослежено лишь на изделии № 11: здесь на режущей кромке значительно повысилось содержание углерода и выросла микротвердость. Особым качеством изготовления отличался и срезень (рис. 71, *3*). Его основа была откована из сырцовой стали, а на режущий край с большим мастерством были наварены пластинки из высокоуглеродистой стали (*Завьялов*, 2001. С. 94).

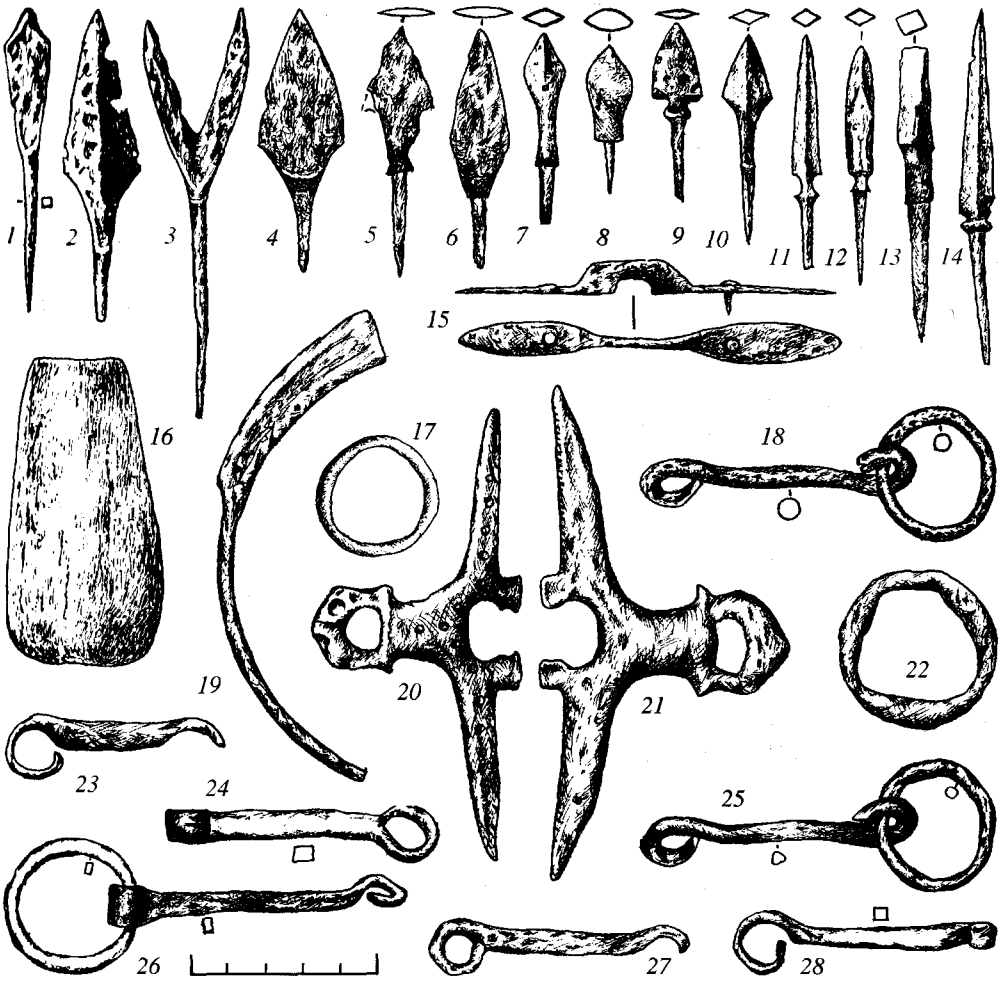


Рис. 71. Предметы вооружения и снаряжения верхового коня
1–14 – наконечники стрел; *15* – петля для колчана; *16* – заготовка рогового кистеня; *17, 22* – кольца от удил и оголовья; *18, 23–28* – фрагменты удил; *19* – обломок стремени; *20, 21* – псалии

Подавляющее большинство этих изделий имело боевое предназначение. Конечно, какая-то часть наконечников могла использоваться и на охоте на крупного зверя, но нельзя сбросить со счетов и то обстоятельство, что около половины орудий – бронебойные.

Плоские и широкие наконечники наиболее эффективно поражали незащищенного доспехами врага и коней, нанося широкие раны, вызывавшие обильное кровотечение. Найдено 4 таких изделия: клиновидный наконечник с прямыми сторонами и вогнутыми плечиками (рис. 71, *2*), ближайшие аналогии которого бытовали в X–XI вв. (*Медведев*, 1966. С. 67); ромбовид-

ный наконечник так называемого "новгородского" типа IX–XI вв. (тип 46; рис. 71, *4*), а также ромбовидный с упором и расширением в нижней трети пера (тип 40; рис. 71, *6*), использовавшийся в X–XIV вв. (там же. С. 67, 64, 65); ромбическое изделие с упором типа 32 (рис. 71, *5*), известное среди древностей второй половины XII – первой половины XIII в. (*Кирпичников, Медведев*, 1985. С. 352).

Большой проникающей способностью обладали и двурогие срезни с упором (тип 60, 3-й вариант; рис. 71, *3*), которые, судя по этнографическим параллелям, с XI до XIV в. иногда употреблялись и для стрельбы по водоплавающей птице (*Медведев*, 1966. С. 72; *Кирпичников, Медведев*, 1985, С. 314).

К легким вариантам наконечников относились треугольные типа 37 и ромбические без упора типа 47 (рис. 71, *1, 9*). Первые из них были широко распространены в XII–XIII вв., а вторые в Поднепровье чаще использовались с конца XI до XIV в. (*Медведев*, 1966. С. 68; *Кирпичников, Медведев*, 1985. С. 352).

Из утяжеленных наконечников своеобразен вариант ромбовидного с широким острием и пропорцией пера 1:2 (тип 53). Уплощенные виды подобных орудий были широко распространены среди кочевников в IX–XI вв. (*Медведев*, 1966. С. 70), но найденный в постройке С-6 экземпляр отличается особой массивностью: его сечение представляет собой толстую линзу с пропорцией 1:2 (рис. 71, *7*). Вероятно, это продукт местной попытки создания бронебойного оружия.

Видимо, необходимость в бронебойных стрелах была велика. В той же постройке встречено сразу два экземпляра изделий в виде кинжальчиков ромбического сечения с перехватом квадратного сечения типа 97 (рис. 71, *11, 14*), встречающихся среди древностей второй половины XI–XII в. (там же. С. 85). Столь же массивны орудия с боевой головкой ромбовидных очертаний ромбического сечения (тип 83) и ромбовидные с расширением в середине пера (тип 43). Первое изделие датируется XI в., а второе чаще применялось в XII – первой половине XIII в. (там же. С. 61, 66).

Завершают список бронебойных наконечников долотовидное типа 100 (рис. 71, *12*), применявшееся в середине XI – первой половине XIII в., и типа 97 (вариант 2) в виде кинжальчика ромбического сечения с перехватом (рис. 71, *13*), типичное для второй половины XI – XII в. (там же. С. 86, 85).

Непосредственное отношение к стрелам имел берестяной колчан; на поселении была найдена железная петля от него с двумя отверстиями (рис. 71, *15*), по количеству которых петлю можно датировать VIII–IX вв. (там же. 1966. С. 20).

В литературе принято мнение о применении кистеней для ближнего конного боя, а их изготовление связывают с городскими видами ремесел (*Кирпичников, Медведев*, 1985. С. 311). В постройке Г-20 была найдена роговая заготовка подобного оружия, датируемого концом X – второй половиной XII в., с недосверленным отверстием (рис. 71, *16*).

В заполнении постройки С-19 был обнаружен фрагмент железного стремени с боковым выступом и расширенной округлой подножкой, снабженной снаружи ребром жесткости в виде глубокой бороздки. Подобными стременами (тип IX) пользовались легковооруженные всадники в XII–XIII вв. (*Кирпичников*, 1973. С. 52).

В раскопе 5 на небольшом удалении друг от друга была найдена пара кованых железных псалий, известных как прямые "крылатые" (рис. 71, *20, 21*). Судя по различию в их орнаментации и величине, они не составляли единого гарнитура. Подобные изделия наиболее характерны для пограничных с половцами районов Южной Руси в XI–XII вв. (там же. С. 13, 16). В культурном слое городища был также встречен хорошо отполированный слабо изогнутый роговый отросток, обломанный по сквозному отверстию. По своим размерам и размещению отверстия больше всего он напоминает костяные псалии X в. (там же. Табл. IV).

Из большого количества трудно определимых по функциональной нагрузке железных колец 4 экземпляра могут быть атрибутированы как кольца от удил. Они имеют округлое сечение, диаметр 4–5 см. От иных аналогичных предметов их отличает особая сточенность изнутри трех противолежащих точек, что соответствует размещению трех равнооттягивающих эти кольца сил (удила – повод – оголовье) (рис. 71, *17, 22*).

Равным образом две полукруглые железные пряжки, очень прочные, но изготовленные не слишком аккуратно, скорее всего относились к подпружным (рис. 72, *20, 22*); ближайшие аналогии им датируются XII–XIII вв. (там же. С. 77).

Последняя, и самая многочисленная группа находок, связанных со снаряжением верхового коня, – двусоставные удила; от них было найдено 7 определимых фрагментов, представленных стержнями и стержнями с кольцами (рис. 71, *18, 23–28*). Петлевидные окончания стержней выгнуты как параллельно друг другу, так и развернуты в перпендикулярных плоскостях; сечение стержней имело квадратную, круглую и подтреугольную форму. К XII–XIII вв. степень стандартизации подобных изделий достигла такого уровня, что они составляли большинство находок этого рода (там же. С. 19).

Рассмотренные выше предметы вооружения и снаряжения верхового коня насчитывают 35 единиц и составляют, таким образом, 14% от всего комплекса полученных в результате раскопок индивидуальных находок. Это количество сопоставимо и даже несколько превышает объем найденных орудий сельскохозяйственного производства.

Среди вышеописанных находок процент профессионального воинского оружия и снаряжения весьма велик. Сюда относится, по крайней мере, около половины всех наконечников стрел, а именно их бронебойные модификации (легкие типы наконечников, даже относимые к боевым, были достаточно универсальными). Несомненно, только профессиональные воины использовали кистени, колчаны для стрел, а для взнуздывания боевого коня пользовались стременами и псалиями. К удилам сказанное относится, может быть, в

несколько меньшей степени, хотя вплоть до недавних времен сельское население лесостепного Левобережья Днепра при использовании верхового и тяглового скота традиционно предпочитало ременную конскую упряжь.

Таким образом, среди населения Сампсониева Острова существовал определенный процент профессиональных военных, которые были способны организовать отпор в случае приближения врага к переправе. По характеру вооружения это были легковооруженные всадники (кистень, стремена и псалии) и лучники (бронебойные наконечники стрел).

Предметы быта, изделия из цветных металлов, сведения о торговле и верованиях поселян

Значительную часть коллекции составляет бытовой инвентарь, употребляемый в каждом хозяйстве вне зависимости от производственной специализации его обитателей. Выше уже шла речь об универсальных ножах, оселках, шиферных пряслицах и юрках, которые встречаются в большинстве построек. То же относится к многочисленным образцам кованых гвоздей и к железным кольцам разных диаметров; конкретное применение этих предметов могло быть весьма разнообразным.

Цилиндрический замок с омедненным корпусом был найден в единственном числе при раскопках городища (рис. 72, *1*). По классификации Б.А. Колчина, он относился к типу В: подобные изделия бытовали со второй половины XII до XIV в. (1982. С. 160). Ключи представлены четырьмя целыми экземплярами и обломком верхнего завершения от пятого (рис. 72, *2–6*). Из них только один синхронен последней стадии существования поселения – это ключ к цельнометаллическому замку с засовом, передвигающимся ключом; подобные изделия появились в конце XIII в. (там же. С. 161). Другие изделия бытовали во время существования укрепления: стержневой ключ от цельнометаллического замка ларцов и сундуков относится к XII–XIII вв., а ключ от замка типа Б изготавливался с начала XII до XIV в. Несколько позже, в конце XII в., появились ключи и замки типа В (там же. С. 160, 162).

Непременными спутниками замков были железные пробои (рис. 72, *7*), петли и навесы, а на ларцы и сундуки для прочности и декоративности набивались железные накладки: на одной из них было прикреплено небольшое кольцо (рис. 72, *8, 9*).

Из трех калачевидных и одного овального короткого кресала два первых откованы из цельностальных заготовок с последующей термообработкой (рис. 72, *12, 14*). Два других были изготовлены по технологической схеме наварки стальной пластины на железную основу, в качестве которой было использовано высокофосфорное железо (рис. 72, *10, 13*). Калачевидные кресала с язычком бытовали с X до 70-х годов XII в., изделия с исчезающим язычком были характерны для конца XI – середины XIII в., а овальные – со

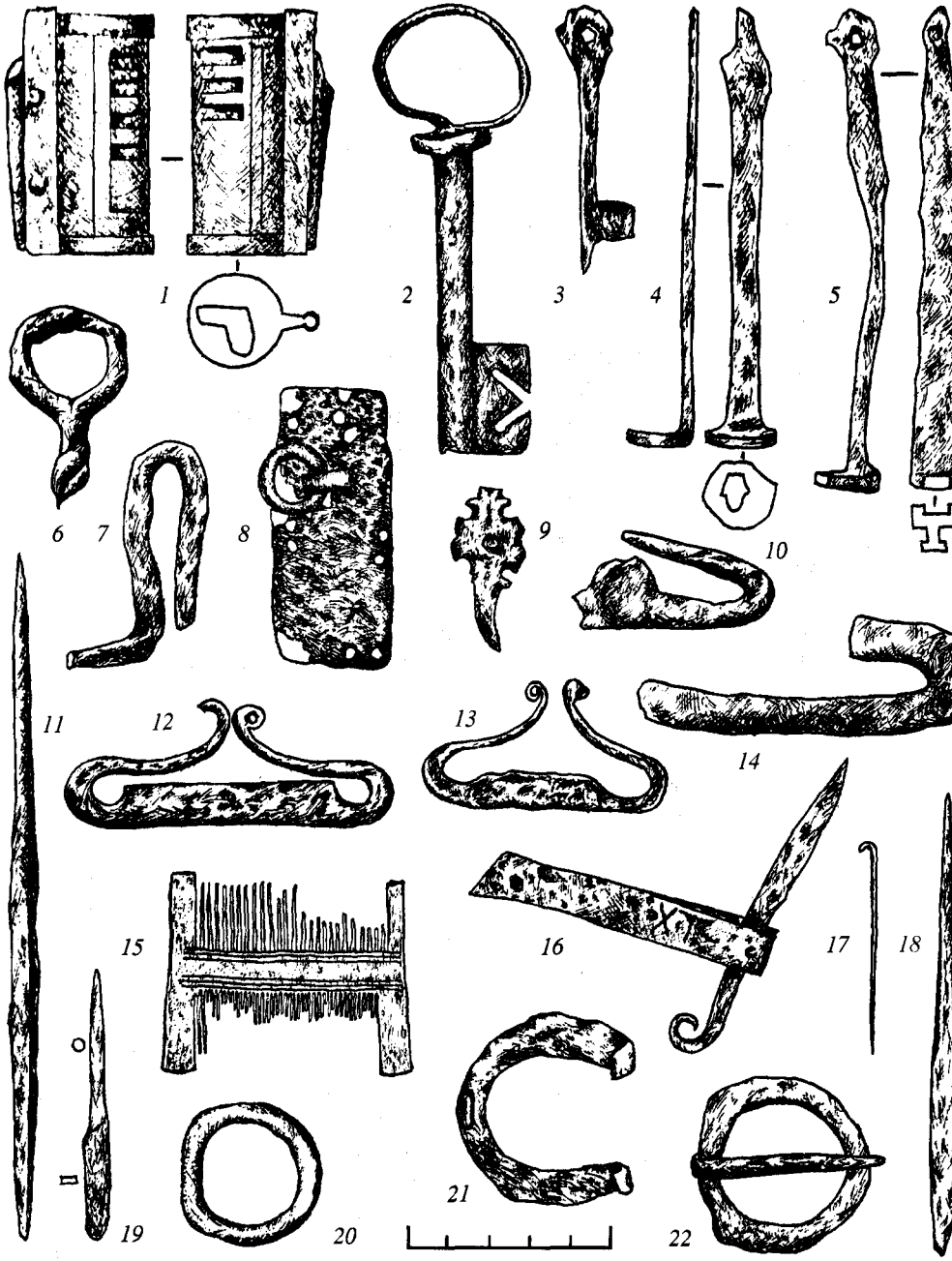


Рис. 72. Бытовой инвентарь

1 – замок; *2–6* – ключи; *7* – дверной пробой; *8, 9* – железные накладки; *10, 12–14* – кресала; *11, 18, 19* – железные шилья; *15* – костяной гребень; *16* – складная бритва, *17* – железная булавка; *20, 22* – подпружные пряжки; *21* – подковка для обуви

роткие хорошо известны среди древностей XIII – начала XV в. (*Завьял* 2001. С. 94; *Колчин*, 1982. С. 163).

Складная бритва была изготовлена по технологии косой наварки ста ного лезвия на железную основу. Содержание углерода на лезвии не прев шает 0,2%. Ковочные и сварочные работы проведены на невысоком уро не. На колодках с обеих сторон изделия размещены глубокие прямые и к сые насечки (рис. 72, *16*).

Железные шилья – найдено 7 экземпляров – имели округлое сечение р бочей части и подквадратное (или уплощенное) сечение черенка (рис. 72, *17, 18, 19*). В большинстве случаев их размеры колебались в пределах 6–11 с но встречено изделие и длиной около 17 см. Одно из этих изделий было о ковано из сырцовой стали, еще одно – из железа с повышенным содержан ем фосфора (микротвердость достигала 236–322 кг/мм²).

Кроме того, были встречены откованные из уплощенного прута дужки с ведер, большое количество обломков узких железных обручей от деревянно посуды большого диаметра и единственная сапожная подковка (рис. 72, *21*).

Как на городище, так и на селище было встречено очень мало продукци из цветных металлов, предметов торговли, а также изделий, отражавших ко рования поселян. Очевидно, такую картину можно считать типичной для ма териальной культуры сельского населения далекой пограничной окраин поскольку на поселениях, размещенных в глубинных регионах и вблизи крупных центров, культурный слой содержал большое количество предме тов, которые принято называть "городскими" (*Веремейчик*, 1996. С. 69).

В то же время, как исключение, и на Сампсониевом Острове имеются одиночные находки, которые характерны для городского ремесленно производства и сюда могли попасть только в качестве предмета торговли Так, двусторонний медный крестик с выемчатой желтой эмалью (рис. 73, *1*), найденный в постройке С-6, типичен для продукции городских мастерски Киевщины XI – начала XIII в. (см.: *Мальм*, 1968).

Видимо, размещение этого достаточно редкого изделия в самой богатой постройке далеко не случайно. В этом же комплексе найден и медный не сомкнутый широкосрединный перстень, щиток которого являлся дета имитацией украшения с пятью округлыми вставками (рис. 73, *2*). Подобны перстни бытовали с конца XI до начала XIV в. (*Седова*, 1981. С. 129; *Лесман* 1990. С. 49).

Из бытовых предметов найден двусторонний костяной гребень с частым и редким зубом (рис. 72, *15*). По новгородской хронологии он относится к ти пу Д, пользовался спросом с конца X до конца XII в. (*Колчин*, 1982. С. 164).

Найдена одна лировидная пряжка (рис. 73, *3*). В новгородском слое та кие изделия встречались в XI – конце XII в. (*Седова*, 1981. С. 144). Корот перечень медных изделий заканчивается двумя литыми кольцами (круглого и уплощенного сечения) и простенькой булавкой (рис. 73, *4–6*).

Столь же редки на памятнике и стеклянные изделия (рис. 73, *7–9*). Они представлены бусиной и двумя обломками браслетов: один из них – одинако

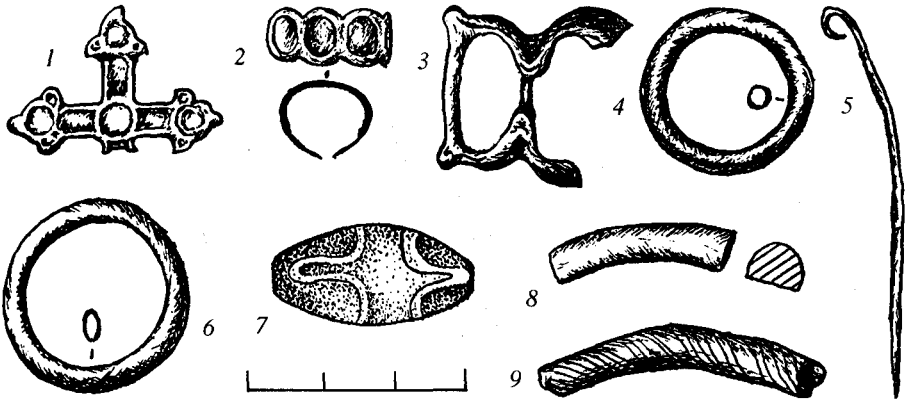


Рис. 73. Изделия из медных сплавов и стекла

вый плоско-выпуклый, другой – мелкокрученый, круглый в сечении, синего цвета. Округлая вытянутая бусина глухого стекла в центральной зоне имеет серый цвет, а по краям – красновато-коричневый; зоны разделены петельчатой полоской желтого цвета. Подобные бусы имели широкую датировку и географию распространения, они встречаются не только в Среднем Поднепровье, но и на просторах от Саркела до земель вятичей (*Львова*, 1959. С. 329; *Никольская*, 1981. Рис. 88: 29–31, 33–35).

Несомненно, предметы из медных сплавов и стекла появились у местного населения в результате торговли. К покупным изделиям можно отнести также обломки шифера из района правобережного Овруча, из которого были изготовлены пряслица и жернова, – не встречающийся поблизости материал для жерновых дисков и мелкозернистых оселков. Из городских околокиевских мастерских на поселение были привезены часть железных ножей, изготовленных в технике трехслойного пакета, и амфорка киевского типа. Таким образом, продукты внутренней торговли поступали на поселение из центров, удаленных отсюда на расстояние до 300 км.

Несмотря на то, что Сампсониев Остров размещался на торговой дороге из степей на Русь, в его культурном слое восточных изделий не отложилось: для проведения соответствующих торговых операций это была слишком незначительная точка на границе. На это может указывать и незначительное количество (26 единиц) обломков импортной амфорной керамики. В силу этого представляется, что внутренняя торговля скорее всего осуществлялась через расположенный всего в нескольких километрах отсюда летописный город Синец.

Предметы культа и религиозных верований исчисляются вышеописанным медным крестиком и амулетом, изготовленным из сверленого медвежьего клыка. Этого материала слишком мало, чтобы составить достаточное представление о духовной жизни обитателей Сампсониева Острова.

Планиграфия и демография поселения

Выше уже попутно высказывались некоторые наблюдения о планиграфии поселения, неизбежно возникавшие в процессе описания текущего материала. Вероятно, теперь необходимо привести их в более систематизированный вид, который бы соответствовал конкретным хронологическим фазам существования древнерусского населения на Сампсониевом Острове.

Рубеж X–XI вв. – начало XI столетия. Как уже было выяснено выше, в связи с незначительным количеством и плохой сохранностью остатков лепной посуды, основным индикатором позднероменского расселения может служить так называемая манжетовидная гончарная керамика, составлявшая основной объем керамического комплекса этого времени.

На территории тогда еще не существовавшего укрепления остатки древних жилых и хозяйственных сооружений сохранились только под насыпью вала в северо-западной (ямы 150, 173 и 177) и северо-восточной частях площадки, где несколько ям тяготели к жилой постройке Г-24 (рис. 74).

Некоторую планиграфическую информацию дает и распространение отдельных фрагментов гончарной керамики. Ее ощутимая концентрация вблизи известных сооружений – ям 173 и 177, а также около постройки Г-24, показывает, что особые скопления найденной керамики могут служить некоторым индикатором существования в этих точках древних сооружений, остатки которых были уничтожены последующей жизнедеятельностью и поэтому сейчас не прослеживаются. Так, вполне определенным скоплением манжетовидная керамика размещалась в середине северной половины площадки, что может говорить о размещении в этом ареале незафиксированных ранних построек вблизи функционировавшего в более позднее время колодца.

Обращает на себя внимание и рассеянное содержание керамики в культурном слое: ее наименьшее количество встречено в юго-западной части площадки, обращенной к древнему броду, а наибольшее – на северо-востоке. Таким образом, эпицентр самого раннего древнерусского поселения мог располагаться на месте площадки будущего укрепления (именно здесь он

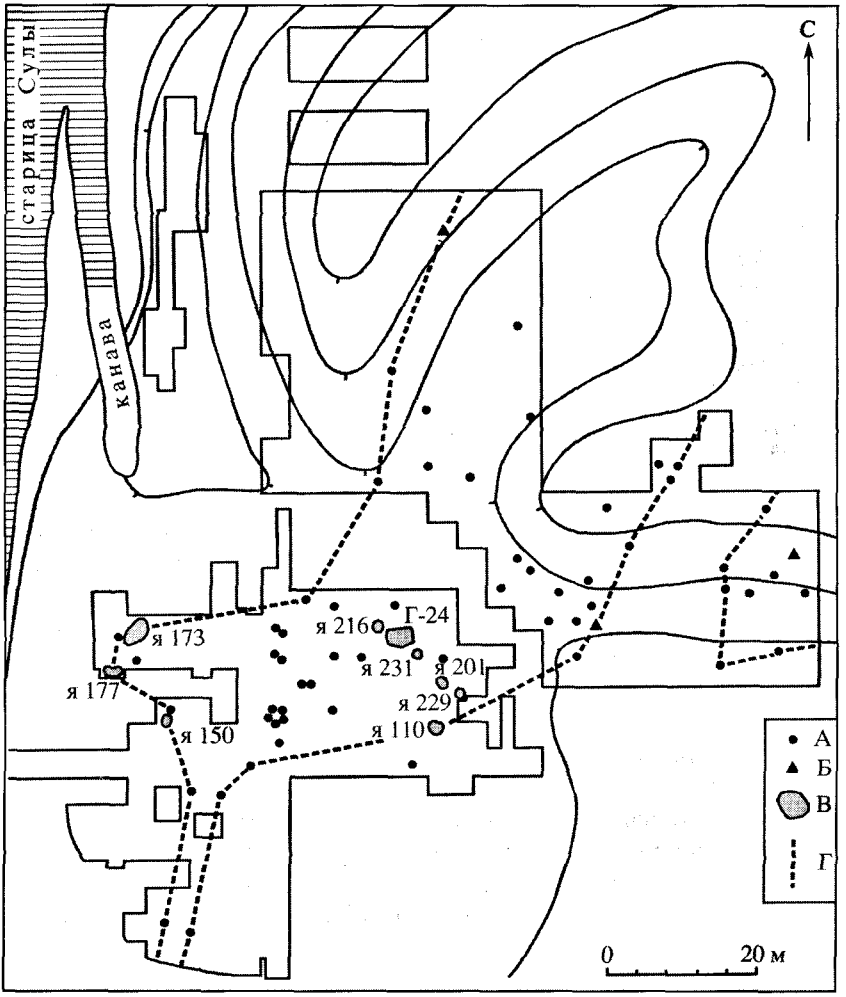


Рис. 74. Распространение материалов и сооружений позднероменского времени на территории городища и селища

А – местонахождение фрагментов керамики; Б – индивидуальные находки; В – жилые и хозяйственные сооружения; Г – прослеженные границы распространения датирующих артефактов

размещался и в раннеславянское время). От этого эпицентра минимальный вектор отложения находок в культурном слое был ориентирован в сторону древнего брода, а более насыщенная остатками жизнедеятельности полоса тянулась по направлению к наивысшей точке надпойменного всхолмления, за которой через заболоченную пойму протянулась цепочка менее значительных надпойменных останцов и бродов, ведущих на левый коренной берег Сулы.

На восточной половине открытого поселения четко прослежена полоса, не содержавшая ни одного обломка ранней керамики; ее ширина от 8 до 10 м. Она также соответствует прослеженному вектору позднероменского расселения и наподобие коридора или улицы продольно рассекает эту поселенческую полосу. Уместно обратить внимание на тот факт, что ранние материалы размещены вне зависимости от микрорельефа надпойменного всхолмления, что, к примеру, могло соответствовать климатическим особенностям данной эпохи.

Предположительная интерпретация этой загадочной полосы будет предложена ниже, по мере накопления фактического материала.

Первая половина XII в. Составленная поквадратная картограмма распространения гончарной керамики и индивидуальных находок показывает, что интенсивность жизни на этом этапе существования поселения была неизмеримо выше, произошло также значительное расширение ареала заселенности останца (рис. 75). Тем не менее, традиционное направление расселения от брода к северо-востоку, к самой высокой точке останца, по-прежнему сохранилось. Думается, что это свидетельствует о продолжении традиции заселения вдоль основного сухопутного пути через заболоченную пойму.

На территории будущего укрепления сооружений этого времени не сохранилось и находки отдельных обломков датирующей керамики также распределялись неровной полосой, ведущей от сульского брода к середине Сампсониева Острова. Вероятно, к этой полосе относилось и центральное скопление находок на территории открытого поселения. Прослеживаемый ныне разрыв между ними позже образовался при выемке грунта из земляного рва.

На селище археологические материалы также хорошо фиксируют наличие еще двух основных зон устойчивой заселенности, в размещении которых можно угадать стремление поселенцев занять более возвышенные участки надпойменного всхолмления, что, вероятно, связано с гидрологическими и климатическими особенностями этого времени.

Северная жилая зона, приуроченная к более возвышенному участку надпойменного останца, в позднероменское время не была заселена, а восточная, связанная с хозяйственной постройкой С-4, своим размещением продолжила традицию более раннего расселения.

Более того, на картограмме первой половины XII в. столь же последовательно выделилась полоса, на которой не было встречено ни одной находки. Эта полоса оказалась строго параллельной вектору заселенности, прослеженному на городище и следовавшему непосредственно от брода к наиболее высокой точке надпойменного всхолмления. На этот раз полоса была выражена более четко (интенсивность жизни стала выше), имела более прямые очертания, ее ширина составляла те же 8–11 м.

Между обоими этапами расселения в нашем случае пролегает лакуна, имеющая протяженность не менее трех четвертей столетия, поэтому о пре-

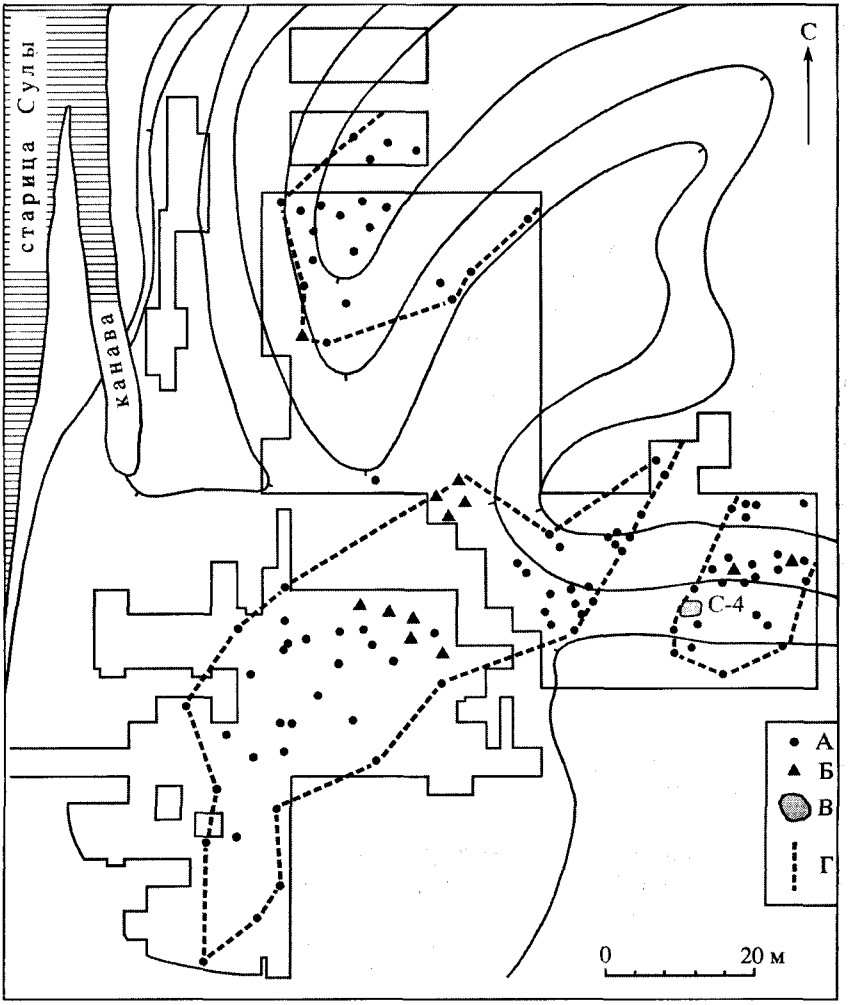


Рис. 75. Поквадратная картограмма находок первой половины XII в.

сменности в застройке останца речи быть не может. В силу этого, на наш взгляд, незастроенная полоса маркирует направление древней и наиболее удобной дороги от брода через заболоченную пойму по наиболее удобным останцам. Этой дорогой окрестное население могло пользоваться и тогда, когда Сампсониев Остров не был заселен.

Середина XII в. – рубеж XII–XIII вв. С возведением на броду долговременного укрепления интенсивность жизни на поселении еще более возросла, на что указывает появление значительного количества жилых построек (рис. 76).

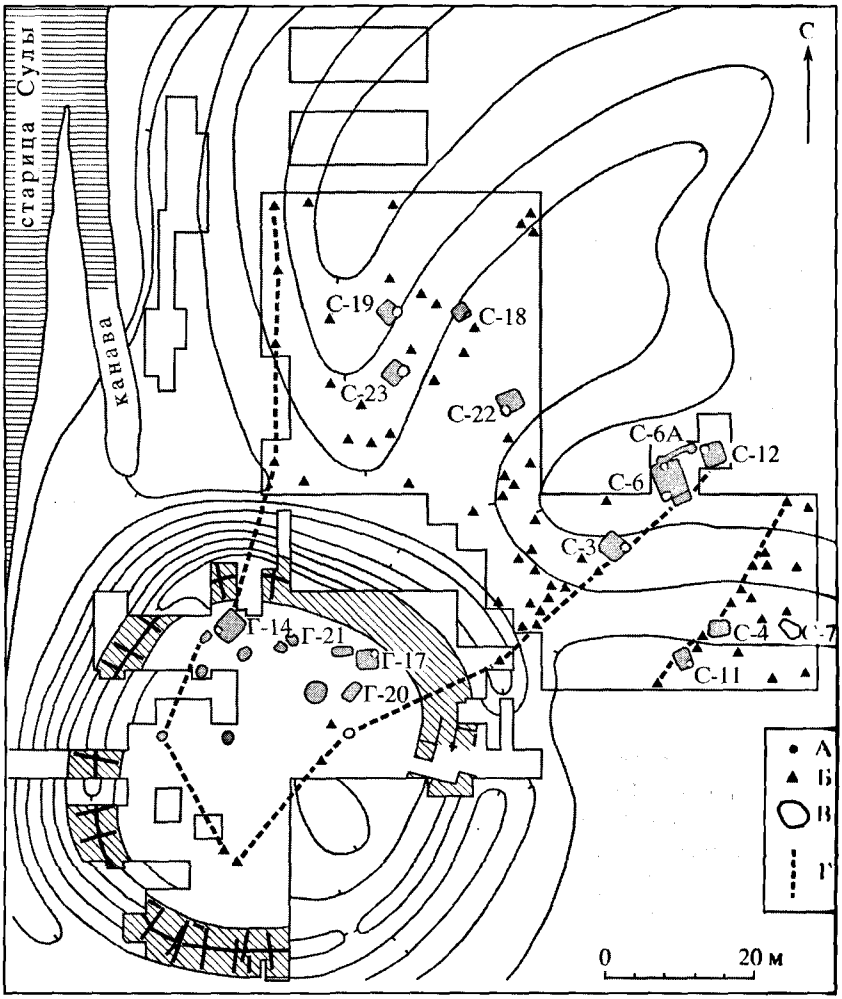


Рис. 76. Планиграфия заселенности Сампсониева Острова в середине XII в. – на рубеже XII–XIII вв.

На первоначальном этапе существования крепости заселенность ее окрестностей была крайне невелика: нам известна только одна хозяйственная постройка (С-4) на селище. Очевидно, в середине XII в. столь же малонаселенной была и внутренняя площадка форпоста: небольшое количество материалов этого отрезка времени найдено только в пяти внутристенных хозяйственных клетях. Не исключено, что так проявилось естественное стремление обезопасить крепость от случайных пожаров. К примеру, по поздним письменным источникам известно о существенных ограничениях и запретах на хозяйственное и жилое использование территории деревянных крепостей в мирное время.

Во второй половине XII в. – на рубеже XII–XIII вв. внутри острога одновременно функционировала лишь одна усадьба, обитатели которой, вероятно, занимались поддержанием и обновлением необходимых на случай осады запасов, мелким ремонтом стен и обеспечением противопожарной безопасности. Здесь же исследован и колодец, датировка которого по составу заполнения, вроде бы, одновременна существованию оборонительных сооружений, но скопление вокруг него более ранней керамики не исключает и функционирования водозабора еще с рубежа X – XI вв.

На открытом поселении в пределах раскопанной площади для этого времени достаточно определенно прослеживаются два традиционно размещенных массива преимущественного заселения, соответствовавших более возвышенным участкам всхолмления, – северное и восточное скопление построек. Тем не менее, здесь можно проследить и существенные топографические различия, выраженные в их территориальном сближении. Так, постройки С-7, С-18 и С-22 были возведены на пониженной части останца, за пределами горизонтали 50,5 м. К сожалению, за недостатком материала нет достаточных оснований, чтобы связать это наблюдение с определенными закономерностями климатического или демографического порядка. И все же последняя картограмма дает однозначное представление об общем всплеске заселенности надпойменного останца в этот период, отмеченный появлением у переправы небольшого крепостного сооружения, наличие которого способствовало сложению у населения ощущения определенной безопасности.

Как уже отмечалось выше, датировочные особенности керамического комплекса, характерного для этого периода, в значительной степени основаны не на отдельных типологических признаках формовки сосудов, а на сочетании взаимовстречающихся в этом комплексе признаков, поэтому построить картограмму этого периода на керамическом материале невозможно. Но мы располагаем значительным массивом внекомплексных индивидуальных находок, содержавшихся в культурном слое поселения и имевших длительный период бытования (включавшего, естественно, и изучаемый период). Их количество вполне сопоставимо с объемом артефактов, встреченных в жилых и хозяйственных комплексах, и оно не намного меньше того числа датированных фрагментов керамики, на которое опирались картограммы более ранних периодов заселения Сампсониева Острова.

В силу этого сочтем допустимым гипотетически ввести внекомплексные находки в данную картограмму, оговорившись, что этот материал не может обладать доказательной силой и его следует сверять с показаниями других источников, поскольку его часть может относиться и к последующему периоду. Тем не менее, его учет с известной долей осторожности может оказаться полезным для разрешения некоторых вопросов, связанных с планиграфией поселения.

В таком виде картограмма показывает, что за достаточно редким исключением распространение внекомплексных находок подчинялось тем же

закономерностям заселения останца, которые были прослежены на примере построек. Подавляющее большинство подобных артефактов было утеряно или выброшено на более возвышенных участках останца и группировалось двумя аналогичными жилыми зонами. Западная граница размещения этих находок практически совпадает с западным и северным краем раскопов 6 и 7. Несомненно, такая картина могла быть вызвана случайностью, связанной с особенностями закладки объектов изучения. И все же отсутствие вне условной линии (т.е. в раскопах № 1, 4 и раскопе 1972 г.) датированных комплексов середины XII – начала XIII в. показывает, что древняя граница поселения скорее всего проходила очень близко от пределов, проложенных гипотетически.

В восточной половине исследованной части открытого поселения выпадение в слой внекомплексных находок также совпадает с общей доминантой древнего расселения, ориентированной от брода в направлении к центральной части надпойменного останца. Здесь на территории раскопов 2 и 3, как и применительно для предыдущих хронологических периодов, размещение внекомплексных находок маркирует пределы широкой полосы поселения, внутри которой не найдено никаких археологических остатков. Кроме отдельных находок, с северо-запада полоса ограничена жилыми постройками С-3, С-6 и С-12, а к ее юго-восточной стороне примыкали остатки сооружения С-11. Эта полоса имела ширину от 8 до 12 м, а ее трасса была ориентирована вдоль почти прямой оси, связывавшей крепостной въезд с центром надпойменного всхолмления. Как уже указывалось, "просвет" в застройке поселения в почти неизменном виде существовал на этом месте с позднероменского времени.

Наиболее вероятным вариантом объяснения этой устойчивой незастроенности полосы можно считать только использование ее в качестве древней дороги, которая исстари вела от брода по наиболее удобной трассе пересечения заболоченной поймы. К сожалению, археологически прослежено крайне незначительное количество дорог, проходивших через поселения. Применительно для Южной Руси известна, к примеру, дорога на знаменитом городище Княжая Гора на правом берегу Днепра. В условиях плотной застройки ограниченного крутыми склонами останца она имела ширину всего 4 м (*Мезенцева*, 1968. С. 25). Несколько ближе к размерам нашей трассы "Любецкая" дорога в Чернигове; ее ширина на разных участках колебалась от 5 до 11 м (*Ситий*, 1997. С. 169).

Подобному толкованию вполне удовлетворяют и тактические особенности сложения здесь крепостного защитного комплекса, удачно приспособленного к исторически сложившимся топографическим условиям. Как мы видели выше, пограничная крепость западной стороной примыкали к руслу реки, а южной, где вал и ров отличались особой мощностью, почти касалась узкой ленты дороги, которая другой обочиной нависала над болотистой низиной и здесь же упиралась в речной брод. Если противник подходил к переправе с востока, он невольно обращался к наиболее мощным из-

щитным стенам незащищенным правым плечом, т.е. форпост был предназначен для отражения нападений с левого, половецкого берега Сулы.

Если же принять истолкование незастроенной полосы в качестве устойчивой дороги, пересекавшей открытое поселение, то оборонительная картина приобретает еще более глубокий тактический смысл.

Во-первых, в этих условиях противник был вынужден преодолевать значительное расстояние до крепости по наверняка огороженной частоколом сельской улице. В связи с этим наличие в постройке С-6 большого количества бронебойных наконечников стрел могло оказаться далеко не случайным. Во-вторых, по преодолении этой части пути нападавшие оказывались вплотную к тщательно укрепленному въезду в готовую к осаде крепость. И, наконец, далее по пути к броду выходцам с левобережья Сулы приходилось огибать около половины периметра защитных стен. И здесь, как и у ворот, они были повернуты к стенам незащищенной стороной, открытой для поражения с высоких крепостных заборол.

В таком виде защитная система охраны брода представляется наиболее продуманной и убедительной.

Первая половина XIII в. На картограмме заселения Сампсониева Острова этого периода сохранена схема распространения внекомплексных находок и добавлены сведения о не вошедших ранее и зачастую плохо датированных хозяйственных ямах (рис. 77). Это позволяет более наглядно представить характер изменений в застройке, произошедших на этом отрезке времени.

Наиболее кардинально изменился подход обитателей поселения к использованию внутренней территории крепости: на трех четвертях ее общей площади для этого периода не зафиксировано ни одной постройки. Наиболее вероятно, что здесь продолжал функционировать только древний колодец; крайне мало на площадке встречено и внекомплексных находок.

Другое наблюдение связано с характером территориального размещения некоторых наиболее поздних жилых сооружений.

К примеру, исследованная раскопками 1972 г. постройка С-1 располагалась на ранее незастроенной самой западной оконечности надпойменного всхолмления, на небольшом прибрежном возвышении около старицы Сулы. Хозяйственная яма и фрагменты круговой керамики были выявлены и на наиболее северном раскопе 4, где применительно для более ранних этапов в культурном слое ничего не было зафиксировано. Шурфовка дна трассы газового шлейфа, нарушившей культурный слой поселения, также показала наличие культурных отложений к востоку и северо-востоку от раскопа 4. Изучением характера напластований по северной оконечности останца было определено, здесь пределы его заселенности ограничивались приблизительно горизонталью 50,0 м. В процессе наблюдений за буровой рекультивацией плодородного слоя была однозначно выявлена и северо-восточная окраина поселения, на околице которого за жилой постройкой С-2 раскинулся сплошной массив нетронутого дея-

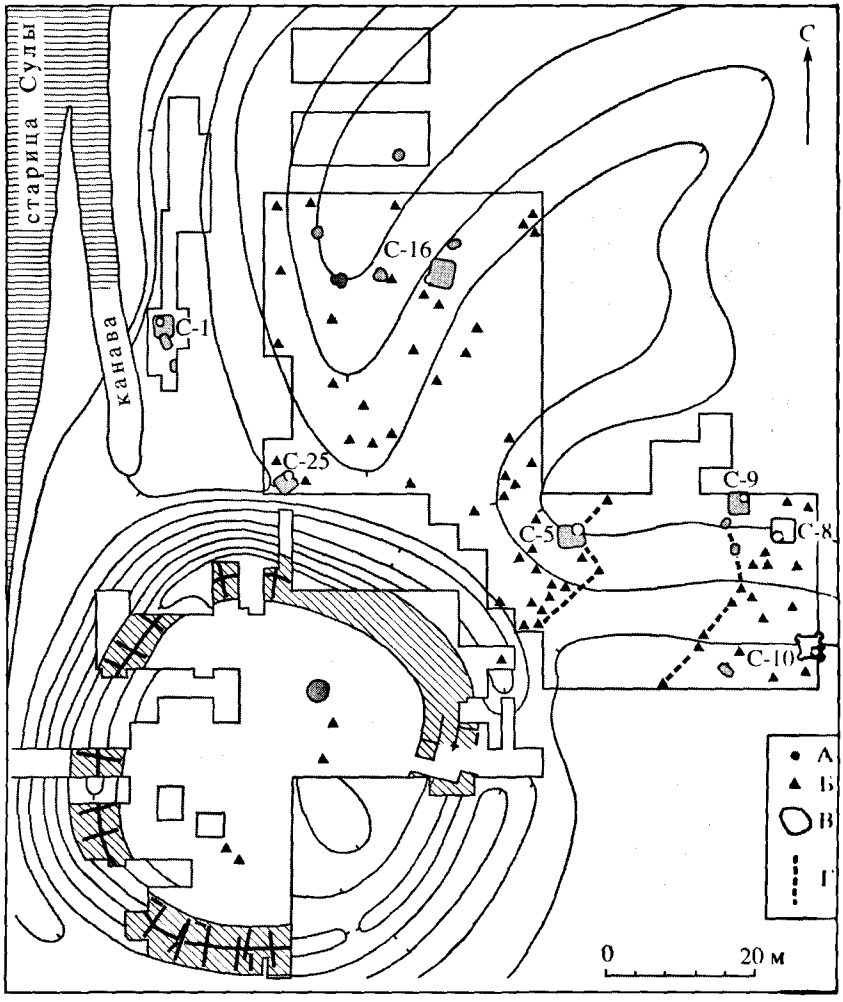


Рис. 77. Изменения в планиграфии поселения, появившиеся в XIII в.

тельностью человека материка. Все это показывает, что в первой половине XIII в. застройка Сампсониева Острова достигла максимальных пределов.

Наряду с этим явлением наблюдается уменьшение плотности застройки: на изученном участке поселения вместо прежних одиннадцати жилых и хозяйственных сооружений размещалось только 8 построек. Особенно это касается ближайшего к укреплению пространства. В целом создается впечатление, что на ранних этапах существования поселения жилье намеренно возводилось около крепости, а позже зона массового заселения стали отодвигать от форпоста.

Не исключено, что это явление было связано с изменениями в тактике защиты крепостей. К примеру, в домонгольских письменных источниках нередки описания на первый взгляд странных тактических казусов, когда приближение противника порой заставляло защитников крепости выжигать собственный посад и со всем населением уходить в детинец (под 1161, 1164, 1172 г.; см.: ПСРЛ. Т. 2. С. 516, 548; ПСРЛ. Т. 3. С. 31, 218). Представляется, что подобная мера имела рациональный смысл в условиях большого численного перевеса осаждающих, когда защитники форпоста не имели достаточных ресурсов для отстаивания окрестного поселения. Поэтому уничтожение ближайших к укреплению построек лишало нападавших как укрытия от стрел осажденных, так и подручного материала для засыпки рвов и создания приметов. Может быть, именно по схожей причине поселяне со временем стали возводить жилье в стороне от крепости. Во всяком случае, нельзя упускать из виду и подобный вариант истолкования сложившегося на Сампсониевом Острове нового типа застройки.

На этом этапе существования поселения значительные изменения произошли и в размещении незастроенной полосы, которая выше гипотетически интерпретировалась как древняя дорога, ведущая от брода через пойму. С прекращением функционирования жилых построек С-6 и С-12 и возведением почти посередине этой полосы жилища С-9, направление "дороги" резко изменилось и приобрело зигзагообразные очертания. Для столетиями эксплуатировавшейся трассы столь неожиданная застройка привычного пути представляется маловероятной, поэтому искать объяснение такому явлению, видимо, следует в иной сфере. И эта сфера могла относиться к ряду рассмотренных выше примеров существенных поселенческих изменений, произошедших в первой половине XIII в.

В условиях пограничного противостояния со степными народами и защиты военно-торговых путей от вторжений, изменение привычной трассы, ранее проходившей через территорию поселения, вероятно, могло диктоваться только оборонительными нуждами. Поэтому вполне допустимым толкованием данной оборонительной акции мог быть перенос трассы транзитной дороги по дуге южного периметра останца, в обход эпицентра открытого поселения. Для этого были достаточными не слишком дорогостоящие затраты по обнесению южных и западных пределов поселения легкими оборонительными конструкциями, допустим, в виде частокола, что было вполне под силу обитателям поселения. В результате этих несложных оборонительных работ контролируемый путь пришельцев с востока мог удлиниться до 300 м, причем на протяжении этого отрезка дороги желающие попасть на переправу были обращены к острогу незащищенным правым плечом, а слева от них пролегала заболоченная пойма. Именно в таком виде, а не посредством более короткого и удобного пересечения самых высоких точек останца, древняя дорога через пойму дошла вплоть до наших дней.

Итак, применительно для последнего этапа целостной жизни поселения археологические материалы фиксируют ряд серьезных структурных изме-

нений. Об этом свидетельствует прекращение хозяйственной эксплуатации крепостной площадки, резкое расширение пределов открытого поселения за счет уменьшения плотности застройки вблизи укреплений и появления массовой застройки по периферии. Отметим кстати, что новые жилые постройки (и, следовательно, усадьбы) возводились в стороне от более ранних, хотя привычнее было бы ожидать преемственности в их территориальном размещении. К ряду кардинальных новшеств можно отнести имеющий в оборонительном плане прогрессивное значение перенос трассы дороги на окраину древнего поселения.

В этой связи особого внимания заслуживают результаты металлографических исследований найденных на поселении изделий из черного металла. В целом их значительная доля свидетельствует об ориентации местных кузнецов на южнорусские ремесленные традиции. Наряду с этим среди них выделяется группа изделий, произведенных по технологическим схемам более характерным для северных районов Древней Руси (*Завьялов*, 2001. С. 90, 96). Примечательно, что подавляющее большинство таких поковок происходит как из наиболее поздних построек, так и из массива внекомплексных находок, имеющих более широкие пределы их бытования.

Таким образом, мы располагаем заманчивой возможностью связать весь комплекс изменений в жизни поселения с притоком на Сампсониев Остров переселенцев из северных регионов Руси. Такая практика заселения пограничных крепостей "мужами лучшими" существовала еще со времен Владимира Святославича. Позже на южные окраины государства переселяли плененное в войне за "Червенские города" население юга Польши. На Нижнюю Сулу вывозили и жителей разоренного князьями Друцка (ПСРЛ. Т. 1, С. 121, 150, 291). Применительно к данному времени и месту в письменных источниках аналогичных примеров не имеется. Конечно, это может быть связано с известным для этого времени резким угасанием интереса летописцев к событиям в Переяславской земле. Тем не менее, небольшие феодальные войны в это время не утихали, поэтому их столь незначительный и привычный для военной практики эпизод не обязательно должен был отразиться в общерусских сводах.

Проведенные большими площадями раскопки и разведочная шурфовка окраин поселения дает возможность с большой степенью вероятности высчитать объем его заселенности на момент преддверия монголо-татарского вторжения.

Для этого мы располагаем большинством необходимых данных. С юга и юго-востока заселенная часть останца ограничена, очевидно, весьма древней дорогой, вьющейся по краю пойменного болота. На западе и севере пределы заселенности размещались приблизительно вдоль высотной горизонтали 50,0 м, археологическими методами были уверенно установлены также восточные и северо-восточные пределы селища. Таким образом, в математическом исчислении площадь открытого поселения приблизительно равна четырем гектарам.

Из этой площади раскопками было охвачено 3556 м², где обнаружились остатки восьми жилых построек. Никаких признаков непрослеженного нами жилья ("плавающих" в культурном слое печей, скоплений индивидуальных находок в сопровождении керамики, количественная насыщенность которой могла быть сопоставима с жилищной, и т.д.) обнаружено также не было. Таким образом, на каждую жилую постройку в среднем приходилось чуть более 445 м² заселенной поверхности останца.

Полученная для Сампсониева Острова цифра очень близка к площадям городских усадеб средних размеров, известных по раскопкам многих древнерусских городов, где они составляли 400–500 м² (*Кутовой*, 1984. С. 66). Почти совпадают с нашими и размеры усадеб Ильинского раскопа в Новгороде – 420–465 м² (*Хорошев*, 1997. С. 414).

По мнению А.И. Кутового, в значительных городах усадьбы подобного размера принадлежали боярам или, во всяком случае, зажиточным слоям населения, следы проживания которых отсутствуют на сельском приграничном поселении. Но там застройка характеризовалась городской скученностью, а на Сампсониевом Острове земли было достаточно: надпойменный останец полностью не был заселен никогда. Кроме того, наши цифры имеют усредненный характер, поскольку внешние границы усадеб в песчанистом грунте поселения проследить не удалось. В действительности особенности данного памятника не позволяют в полном объеме определить характер усадебной застройки (существование сопровождавших жилье хозяйственных построек прослеживается не всегда, но их наличие неоспоримо), поэтому за ядро усадебной единицы мы принимаем отдельную жилую постройку, на которую приходилось 445 м² размещенного внутри поселения пригодного для обработки песчанистого чернозема.

Продолжая далее принятые нами условно-усредненные вычисления, гипотетически можно представить и общее количество столь же средних усадеб, которые в первой половине XIII в. могли разместиться на застроенной площади Сампсониева Острова. Это количество можно определить при помощи деления всей застроенной площади останца (40 000 м²) на размеры одной средней усадьбы (445 м²), что в итоге дает цифру в 90 одновременных усадеб.

В литературе принято считать, что усредненная древнерусская семья, проживавшая на одной усадьбе, состояла из 6 человек (*Толочко*, 1989. С. 195). Близкие к этому цифры сообщают и этнографические параллели относительно населения лесостепных губерний России в XIX в. (*Чижикова*, 1988. С. 97). Из этого явствует, что на гипотетических 90 усадьбах Сампсониева Острова в первой половине XIII в. могло единовременно проживать не менее 540 человек.

Полученное выше количество населения небольшого сельского поселения на границе со степью при условии умелого использования оборонительных свойств окружающей местности и долговременного крепостного сооружения, вероятно, было достаточным для несения пограничной службы на одном из участков степной границы.

Сампсониев Остров и другие укрепления пограничной Лохвицкой волости переяславского Посулья

Полученные в процессе проведения небольших раскопок археологические материалы во многом помогают воссоздать реальную и динамичную картину жизни поселения Сампсониев Остров – ближайшего пригорода летописного города Синца.

Поселение на месте Синца относится к наиболее ранним и достаточно редким общерусским очагам расселения, возникшим на Средней Сулс на рубеже X–XI вв. среди монолитного северянского ареала, археологически представленного роменской культурой. Невдалеке от его южной окольцы, на твердых сульских бродах через обширную заболоченную пойму, параллельно также существовало небольшое северянское поселение. Оно занимало часть защищенного самой природой надпойменного всхолмления и при необходимости могло противостоять небольшим нападениям из враждебных степей.

В это время княжеской администрацией проводился комплекс оборонительных антипеченежских мероприятий по созданию основ нижнесульского оборонительного рубежа, что потребовало переселения на остепненные берега реки значительных масс подвластного русского населения из других областей Руси. На данный момент эти мероприятия вряд ли могли каким-то образом затронуть земли среднесульского северянского массива, но несколько позже и здесь процессы освоения государством новых пространств становятся ощутимыми.

На Сампсониевом Острове, где в XI в. поселение просуществовало немногим более четверти этого столетия, встречены находки, указывающие на некоторую смешанность аборигенного населения, видимо, относящуюся к его заключительной стадии. Так, на памятниках Нижней Сулы хорошо прослеживаются следы западнославянского населения, переселенного туда князьями в начале 30-х годов XI в. (*Моргунов*, 1998. С. 49, 50). Вполне определенные, хотя и немногочисленные, следы подобного перемещения найдены и в керамическом комплексе ранних напластований Сампсониева Острова. Они представлены характерными кувшинами с горизонтально рифлеными горлышками и элементами типичной для западных образцов штампованной орнаментации.

Это смешение аборигенного населения с пришлым в данном случае скорее может говорить не о прямом переселении сюда поляков, как это происходило на Роси и Нижней Суле: подобному предположению противоречит немногочисленность находок. В данном случае приведенные факты скорее можно интерпретировать как пример географического расширения расположенного совсем рядом синецкого очага общерусской культуры в условиях потенциальной печенежской опасности. Действительно, распространение влияния расположенного на основном сульском броду синецкого поселения на население соседней столь же опасной точки представляется логичным, а это неизбежно приводило к учащению культурных контактов с северянами.

К 30-м годам XI в. небольшое первоначальное позднероменское поселение на Сампсониевом Острове погибло в пожаре, однако новое поселение на этом месте возникло не ранее начала XII в. Историческая ситуация к этому времени сильно изменилась: окрестный северянский культурный субстрат был полностью ассимилирован потоками общерусской культуры, а на основном броду вырос летописный Синец ("митрополичий город Синелец"). После походов Мономаха надолго стабилизировались и взаимоотношения с половцами, незадолго до этого захватившими южно-русские степи, а в приграничной зоне стали расселяться торческие полукочевые объединения, одно из которых разместилось по течению протекающей недалеко р. Сулицы. Иными словами, для пограничного населения Посулья это было время наибольшего спокойствия, поэтому значительно возросла интенсивность жизни на поселении.

Эпоха феодальных войн середины XII в., в которых регулярно принимали участие половецкие наемники, непосредственно затронула юго-восточное пограничье Руси и вызвала появление новых веяний во внутренней жизни края и совершенствовании его военно-оборонительной структуры. Прежде всего, повсеместно усилился крепостной контроль за внутренними военно-торговыми путями; лихолетью внутренних смут стало сопутствовать массовое появление в приграничье сельских убежищ и формирование комплексных гнезд укрепленных поселений во главе с летописными городами (*Моргунов*, 1998. С. 85, 86).

Не миновали эти новации и Сампсониев Остров, где с возникновением на броду небольшой крепости жизнь стала еще более интенсивной, что хорошо увязывается с возросшими нуждами защиты этого немаловажного участка границы.

После постройки укрепления на его внутренней территории единовременно всегда размещался только один комплекс жилых и хозяйственных построек. Планиграфические размеры этих примерно равновеликих несинхронных комплексов составляли 180–200 м^2, что сопоставимо с площадями рядовых усадеб киевского Подола, Москвы, Минска, Полоцка, Пскова и Гродно (*Кутовой*, 1984. С. 66). Такие же небольшие усадьбы, строившиеся с рубежа XI–XII вв. вплоть до XIV в., состоящие из одного дома и двух-трех

хозяйственных построек, изучены и на Федоровском раскопе Новгорода (*Хорошев*, 1997. С. 420).

Для домонгольской Руси в летописных источниках нет упоминаний о такой системе застройки укреплений. Такие примеры дает актовый материал XVI в., подробно регламентировавший организацию крепостей на засечных оборонительных линиях против татар: он неизменно фиксировал существование на территории каждого незастроенного в мирное время укрепления "осадных дворов", обитатели которых были обязаны заботиться о мелком ремонте стен, предохранять их от пожаров и посещений посторонними лицами. На данный момент жилые зоны на Сампсониевом Острове можно толковать именно как прообраз подобных осадных дворов.

На незастроенной площадке укрепления был исследован и колодец, датировка которого по составу заполнения, с одной стороны, соответствует времени существования оборонительных сооружений. С другой стороны, ретроспективное скопление вокруг него более ранней керамики не исключает и функционирования водозабора еще с рубежа X–XI вв.

Археологические материалы показывают, что небольшая пограничная крепость периодически подвергалась внешним нападениям: известны следы локальных пожаров оборонительных стен и реконструкций ее оборонительных сооружений. Жители и защитники покинули ее в какой-то момент около середины XIII в., вероятно, в связи с приближением гораздо более опасного противника, чем половцы, для защиты от которых было создано это укрепление.

И все же, судя по найденной в процессе раскопок керамике, с приближением монголо-татарской опасности Сампсониев Остров покинуло не все его население. Крайне малая часть обитателей некогда обширного поселения не решилась оставить свою землю и доживала век среди пепелищ и заброшенных домов.

Состав населения Сампсониева Острова не отличался единообразием, что характерно для большинства пограничных поселений: металлографический анализ предметов из железа указывает на присутствие среди кузнецов носителей северных производственных традиций.

Присутствие здесь западного населения фиксируется ранним керамическим комплексом и очень редкой для Левобережья формой оборонительных сооружений. В плане городище имеет форму квадрата с сильно скругленными углами. Схожую планировку на Суле имеет только городище Чутовка, но в конце X – конце XI в. такие крепости в изобилии возводились на территории Волыни (*Раппопорт*, 1967. С. 196, 198, 202). Не исключено, что здесь мы имеем дело с двумя волнами пополнения пограничного гарнизона выходцами из западных областей Руси. Первая была вывезена Мстиславом Владимировичем в 1031 г. из Польши в процессе освобождения червенских городов (ПСРЛ. Т. 1. С. 150), вторая, скорее всего, была представлена частью волынского войска Изяслава Мстиславича, когда в 1142 г. он получил Переяславль из рук Вячеслава Владимировича (ПСРЛ. Т. 1. С. 310; Т. 2. С. 312).

Южные и восточные мотивы в вещевом комплексе поселения, представленные часто используемыми кочевниками прямыми "крылатыми" псалиями и массивными ромбовидными наконечниками стрел типа 53, в какой-то мере свидетельствуют о близости торческого ареала по р. Сулице. Впрочем, по большому счету, эти артефакты не обязательно принадлежали представителям кочевого населения, т.к. русские пограничные формирования по всему периметру внешних рубежей пользовались сходным с противником оружием.

Производственно-хозяйственный комплекс Сампсониева Острова в целом может быть охарактеризован как вполне самодостаточный, натуральный, обеспечивавший основные нужды местного населения. Основной вид производящего хозяйства – земледелие. Именно для сельского населения характерно прослеженное на памятнике небольшое количество изделий из стекла и цветных металлов. Наряду с ним значительное место среди находок (14%) занимают предметы профессионального вооружения и снаряжения верхового коня, что говорит о существовании среди населения воинской прослойки.

Вероятно, состав "воинских" находок с Сампсониева Острова зеркально отражает основные способы обороны крепости. Так, кроме большого количества найденных здесь типов наконечников стрел, среди которых очень много бронебойных, заполнение небогатых деревенских построек поражает обилием удил и других предметов конской упряжи.

В этом ряду обилие стрел раскрывает основной способ пассивной обороны крепости в процессе ее осады или приближения противника к переправе. Но это было только одной стороной сложившегося на Руси комплекса пограничных оборонительных мероприятий. По историческим источникам нам хорошо известно о существовании на русских границах сторожевых разведывательных разъездов, базировавшихся в приграничных крепостях. Участники таких многодневных рейдов, даже происходившие из небольших поселений, одним из которых являлся Сампсониев Остров, несомненно, должны были располагать упряжью, отличной от примитивных крестьянских приспособлений.

Для восприятия еще одного метода защиты границ необходимо вкратце вернуться к топографическому местоположению городища и поселения. Они размещены на обширном останце среди пойменных болот, в то время как основная дорога из степей к броду подчас весьма узкой лентой несколько километров вьется по цепочке соседствующих, часто совсем незначительных всхолмлений, иногда составляющим среди густых травянистых, кустарниковых и древесных зарослей настоящие лабиринты. Конечно, магистральный путь к переправе был достаточно хорошо пробит, но многочисленные боковые подходы к нему могло знать только местное население. Существование таких лабиринтов позволяло даже небольшому отряду местных всадников, владеющих методами партизанской войны, в значительной мере затруднить врагу дорогу к переправе и крепости. Как нам кажется, только такое представление о вариантах оборонительной тактики может объяснить наличие на скромном сельском поселении того значительного

количества предметов качественного конского вооружения, которое было найдено в процессе раскопок.

Следовательно, среди населения Сампсониева Острова мог существовать определенный процент профессиональных военных, по крайней мере, двух наиболее необходимых специальностей, которые были способны даже на основе крестьянского ополчения организовать отпор в случае приближения врага к переправе. Вероятно, именно с воинской прослойкой были связаны немногочисленные городские вещи и предметы импорта. Среди рядовых сельских жилых построек таким же образом резко выделялась и двухэтажная постройка С-6, которая могла принадлежать представителю военной верхушки поселения. Она являлась наиболее богатой, размещалась напротив въезда в крепость, в составе ее заполнения было найдено наибольшее количество выраженных предметов вооружения. В связи с этим не исключена вероятность, что на полувоенном поселении, размещенном на одном из уязвимых участков границы, главенство в управлении принадлежало именно воинской администрации.

Таким образом, Сампсониев Остров по сути представлял собой своего рода полувоенное поселение, в котором даже уличная планировка была подчинена нуждам контролирования стратегически важной дороги и настила через заболоченную пойму реки. На заключительном этапе его существования, когда в связи с уменьшением половецкой опасности плотность застройки несколько сократилась, здесь проживало не менее 90 семей, в сумме насчитывавших около 540 человек. Если учесть, что каждая семья располагала не менее, чем двумя взрослыми мужчинами (к примеру, ими могли быть отец и старший сын), то вооруженный и обученный костяк, состоящий из 180 защитников, приводил небольшую пограничную крепостицу в разряд значительной по ее оборонительным возможностям боевой единицы.

В случае же экстремальной необходимости, которой являлся дальний поход в степи, такое поселение могло выставить в состав княжеского войска не менее сотни взрослых ополченцев. И даже в этом случае состав защитников полностью не истощался: на стены выходило все более или менее способное носить оружие население, а остальные жители оказывали посильную помощь в доставке вооружения и воды, необходимой для защиты стен от пожаров, а также оказывали помощь раненым.

В качестве иллюстрации уровня обороноспособности порубежных крепостей можно напомнить печальные итоги известного похода Игоря Святославича в 1185 г., когда князь увел пограничное ополчение в степи и тем самым "отворил ворота на Русскую землю". Тогда, казалось бы, на полностью обнаженный участок границы ринулся хан Гзак, располагавший значительными войсками. Тем не менее, грозная акция ограничилась разорением нескольких сел, а у Путивля хану удалось только сжечь острог, а сам город и защитники отстояли (ПСРЛ. Т. 2. С. 649). Другими словами, даже в экстремальной ситуации защита крепостей полностью не обнажалась.

Конечно, трудно сравнивать обороноспособность Путивля и Сампсониева Острова: последний форпост был рассчитан на отражение небольших набегов, а таких нападений на границы было неизмеримо больше, чем крупных военных рейдов, известных нам по летописным источникам.

В последние годы в литературе заново пробудился ощутимый интерес к изучению древнерусских микрорегионов, и на этом пути ощутимые положительные результаты могут быть достигнуты археологическими методами. Сложению такого представления в свое время в значительной мере способствовали работы А.В. Кузы, справедливо полагавшего, что изучение древнерусской истории может быть поставлено на прочный источниковедческий фундамент только на основе привлечения к анализу всей совокупности укрепленных поселений X–XIII вв. (1989. С. 12; 1996. С. 15). Не будем забывать, что вышесказанные убеждения сформировались у исследователя еще на рубеже 70–80-х годов XX в. Но в полной мере лишь сейчас мы смогли осознать, насколько близко сплошное изучение и картографирование городищ позволяет подойти к сложению более глубоких историко-географических познаний.

Эта аксиома особенно применима для исследования приграничных областей Руси, где размещение долговременных оборонительных сооружений различных типов являлось материальным воплощением понимания их создателей конкретной, применимой только для данного региона, тактики его защиты. Поэтому такой создатель (или, может быть, заказчик) каждого приграничного оборонительного узла был обязан хорошо знать все уязвимые или, наоборот, хорошо защищенные природой участки обороны. Полезна была и здравая оценка своих материальных и людских ресурсов на фоне исторически сложившегося размещения последних, непосредственно взаимосвязанных с качеством сельскохозяйственных угодий.

По прошествии веков из этого обилия установочных данных нам достались остатки древних крепостей разной величины и сохранности, в общих чертах известна физическая география региона, его оро- и гидрография, а в меньшей степени изучена сеть открытых поселений. Иногда полезную информацию об особенностях конкретной территории можно извлечь из письменных источников, как летописных, так и оставшихся от позднего средневековья или начальных этапов нового времени, поскольку патриархальный крестьянский быт менялся очень медленно.

По совокупности этого наследия тактические замыслы создателя конкретного оборонительного узла могут быть распознаваемы или моделируемы с достаточной степенью приближения к прошедшей действительности. В меньшей степени можно быть уверенным в интерпретации административно-территориальной характеристики конкретного микрорегиона. Да и само понятие о древних микрорегионах археологически еще не вполне оформилось, хотя с накоплением убедительных наблюдений, думается, многие подобные вопросы будут решены.

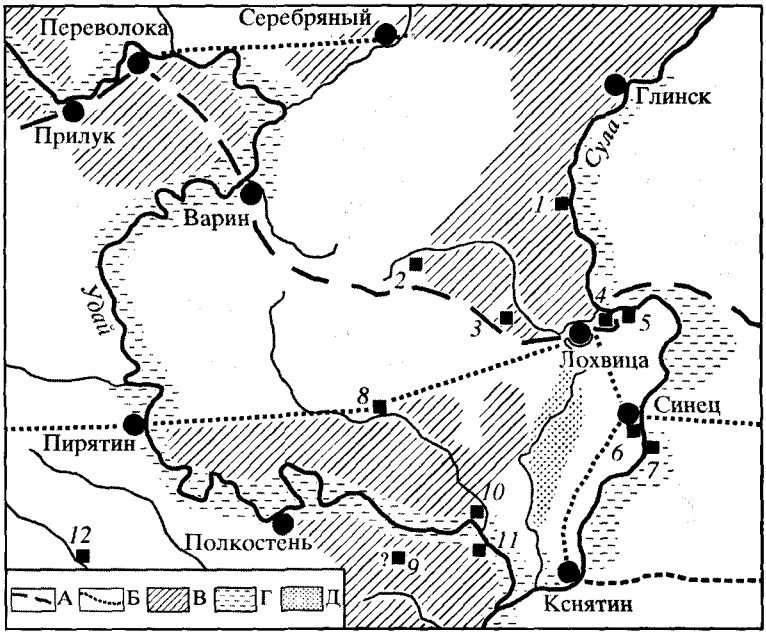


Рис. 78. Лохвицкая волость и ее округа

А – дорога по Боплану; Б – дороги XVIII в.; В – древние леса; Г – болота; Д – слабозаселенные земли. Городища: *1* – Свиридовка; *2* – Бербеницы; *3* – Безсалы; *4* – Лохвица, урочище Высокие Лазирки; *5* – Гаевщина; *6* – Сенча, урочище Никольская Горка; *7* – Сенча, урочище Сампсониев Остров; *8* – Чернухи; *9* – Клепачи; *10* – Городище; *11* – Хитцы; *12* – Гребенка

Если рассматривать укрепленное поселение Сампсониев Остров под таким углом зрения, то первичное картографирование археологических памятников показывает его как часть компактно сконцентрированного скопления древнерусских городищ (рис. 78).

В непосредственной близости от изучаемого памятника известно городище летописного Синца и укрепление Никольская Горка. Ниже по Суле размещены остатки летописного города Кснятина. К северу, близ древней Лохвицы, известны городища Гаевщина и Высокие Лазирки. К востоку от последнего скопления пунктирно выдвинуты укрепления Безсалы и Бербеницы. Таким образом, скопление домонгольских памятников насчитывало 9 крепостных сооружений, среди которых было 3 летописных города.

Ограниченная этими укреплениями территория в плане имела форму, приближающуюся к прямоугольному треугольнику, где меридионально ориентированный катет (от излучины Сулы до Кснятина, до впадения в нее р. Сулицы) был протяженностью 40 км. Другой катет определялся промежутком между излучиной Сулы и Бербеницами на р. Сухой Лохвице, его длина около 34 км. В итоге геометрическая площадь гипотетически полученного треугольника составляет 680 км² (рис. 79).

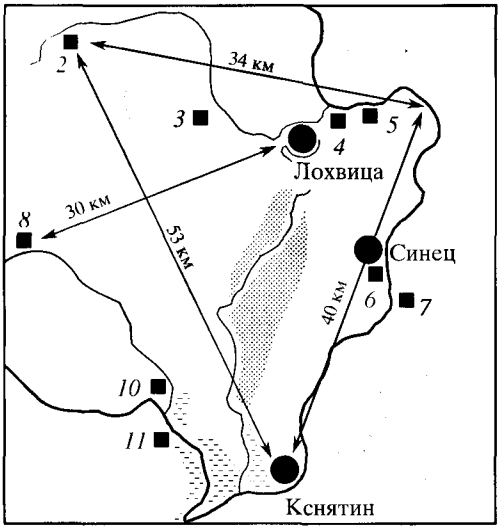


Рис. 79. Форма и размеры пограничного микрорегиона

Археологические границы гипотетически выделенной территории наиболее определимы по соответствию распределения фортификационных сооружений относительно особенностей течения рек.

В этих местах Сула практически повсеместно имеет сильно заболоченную пойму шириной до 5 км, пронизанную большим количеством стариц (*Глинка*, 1892. С. 11; *Оппоков*, 1905. С. 114). В относительно недавние годы, до ее осушения, пойма целиком была занята заболоченными лугами, поросшими осокой и непроходимым тростником, перемежавшимися со значительными торфяниковыми массивами (*Барсуков*, 1898. С. 102).

Немногочисленные твердые броды здесь представлены двумя разновидностями. В одном случае это мелкие песчаные перекаты, обычно приуроченные к сужениям поймы. В другом – пойменные переходы извивающиеся по цепочкам небольших всхолмлений первой надпойменной террасы. Они следуют среди пышных влажных тростников и непроходимых скоплений влаголюбивого древостоя; нередко соседние сухие островки соединяются гатями. Оба типа используются издревле и хорошо известны в литературе.

Вдоль меридионального "катета" этой территории наиболее южный брод расположен напротив одного из древнейших укреплений микрорегиона, летописного города Кснятина. В письменных источниках XVI в. этот брод именовался "Нятин перевоз"; рядом был известен также характерный топоним "Княжья Гора" (Акты, 1841. С. 434, № 228; Описание, 1886. С. 102).

Самый северный брод находится близ впадения в Сулу р. Сухой Лохвицы и одноименного летописного города. Важность этой точки применительно к первой половине XVII в. засвидетельствована Боплаком (сюда выходила оживленная дорога из степей в направлении Киева) и наличием в ее ближайших окрестностях трех домонгольских городищ.

Третий брод (точнее – целый каскад бродов) пришелся почти на середину дороги от Кснятина на Лохвицу, у современного с. Сенча. В XVIII в. через Сенчу следовала почтовая дорога в направлении степей, которая среди жителей Лохвицы была известна как "Синецкий шлях" (*Шафонский*, 1851. С. 592; *Падалка*, 1905. С. 172). На особое значение этого обширного речного перехода в домонгольский период указывает существование здесь остатков летописного города и двух безымянных городищ-пригородов.

К западу от летописной Лохвицы продолжением "катета" северной границы, вероятно, служила пойма р. Сухой Лохвицы, местами также сильно заболоченная (*Оппоков*, 1905. С. 106). Такое представление тем более естественно, что эта речушка рассекала обширный массив доныне полностью не сохранившихся древних лесов (Атлас, 1962. С. 23, 24, 26, 27; Почвы, 1971; *Моргунов*, 1998а. С. 202). На этом участке расстояние между Лохвицей и ближайшим к северу укреплением равно всего 18 км, но даже для позднего средневековья между ними не фиксируется прямой (рокадной) дороги. Этому мешали как густые леса, так и разветвленная овражно-балочная сеть; эти пункты сообщались посредством дорог, пролегавших по пологому левому берегу Сулы (отсюда его летописная оценка "перекы Сулы"). Отчасти такими особенностями ландшафта побережья р. Сухой Лохвицы может быть объяснена и относительная редкость местных крепостных сооружений.

В качестве "гипотенузы" нашего условного регионального треугольника можно принять более или менее прямую линию, которая связала бы крайние окончания его "катетов", т.е. Кснятин и Бербеницу. В таком случае южный отрезок этой "гипотенузы" логически увязывается с нижней половиной течения р. Сулицы: форсирование ее поймы и сейчас, после тотального осушения болот, связано с большими трудностями, а в те времена, надо полагать, она представляла еще более весомую преграду.

Северный участок нашей "гипотенузы" вполне подходил под предположение о сухопутной межрегиональной границе. В литературе вопрос о рубежах этого рода разработан слабо: в ряде случаев за пограничье можно принять обширные незаселенные промежутки или неудобья более скромных размеров, разделявшие сопредельные княжества или волости. В качестве подобного интервала выше уже рассматривался пример северной границы региона, но данная ситуация имеет и свои особенности. Они заключаются в том, что Лохвицу и ближайшую к ней юго-восточную крепость в Черныхах разделяли 30 км маловодных черноземных степей. Это расстояние сопоставимо с дневным переходом торгового каравана или конного войска, следовавшего в дальний поход. Кроме того, массовая распашка и, следовательно, заселение водораздельных массивов стали доступны лишь с появлением тяжелой тракторной техники.

Подобным же маловодным 20-километровым промежутком Бербеницы отделены и от Варина, ближайшего к ним летописного города на р. Удай.

Приведенный географический обзор территории лохвицкого скопления памятников показывает, что это был единый и в достаточной степени замкнутый ареал, с одних сторон ограниченный естественными водными и лесными преградами, а в других случаях опоясанный обширными полосами незаселенных и малопригодных для сельскохозяйственной эксплуатации земель.

Тем не менее, около половины периметра этого региона приходилось на течение пограничной Сулы. Большинство древнерусских укреплений так или иначе были связаны с речными бродами и достаточно древними дорогами, посредством которых Переяславская земля сообщалась с кочевым ми-

ром. Это позволяет представить лохвицкий микрорегион в качестве одного из оборонительных узлов общерусской границы. В свою очередь, этот узел объединял и, видимо, координировал действия отдельных составлявших его участков, размещенных на наиболее значимых оборонительных направлениях (*Моргунов*, 1988. С. 204). Очевидно, анализ этих составляющих заслуживает более пристального внимания.

Во главе наиболее южного пограничного участка стоял летописный город Кснятин, размещенный на низкой террасе коренного берега Сулы, лишь немного возвышаясь над древним "Нятиным перевозом". Судя по его размерам и наличию обширного укрепленного посада, он представлял собой значительную и хорошо укрепленную крепость (*Моргунов*, 1990а). Низкое размещение форпоста над уровнем поймы с лихвой компенсировалось наличием близлежащих высоток. Таковыми были нависающая над городищем Княжья Гора, высотой 36 м, и расположенный в 4 км к востоку 64-метровый Исачковский холм: с их вершин пойменные низины и левый берег Сулы могли просматриваться на десятки километров (рис. 80).

Кснятинская крепость размещалась на южной оконечности узкой меридионально ориентированной водораздельной гряды, с востока и юга ограниченной течением Сулы и ее широкой поймой. С запада эта гряда омывалась водами Сулицы с не менее заболоченной поймой и на протяжении 20 км тянулась к северу, в направлении летописного Синца. Этой же грядой следует единственная возможная дорога, связывавшая Кснятин с Синцом и Лохвицей.

Побережье Сулицы на всем ее протяжении отличается от соседствующих участков доминированием слабозасоленных грунтов с типичной лугово-солончаковой растительностью. Это хорошо видно как по материалам старой почвенно-растительной картографии (Атлас, 1962. С. 23, 24, 26, 27), так и на более подробной съемке, восходящей к послевоенной инвентаризации земель (Почвы, 1973). В середине XVI в. близлежащие окрестности Кснятина были известны как "земля Чабановская на рубежи путивльском под Княжею горою на реке Сулицы" (Описание, 1886. С. 102), а по статистике середины XIX в. в пределах этого же слабозасоленного почвенного ареала размещались крупнейшие конные заводы Лохвицкого уезда (*Моргунов*, 1998а. С. 203). Очевидно, что существование столь аномального ареала на фоне окружающих его глубоких черноземов и в древности предполагало нетрадиционное использование этих земель.

Основной крепостью следующего оборонительного участка, скорее всего, являлся летописный Синец – одно из наиболее крупных и древних общерусских поселений Средней Сулы, возникновение которого среди северянского поселенческого массива прослеживается еще с рубежа X–XI вв. Для более позднего времени имеются основания идентифицировать этот населенный пункт как упомянутый в Никоновской летописи "митрополичий город Синелец" (*Грушевський*, 1992. С. 356).

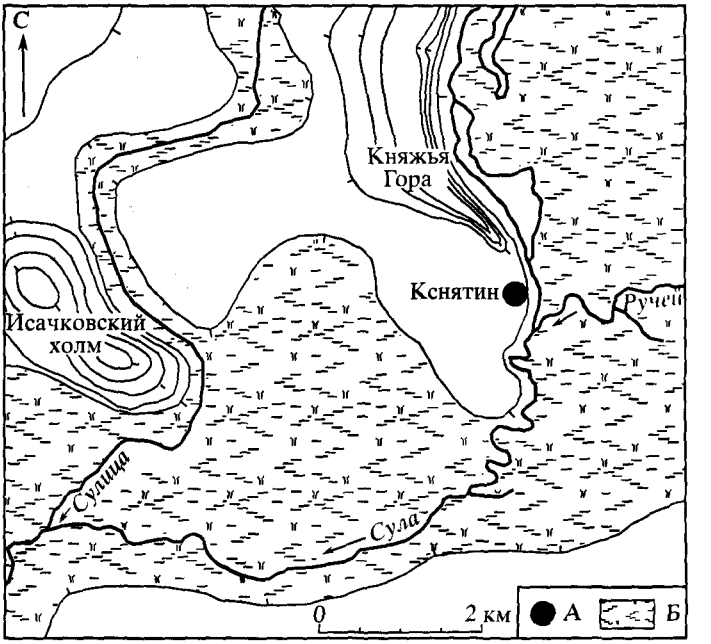


Рис. 80. Топографическое окружение летописного Кснятина
А – летописный город; Б – заболоченные поймы рек

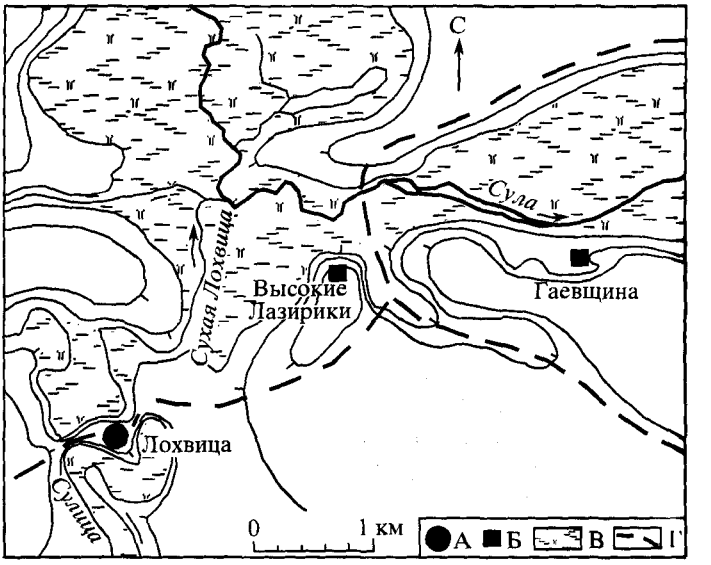


Рис. 81. Топографическая ситуация окрестностей Лохвицы
А – летописный город; Б – городища; В – заболоченные участки поймы; Г – древние дороги

Защитная значимость этого укрепления распознается по площади окружающих его открытых поселений, протянувшихся почти на 3 км вдоль правого берега реки, и наличию сопровождающих его укрепленных пригородов.

Одним из них является громадное (12 га) городище-убежище Никольская Горка, в случае необходимости способное вместить значительное количество окрестных поселян. Другим пригородом являлась устроенная на другом броду небольшая крепость Сампсониев Остров. Характер размещения названных памятников в первую очередь отражает функциональную связь этого хорошо защищенного скопления форпостов с контролированием речных переправ. Также не исключена связь скопления укреплений с охраной единственного сухопутного пути, который начинался у "Нятина перевоза" и около Синца поворачивал к Лохвице.

Вблизи этого летописного пункта пролегала и приуроченная к течению Сулицы уже известная полоса слабозасоленных земель, хозяйственное использование которых более присуще для кочевых или полукочевых народов, чем для славянского оседлого населения. В связи с этим вовсе неслучайным кажется и название современного села Сенча, где до недавнего времени располагалось городище этого летописного города, а в именовании которого до сих пор сохранилась тюркоязычная основа (*Стрижак*, 1963. С. 80).

Ключевое место при следующем каскаде бродов занимал летописный город Лохвица. Его историческое ядро западной стороной опиралось на заболоченную пойму р. Сухой Лохвицы, а через "50 саженей" к востоку от этого же берега из обширного болота вытекала р. Сулица (*Оппоков*, 1905. С. 110). Таким образом, городище размещалось на узком перешейке, закрывавшем единственный проход от трех сульских бродов в глубинные русские земли. Отсюда известно лишь немного керамики второй половины – конца XII в. (*Моргунов*, 1988. С. 195). К сожалению, плотная застройка центральной части современного города не позволяет надеяться на появление новых датирующих материалов о времени возникновения древних укреплений.

К северной окраине летописной Лохвицы подходила дорога, ведущая от Кснятина и Синца, а южные ворота открывали пути на юг, к летописному Нирятину и Переяславлю, а также на запад, где через Варин и Прилук открывалась дорога на Киев.

В трех километрах к северу от древнего городища расположен широкий песчаный брод, через который следовала другая дорога из степей, обозначенная на карте французского инженера Боплана (рис. 81).

Над этим бродом нависают крутые склоны возвышенности с округлым городищем Высокие Лазирки. Его конструкция отличается примечательной особенностью – двойной линией защитных валов на более пологих склонах мыса, что нехарактерно для древнерусских оборонительных сооружений. На территории Руси подобным устройством характеризовались лишь немногие укрепления на степных границах, в частности, крепости печенежско-торческого союза в черноклобуцком Поросье (*Плетнева, Макарова*, 1965). Схожие принципы оборонительного зодчества наблюдаются в степях и вос-

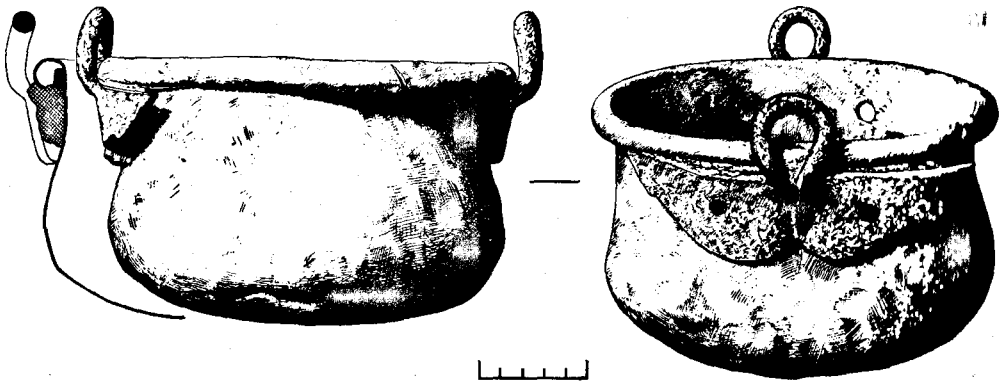


Рис. 82. Кочевнический котел с городища Высокие Лазирки

точном лесостепном предстепье: здесь подобные конструктивные особенности активно использовались предшествовавшим половцам алано-болгарским населением (*Плетнева*, 1967. С. 30, 31; *Афанасьев*, 1987. С. 103).

Примечательно, что на этом городище в свое время был найден мастерски изготовленный кованый медный котел с железными "крылатыми" ушками (рис. 82). Подобные изделия встречаются в кочевнических погребениях XII – первой половины XIII в., а география их распространения показывает, что центры их производства находились на половецкой территории. Отсюда же происходит бронзовая односторонняя подвеска с изображением св. Георгия, покровителя воинов (*Моргунов*, 1988. С. 196).

Очевидно, в данном случае мы имеем дело с укреплением-замком представителей феодальной верхушки какого-то рода "своих поганых" – кочевников-изгоев, переселенных сюда для несения русской приграничной службы.

Двумя километрами к востоку от Высоких Лазирок, близ современного с. Гаевщина, было возведено еще одно фортификационное сооружение. Его первоначальные укрепления были построены еще на заключительном этапе северянского расселения, затем они сгорели в пламени мощного пожара. После длительной хронологической лакуны на этом месте был построен новый форпост, не отличавшийся особыми оборонительными качествами или насыщенностью культурного слоя, который можно интерпретировать как укрепление-убежище для населения сельской округи.

Последний известный оборонительный участок лохвицкого микрорегиона сопряжен с течением р. Сухой Лохвицы и протянулся вдоль сухопутного пути из Лохвицы на летописный Варин. Размещенные на берегах этой реки укрепления Безсалы и Бербеницы были устроены таким образом, что могли одновременно контролировать прилегающее к ним степное пространство и речную магистраль (истоки Сухой Лохвицы соединялись с верховьем Удая бифуркацией, которая в многоводную пору года превращала эти водотоки в удобный речной путь). С другой стороны, крепости вплотную

прилегали к южной опушке древних лесов, создававших их жителям дополнительное укрытие.

В функциональном плане укрепление Безсалы скорее являлось сельским убежищем, а для Бербениц свойственны те же фортификационные отличия, которыми снабжались крепости-замки выходцев из степей. Для памятников этого типа свойственно их возведение на внутренних путях, где легкая конница могла адекватно противодействовать прорвавшимся на русские земли половецким отрядам. Может, это и случайное совпадение, но из Бербениц происходит фрагмент керамического водолея в виде столь близкого сердцу кочевника взнузданного коня (*Моргунов*, 1988. С. 196; 1996. С. 62).

Пожалуй, теперь было бы любопытно рассмотреть внутреннюю взаимосвязь отдельных оборонительных участков, а также проследить историю и особенности формирования защитного микрорегиона в целом.

На исходе эпохи северянского племенного единства военные акции печенегов не представляли никакой опасности для жителей Средней Сулы. На это указывает зафиксированная летописными источниками география их походов (*Моргунов*, 1999. С. 76). Она вполне соответствует распространению крепостей, возведенных Владимиром Святославичем при помощи греческих мастеров для защиты южных рубежей страны (*Моргунов*, 2001. С. 70).

Об отсутствии внешней опасности с юга или востока говорит и классическая "гнездовая" тенденция размещения роменских укрепленных поселений днепровского Левобережья. Для района Средней Сулы, очевидно, более типичной была рассредоточенная система распространения северянских городищ. В одних случаях, таких как Гаевщина, Васильки, Панское у с. Бодаква или большое открытое поселение Казачья Гора у того же села, роменские памятники обнаруживаются в отдалении от сухопутных магистралей или речных переправ. Иные примеры показывают, что места расселения располагались и около удобных переправ; их значительная доля представлена открытыми поселениями близ летописных Кснятина и Синца, Сампсониева Острова, Высоких Лазирок и др.

С освоением Русью племенной северянской территории первые следы проникновения сюда общерусского населения, относящиеся к рубежу X–XI вв., зафиксированы на месте летописного Синца, но постепенно количество новых поселений возрастало. Несколько позже, около середины XI в., на месте городища Кснятина отложились первые следы поселения и появились наиболее ранние погребения в курганном могильнике (*Моргунов*, 1998. С. 38, 58), но нужды в крепостных сооружениях здесь пока не возникало, поскольку первоначально половецкие отряды действовали только в более южной приднепровской зоне.

Внешнеполитическая ситуация резко изменилась в 80-е годы XI в., когда пути резко активизировавшихся половецких нападений были преграждены нижнесульскими укреплениями и поэтому переместились на Среднюю Сулу.

Очевидно, именно в этот момент были возведены крепости Синец и Кснятин, этому не противоречат и найденные здесь археологические материалы (*Моргунов*, 1998. С. 63–66). Каждый из этих форпостов контролировал удобные речные переправы, открывавшие дороги в глубинные районы Руси. Вероятно, главным центром приграничного территориального образования на этот момент являлся Синец. Здесь размещалось наиболее раннее и поэтому, вероятно, обладавшее наибольшими воинскими ресурсами поселение. Кроме того, из-за расположения в основании узкого междуречья Сулы и Сулицы у него были некоторые преимущества и местные вооруженные силы имели возможность "подстраховать" кснятинский рубеж в случае его неожиданного прорыва.

Между тем, в Южной Руси уже были апробированы мобильные силы, которые военной тактикой и самим устройством их хозяйственного уклада были как бы предназначены для решения приграничных проблем. Это были кочевнические формирования легкой конницы, вместе со своими вежами перешедшие под власть Руси – благо в приграничных районах было достаточно маловодных степных просторов, непригодных для экстенсивного русского земледелия.

К примеру, для торков суть новой службы была знакома: еще с рубежа VII–VIII вв. им приходилось исполнять пограничные обязанности по периметру оседлых земель Мавераннахра и Хорезма (*Расовский*, 1935. С. 250). На Правобережье Днепра торческие и печенежские сообщества начали расселяться с 70-х годов XI в. (*Плетнева*, 1973. С. 25), применительно к Левобережью с 1080 г. в летописных источниках приходит в употребление понятие "переяславские торки" (ПСРЛ. Т. 1. С. 204). По большому счету под этим определением следует понимать разноэтничные кочевые объединения, но мы условно используем летописную окраску этого термина.

Размещение "своих поганых" на древнерусских приграничных землях в литературе принято связывать с ареалами слабозасоленных земель (*Зайцев*, 1975. С. 79; *Моргунов*, 1988. С. 203). При господстве древнерусского экстенсивного земледелия распашка маловодных слабозасоленных черноземов была нерентабельна, как невозможен и выпас крупного рогатого скота. С другой стороны, лугово-солончаковая растительность нисколько не мешали полукочевому коневодству и даже способствовала овцеводству. Так, и XIX в. в Полтавской губернии только на солонцах выращивали особые породы серебристых густошерстных овец (*Богданович*, 1877. С. 93).

Таким образом, расселение кочевников по слабозасоленным землям побережья Сулицы как нельзя лучше соответствовало и особенностям их хозяйственного уклада, и нуждам защиты пограничного узла на всем протяжении от Кснятина до Лохвицы. С их расселением был сделан первый шаг на пути перехода от линейного построения внешних русских границ к углублению их первой линии обороны.

Описанная летописными источниками практика использования полукочевых федератов показывает, что они были наилучшим образом пригодны

для налаживания оперативной связи и несения внутренней приграничной службы, поскольку могли пресечь наиболее многочисленные мелкие половецкие вторжения. Незаменимыми были торки и для поисков рассеянных после битв кочевнических групп. Только их легкая конница могла догнать и окружить уходившие в степи и нагруженные полоном половецкие рати. Но если дело касалось лобового столкновения объединенных русских сил с половцами, то, как правило, первыми не выдерживали натиска "свои поганые". Кроме того, они нуждались в хорошей защите их мест обитания, поскольку на ограниченной территории русского пограничья их вежи были беззащитны перед половцами. Видимо, поэтому практически все известные нам места их концентрации были несколько оттянуты от русских границ в тыл или соседствовали с более защищенными центрами, где концентрировались русские воинские объединения.

В первой половине XII в. процесс углубления первой линии обороны внешней границы со степью выразился возведением торческих убежищ-замков в Бербенице и Высоких Лазирках. Это явление не было случайной акцией, оно символизировало синхронность общерусского процесса закрепления вассальных тюркских контингентов вдоль степных границ (*Пашуто*, 1968. С. 109, 110) и появлению на правом берегу Днепра черноклобуцкого союза (*Плетнева*, 1973. С. 25). Это согласуется и с мнением летописных источников, где однозначное упоминание о торческих убежищах Баруче и Бронь-Княже близ Переяславля известно под 1125 г. (ПСРЛ. Т. 1. С. 295).

Таким образом, в соответствии с особенностями воинских навыков и тактикой торков, их размещение у Бербениц позволило наладить контроль над внутренней степной дорогой на Варин и далее на Киев. В свою очередь, Высокими Лазирками были полностью перекрыты дороги, ведущие от речных переправ, а, по большому счету, с появлением этой крепости, видимо, закончилось формирование "Чабановского" кочевнического расселения по р. Сулице.

В силу этих наблюдений, размещение торческого замка Высокие Лазирки столь близко от сульского брода, от первой линии обороны, непременно ставит вопрос о датировке возникновения укреплений в самой Лохвице. Оборонительная логика исторического развития микрорегиона позволяет предположить существование древнерусской крепости уже в первой половине XII в., когда ее возникновение было наиболее уместным с точки зрения защитных качеств этого участка границы. Конечно, это предположение недоказуемо, но только оно может увязать многие не совсем объяснимые факты. Одним из таких фактов является хотя бы то обстоятельство, что в случае отсутствия мощной крепости на этом узком перешейке многие прослеженные выше оборонительные мероприятия полностью теряют свою тактическую логику.

В свете сложившейся к этому моменту оборонительной ситуации, на этот момент гипотетически представляется оправданной и возможность переноса на Лохвицу функций "столицы" микрорегиона: она становится клю-

чевым центром, которому предназначено сдержать врага, миновавшего усложнившуюся к этому времени систему защиты трех сульских бродов. В таком случае объяснимо и позднее упоминание Синца как митрополичьего города, столь необходимого для нужд обращения полукочевых федератов "Чабановской земли" в христианство.

Последний штрих в формировании лохвицкого микрорегиона, на наш взгляд, поставила полоса феодальных войн середины XII в., когда население стремилось самостоятельно защититься от сумятицы межкняжеских смут и разорения наемными отрядами половцев. Особенности этого времени выразились в массовом появлении на всем Посулье небольших укреплений, построенных населением по типу сельских убежищ, таких как Безсалы, Гаевщина и Никольская Горка. Их отличает крайняя нестандартность размеров, приуроченность к случайным рельефным аномалиям и незначительная мощность оборонительных элементов (*Моргунов*, 1990. С. 99, 100). Для них типично и стремление к размещению в наиболее укрытой природой местности (Гаевщина и Безсалы) или под защитой крупных городских центров (Никольская Горка).

С появлением на посульской границе значительного количества сельских укреплений-убежищ на многих участках степного порубежья появились гнездовые средоточия крепостных сооружений. Среди каждого такого скопления особняком выделялся летописный город, рядом располагался менее значимый пограничный форпост, а для окрестного сельского населения выстраивалось более или менее крупное убежище. В чем-то схожие средоточия укрепленных поселений были типичны для более раннего северянского расселения, но на ранних этапах формирования общерусских границ такая система не практиковалась. Очевидно, в смутные времена княжеских междоусобиц и неизбежного ослабления внешних рычагов управления волостями возврат к древнейшим способам территориальной организации был обусловлен внутренними законами самозащиты микрорегионов. Типичными примерами таких "гнезд" могут служить синецкий или лохвицкий оборонительные узлы.

Итак, в середине – второй половине XII в. лохвицкий микрорегион слагался из четырех взаимосвязанных оборонительных участков, каждый из которых был ориентирован на решение конкретных задач в русле обеспечения обороноспособности всего пограничного узла. В целом такой микрорегион представляется достаточно замкнутым и самодостаточным оборонительно-хозяйственным организмом. На его территории, насчитывавшей 680 км², наиболее рациональным образом размещалось 3 летописных центра и 6 менее значимых долговременных оборонительных сооружений. Внешние пределы этого территориального образования были со всех сторон ограничены или естественными преградами, или обширными незаселенными пространствами. На его внутренних просторах фиксируются различные рода военных формирований; была налажена и транспортная связь с отдаленной переяславской метрополией. Все это по-

зволяет усмотреть в микрорегионе основные черты особой административной единицы.

Сложившаяся здесь административно-территориальная ситуация в чем-то близка, к примеру, летописной трактовке черниговской волости Задесенье с ее семью городами (ПСРЛ. Т. 2. С. 500; *Зайцев*, 1975. С. 78). Археологически лучше изученная Вырская волость к концу XII в. насчитывала в своем составе 9 укреплений (из них 4 – летописные города), а ее площадь не превышала 900 км². В литературе есть сведения и о Стародубской волости Черниговской земли: ее площадь – 620 км², максимальный поперечник, как и в нашем случае, не превышает 40 км, а ширина незаселенных пограничных зон с соседними территориальными образованиями преодолима за половину дневного перехода (*Шинаков*, 1994. С. 37, 38).

При существующей неразработанности археологической интерпретации летописной административно-территориальной терминологии, на практическом уровне лохвицкий микрорегион вполне сопоставим с нашим представлением о древнерусской волости.

Может быть, в настоящий момент (и вплоть до накопления значительного объема археологических сведений о небольших замкнутых территориальных единицах) настаивать на таком понимании изучаемого микрорегиона еще преждевременно. Тем не менее, на огромной территории древнего Посулья, охватывающего площадь приблизительно 6000–8400 км² (120 × 50–70 км), непременно должно было существовать и более дробное, более удобное в управлении, административно-территориальное деление.

И действительно, по мере углубления археологической обследованности этого обширного ареала, основные и крупнейшие звенья Посульской оборонительной линии постепенно начинают приобретать вид системы взаимосвязанных микрорегионов, каждый из которых невелик по площади, но удобен для управления, создания внутренней инфраструктуры и нацелен на наилучшее решение конкретных оборонительных задач в условиях приграничья. Так, кроме лохвицкого узла, постепенно определяется характер направленного на обслуживание торной дороги из степей лубенско-пирятинского средоточия укреплений и лукомльско-снепородский район; складывается представление и о территориальной общности скопления крепостей вокруг летописного Прилука на р. Удай.

Толкование огромного по площади Посульского ареала как системы волостей-микрорегионов, на наш взгляд, вполне соответствует и наличию множественного числа управлявших ими представителей местной власти. Последнее оценивается Лаврентьевской летописью под 1138 г. следующим образом: “и бысть пагуба посулцем ово от половець, ово же от своих посадникъ” (ПСРЛ. Т. 1. С. 305).

Думается, что в этом направлении исследователей Посулья ожидает еще много нераскрытых страниц древнерусской истории.

Литература

Исследования и публикации

Акты, 1841. – Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией СПб. Т. I.

Артемьев А.Р., 1990. – Кистени и булавы из раскопок Новгорода Великого // Материалы по археологии Новгорода, 1988. М.

Атлас, 1962. – Атлас Украинской и Молдавской ССР. М.

Афанасьев Г.Е., 1987. – Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII X вв. // Археологические открытия на новостройках. М. Вып. 2.

Балабанов Т.П., 1988. – Массовое жилище в Плиске (VIII–XI вв.) // Труды V Международного конгресса археологов-славистов. Киев. Т. 2.

Барсуков А.Ф., 1898. – Очерк флоры южной части Лохвицкого уезда Полтавской губернии // Изв. Санкт-Петербургского лесного ин-та. СПб. Вып. 1.

Беляєва С.О., 1979. – Про основні принципи датування піденно-руських пам'яток другої половини XIII–XIV ст. // Археологія. № 31.

Беляєва С.О., Кубишев А.І., 1995. – Поселення Дніпровського Лівобережжя X XV ст. Київ

Блажевич Н.В., 1983. – Житла давньоруського Чучина // Археологія. № 44.

Богданович А.В., 1877. – Сборник сведений о Полтавской губернии. Полтава.

Борисевич Г.В., 1978. – Рец. на монографию П.А. Раппопорта "Древнерусское жилище" САИ. Л., 1977. Е1-32. // СА. № 4.

Веремейчик О.М., 1996. – Матеріальна культура сільського населення IX – п.п. XIII ст. межиріччя Нижньої Десни та Дніпра // Тези доповідей української делегації на VI Міжнародному конгресі слав'янської археології. Київ.

Витрувий., 1936. – Марк Витрувий Поллион. Об архитектуре. М.

Воронин Н.Н., 1949. – Оборонительные сооружения Владимира // МИА. № 11: Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. 1.

Глинка К.Д., 1892. – Лохвицкий уезд // Материалы к оценке земель Полтавской губ. Естественно-научная часть: Отчет Полтавскому губернскому земству. СПб. Вып. XII.

Гончаров В.К., 1950. – Райковецкое городище. Киев.

Григорьев А.В., 1990. – Некоторые хронологические изменения в конструкциях жилищ роменской культуры // Традиции и инновации в материальной культуре древних обществ. М.

Григорьев А.В., 1990а. – О соотношении роменской и древнерусской керамики // Тезисы историко-археологического семинара "Чернигов и его округа в IX–XIII вв." Чернигов

Григорьев А.В., 2000 – Северская земля в VIII – начале XI века по археологическим данным. Тула.

Грушевський М.С., 1992. – Історія України-Руси. Київ. Т. II.

Гупало К.Н., 1981. – Конструктивные типы древнекиевских построек // Толочко П.П., Боровский Я.Е., Вознесенская Г.А. и др. "Новое в археологии Киева". Киев.

Даркевич В.П., Борисевич Г.В., 1995. – Древняя столица Рязанской земли. М.

Довженок В.Й. и др., 1966. – Довженок В.Й., Гончаров В.К., Юра Р.О. Древньоруське місто Войнь. Київ.
Довідник, 1982. – Сидоренко Г.О., Махно Є.В., Телегін Д.Я. Довідник з археології України. Полтавська область. Київ.
Дулов А.В., 1983. – Географическая среда и история России (конец XV – середина XIX в.). М.
Завьялов В.И., 2001. – Технологические особенности железных изделий из древнерусских памятников Посулья // РА. № 1.
Загорульский Э.М., 1982. – Возникновение Минска. Минск.
Зайцев А.К.,1975. – Черниговское княжество // Древнерусские княжества X–XIII вв. М.
Іванченко Л.І., Орлов Р.С., 1986. – Про локалізацію літописного Юр'єва // Археологія. № 53.
Килиевич С.Р., 1982. – Детинец Киева IX – первой половины XIII в. Киев.
Кирпичников А.Н., 1966а. – Древнерусское оружие. Вып. 1. // САИ. Л. Е1-36.
Кирпичников А.Н., 1966б. – Древнерусское оружие. Вып. 2 // САИ. Л. Е1-36.
Кирпичников А.Н., 1973. – Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. САИ. Л. Е1-36.
Кирпичников А.Н., Медведев А.Ф., 1985. – Вооружение // Археология СССР: Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.
Клепатский П.Г., 1912. – Очерки по истории Киевской земли // Записки Новороссийского университета. Одесса. Т. 1.
Козюба В.К., 1998. – Південноруське сільське житло (матеріали до реконструкції заглибленного житла XI–XIII ст.) // Археологія. № 1.
Колчин Б.А., 1958. – Хронология новгородских древностей // СА. № 2.
Колчин Б.А., 1982. – Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник: "50 лет раскопок Новгорода". М.
Копилов Ф.Б., 1949. – Посульська експедиція 1945–1946 рр. // АП. Т. 1.
Косточкин В.В., 1962. – Русское оборонное зодчество конца XIII – начала XVI в. М.
Куза А.В., 1983. – Социально-историческая типология древнерусских укрепленных поселений IX – середины XIII в. // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж.
Куза А.В., 1989. – Малые города Древней Руси. М.
Куза А.В., 1996. – Древнерусские городища X–XIII вв.: Свод археологических памятников. М.
Куговой А.И., 1984. – Усадьбы как основной элемент градостроительной структуры древнерусского города // Древнерусский город (материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию города Киева). Киев.
Кучера М.П., 1969. – Про одну групу середньовічної кераміки на території УРСР // Слов'яно-руські старожитності. Київ.
Кучера М.П., 1984. – Поселения среднего Поднепровья // Кучера М.П., Сухобоков О.В., Беляева С.А. и др. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). Киев.
Кучера М.П., 1986. – Керамика // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 3.
Кучера М.П., 1986а. – Городища // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 3.
Кучера М.П., 1987. – Змиевы валы Среднего Поднепровья. Киев.
Кучера М.П., 1998. – Про деякі маловідомі типи кераміки на давньоруських пам'ятках // Історія Русі-України (історико-археологічний збірник). Київ.
Кучера М.П., 1999. – Слов'яно-руські городища VIII–XIII ст. між Саном і Сіверським Донцем. Київ.
Левашова В.П., 1956. – Сельское хозяйство // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М. (Тр. ГИМ. Вып. 32).
Лесман Ю.М., 1990. – Хронология ювелирных изделий Новгорода (X–XIV вв.) // Материалы по археологии Новгорода, 1988. М.
Логвин Г.Н., 1987. – О внешнем облике древнерусских городов // Труды V Международного Конгресса славянской археологии. М. Т. III, вып. 2а. Секция VI.

Львова З.А., 1959. – Стеклянные браслеты и бусы из Саркела – Белой Вежи // МИА. № 79; Труды Волго-Донской АЭ. Т. II.
Ляпушкин И.И., 1961. – Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа // МИА № 104.
Лясоронский В.Г., 1901. – Городища, курганы и длинные (змиевые) валы в бассейне р. Сулы // Тр. XI АС. Т. 1.
Макаренко Н.Е., 1917. – Городища и курганы Полтавской губернии. Пг.
Мальм В.А., 1968. – Крестики с эмалью // Славяне и Русь. М.
Медведев А.Ф., 1966. – Ручное метательное оружие // САИ. М. Е1-36.
Мезенцева Г.Г., 1968. – Древньоруське місто Родень. Княжа Гора. Київ.
Моргунов Ю.Ю., 1986. – Круглые городища Левобережья Днепра // СА. № 2.
Моргунов Ю.Ю., 1988. – Древнерусские городища в окрестностях летописного города Лохницы // СА. № 2.
Моргунов Ю.Ю., 1990. – Функциональное назначение пограничных городищ Юго-Восточной Руси // Археологические исследования на Полтавщине: К 100-летию Полтавского краеведческого музея: Сб. научных трудов. Полтава.
Моргунов Ю.Ю., 1990а. – Летописный Кснятин и его некрополь на Суле // КСИА. Вып. 205
Моргунов Ю.Ю., 1996. – Древнерусские памятники поречья Сулы. Курск.
Моргунов Ю.Ю., 1998. – Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск
Моргунов Ю.Ю., 1998а. – Оборонительная структура Переяславской земли // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. М. Т. 4.
Моргунов Ю.Ю., 1999. – О пограничном строительстве Владимира Святославича на Переяславском Левобережье // РА. № 3.
Моргунов Ю.Ю., 2001. – О сырцовых стеновых кладках эпохи Владимира Святославича // КСИА. Вып. 211.
Моргунов Ю.Ю., Терпиловский Р.В., Левченко Д.И., Гавриленко И.Н., 1991. – Раскопки у с. Сенча на Суле // Археологічні дослідження на Україні у 1990 р. Київ.
Никольская Т.Н., 1981. – Земля вятичей. М.
Никольская Т.Н., 1987. – Городище Слободка XII–XIII вв. М.
НПЛ – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов // ПСРЛ. М., 2000. Т. 3
Описание, 1886. – Описание Каневского замка 1552 г. // Архив юго-западной России, издаваемый комиссией для разбора древних актов. Киев. Ч. VII, т. I.
Оппоков Е.В., 1905. – Речные долины Полтавской губернии. СПб. Ч. II.
Падалка Л.В., 1905. – О древних городках, городищах и насыпных валах на территории нынешней Полтавской губернии // ТПУАК. Полтава. Вып. I.
Пашуто В.Т., 1968. – Внешняя политика Древней Руси. М.
Пескова А.А., 1978. – Древнерусское поселение у с. Сенча на Суле // КСИА. Вып. 155.
Петрашенко В.О., 1997. – Поселення Канівського Подніпров'я // Південноруське село IX–XIII ст. Київ.
Плетнева С.А., Макарова Т.И., 1965. – Южное городище у с. Витачева // КСИА. Вып. 104
Плетнева С.А., 1967. – От кочевий к городам. М.
Плетнева С.А., 1973. – Древности Черных Клобуков // САИ. М. Е1-19.
Полубояринова М.Д., 1963. – Стеклянные браслеты Древнего Новгорода // МИА. № 117
Поппэ А., 1962. – Материалы для терминологического словаря древнерусского строительного дела X–XV вв. Вроцлав.
Почвы, 1973. – Почвы Украинской ССР. М 1: 750 000. М.
Приймак В.В., 1997. – Роменська культура в межиріччі Десни і Ворскли. Дискусійні питання, нові матеріали. Полтава-Суми.
ПСРЛ. – Полное собрание русских летописей. М., 1962. Т. 1, 2.
Раппопорт П.А., 1956. – Очерки истории русского военного зодчества X–XIII вв. // МИА. № 52.
Раппопорт П.А., 1961. – Очерки по истории военного зодчества Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X–XV вв. // МИА. № 105.

Рапопорт П.А., 1967. – Военное зодчество западнорусских земель X–XIV вв. // МИА. № 140.
Рапопорт П.А., 1975. – Древнерусское жилище // САИ. Л. Е1-32.
Рапопорт П.А., Колчин Б.А., Борисевич Г.В., 1985. – Жилище // Археология СССР: Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.
Расовский Д.А., 1935. – Половцы, I // Seminarium Kondakovianum. VII. Praha.
Ратич О.О., 1964. – До питання про розташування і оборонні споруди древньоруських городів Південно-Західної Русі // МДАВП. Київ. Вып. 5.
Раунер Ю.Л., 1985. – Реконструкция экстремальных климатических явлений исторического прошлого // Методы реконструкции климатов. М.
Рожко М.Ф., 1990. – Особливості дерев'яних укріплень слов'янських "градів" Південно-Західної Русі // VI Международный Конгресс славянской археологии: Тез. докл. советской делегации. М.
Розен В., 1878. – Известия Ал-Бекри о славянах и их соседях // Куник А.А., Розен В.Р. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. СПб. Т. 1.
Розенфельдт Р.Л., 1964. – О производстве и датировке овручских пряслиц // СА. № 4.
Рыбаков Б.А., 1949. – Русские системы мер длины // СЭ. № 1.
Рыбаков Б.А., 1957. – Архитектурная математика древнерусских зодчих // СА. № 1.
Рыбаков Б.А., 1960. – Раскопки в Любече в 1957 г. // КСИИМК. Вып. 79.
Рыбаков Б.А., 1964. – Любеч – феодальный двор Мономаха и Ольговичей // КСИА. Вып. 99.
Рыбаков Б.А., 1965. – Владимировы крепости на Стугне // КСИА. Вып. 100.
Сагайдак М.А., 1984. – К вопросу о Лядских воротах древнего Киева // Древнерусский город (Материалы Всесоюзной археологической конференции, посвященной 1500-летию г. Киева). Киев.
Сагайдак М.А., 1991. – Давньокиївський Поділ. Київ.
Седова М.В., 1978. – Ярополч Залесский. М.
Седова М.В., 1981. – Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
Ситий Ю.М., 1997. – Звідки починався в стародавньому Чернігові любецький шлях? // Любецький з'їзд князів 1097 року в історичній долі Київської Русі. Чернігів.
Стрижак О.С., 1963. – Назви річок Полтавщини. Київ.
Сухобоков О.В., 1975. – Славяне днепровского Левобережья. Киев.
Сухобоков О.В., 1984. – Левобережье Днепра // Кучера М.П., Сухобоков О.В., Беляева С.А. и др. Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта). Киев.
Терпиловський Р.В., Левченко Д.І., 1994. – Слов'янське поселення середини I тис. н.е. поблизу с.Сенча в Середньому Посуллі // Полтавский археологический сборник. Полтава. Т. 2.
Тимощук Б.О., 1982. – Давньоруська Буковина (X – перша половина XIV ст.). Київ.
Тимощук Б.А., 1989. – Археологические признаки восточнославянских городищ-убежищ // КСИА. Вып. 195.
Тихомиров М.Н., 1952. – Список русских городов дальних и ближних // ИЗ. Т. 40.
Толочко П.П., 1972. – Історична топографія стародавнього Києва. Київ.
Толочко П.П., 1980. – Киев и Киевская земля в эпоху феодальной раздробленности XII–XIII вв. Киев.
Толочко П.П., 1981. – Гончарное дело // Новое в археологии Киева. Киев.
Толочко П.П., 1989. – Древнерусский феодальный город. Киев.
Узянов А.А., 1982. – Динамика технологического стереотипа в орнаментации роменской керамики // Естественные науки и археология в изучении древних производств. М.
Узянов А.А., 1990. – Керамический комплекс роменской культуры: подходы к хронологической диагностике // Археологические исследования в Центральном Черноземье в XII пятилетке: Тез. докл. Белгород.
Хорошев А.С., 1997. – Новгородские усадьбы X–XV вв. // Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 2: Славянский средневековый город. М.
Чернецов А.В., 1976. – Классификация и хронология наконечников древнерусских пахотных орудий // КСИА. Вып. 146.

Чернецов А.В., Куза А.В., Кирьянова Н.А., 1985. – Земледелие и промыслы // Археология СССР: Древняя Русь. Город. Замок. Село. М.

Чижикова Л.Н., 1988. – Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционно бытовой культуры (XIX–XX века). М.

Шекун О.В., Веремейчик О.М., 1997. – Поселения Ліскове у верхів'ях р. Білоус // Пивденно руське село IX–XIII ст. Київ.

Шафонский А.Ф., 1851. – Черниговского наместничества топографическое описание. Киев

Шинаков Е.А., 1991. – "Восточные территории" Древней Руси в конце X XIII вв. // Археология славянского Юго-Востока. Воронеж.

Шинаков Е.А., 1994. – "Внутренние пограничья" Древней Руси: к постановке проблемы // Проблеми ранньслов'янської і давньоруської археології Посейм'я. Матеріали наукової конференції, присвяченної 900-річчю Вира-Білопілля. Білопілля.

Шнитников А.В., 1957. – Изменчивость общей увлажненности материков северного полушария // Записки Географического Общества СССР. М.; Л. Т. 16. Новая серия.

Щапова Ю.Л., 1997. – Украшения из стекла // Археология СССР: Древняя Русь. Быт и культура. М.

Юра Р.А., Кучера М.П., 1986. – Воинь // Археология Украинской ССР. Киев. Т. 3.

Архивные материалы

Горюнов Е.А. Отчет 1972 г. – Отчет о работе днепровского Левобережного отряда ЛОИА в 1972 г. // НА ИА НАНУ. 1972/90. Фонд экспедиции. № 6287.

Копылов Ф.Б. Отчет 1945 г. – Відчіт про розвідку археологічних пам'ятників Середнього Посулля у 1945 р. // НА ИА НАНУ. 1945/8. Фонд экспедиции. № 507.

Кучера М.П., Сухобоков О.В. Отчет 1971 г. – Звіт про роботу Ліво-бережного розвідкового ІА АН УРСР за 1971 р. // НА ИА НАНУ. 1971/17а. Фонд экспедиции. № 5994.

Кучера М.П., Сухобоков О.В. 1971. – Находки хранятся в фондах ИА НАНУ. Кол. № 660

Ляпушкин И.И. Отчет 1948 г. – Отчет о работе Днепровской Левобережной экспедиции в 1948 г. // НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 1. 1948. № 91–97.

Моргунов Ю.Ю., Терпиловский Р.В., Левченко Д.И., Гавриленко И.Н. Отчет 1990 г. Отчет Посульской экспедиции ИА АН СССР о раскопках городища Сампсониев Остров в 1990 г. (с. Сенча Лохвицкого р-на Полтавской обл. Украины) // НА ИА НАНУ. 1990/109

Моргунов Ю.Ю., Терпиловский Р.В., Гавриленко И.Н. Отчет 1991 г. – Отчет Посульской экспедиции ИА РАН о раскопках городища и селища Сампсониев Остров в 1991 г. // НА ИА НАНУ. 1991/96.

Терпиловский Р.В. Отчет 1992 г. – Отчет о работе Посульской экспедиции ИА НАНУ о раскопках городища и селища Сампсониев Остров (с. Сенча Лохвицкого р-на Полтавской обл.) в 1992 г. // НА ИА НАНУ. 1992/23.

Список сокращений

АН	–	Академия наук
АП	–	Археологічні пам'ятки УРСР
АС	–	Археологический съезд
АЭ	–	Археологическая экспедиция
ГИМ	–	Государственный Исторический музей
ИА	–	Институт археологии
ІА	–	Інститут археології
ИИМК	–	Институт истории материальной культуры
КСИА	–	Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК	–	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА	–	Ленинградское отделение Института археологии
МИА	–	Материалы и исследования по археологии СССР
НА	–	Научный архив
НАНУ	–	Национальная Академия наук Украины
НПЛ	–	Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов
ПВЛ	–	Повесть временных лет
ПСРЛ	–	Полное собрание русских летописей
РА	–	Российская археология
СА	–	Советская археология
САИ	–	Свод археологических источников
СЭ	–	Советская этнография
ТПУАК	–	Труды Полтавской ученой архивной комиссии

Содержание

Археологические памятники Сенчи в составе древностей Средней Сулы 5
Внешний облик памятника и история его изучения 11
Методика раскопок и стратиграфические особенности памятника 29
Заселенность останца до возведения крепости 41
Поселение летописных северян 42
Открытое поселение эпохи сложения пограничной линии 60
Защитные сооружения городища 65
Исследование конструкции земляных валов 66
Раскопки напольного въезда 80
Археологические объекты периода существования крепости 87
Начало сложения пограничного поселения 87
Сампсониев Остров второй половины XII в. – рубежа XII–XIII вв. 90
Заселенность крепостной площадки 92
Застройка открытого поселения 96
Развитие поселенческой структуры в первой половине XIII в. 99
Древнерусские хозяйственные ямы и керамический материал монгольского времени 106
Распространение внекомплексных индивидуальных находок 112
Материальная и духовная культура обитателей поселения 119
Особенности домостроительства Сампсониева Острова 119
Земледелие и промыслы 131
Ремесленное производство 133
Гончарное дело 138
Вооружение, снаряжение верхового коня 141
Предметы быта, изделия из цветных металлов, сведения о торговле и верованиях поселян 147
Планиграфия и демография поселения 151
Сампсониев Остров и другие укрепления пограничной Лохвицкой волости переяславского Посулья 163
Литература 181
Список сокращений 186

Научное издание

Моргунов Юрий Юрьевич

Сампсониев Остров:

Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI–XIII веках

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии
Российской академии наук

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *Г.В. Шевцова*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *З.Д. Алексеева, Т.А. Печко*

Подписано к печати 16.10.2003. Формат $70 \times 90^1/_{16}$
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 14,0 + 0,9 вкл. Усл.кр.-отт. 18,1. Уч.-изд.л. 15,0
Тираж 300 экз. Тип. зак. 4694

Издательство "Наука"
117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография "Наука"
199034 Санкт-Петербург, 9-я линия, 12

Ю.Ю. Моргунов

Сампсониев Остров

Пограничная крепость на посульской окраине Южной Руси в XI – XIII веках

ISBN 5-02-008897-8

9 785020 088979

НАУКА